

ИЗВЕСТИЯ
КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

NEUYOSTOLIITON TIEDEAKATEMIAN
KARJALAIS-SUOMALAISEN FILIAALIN
TIEDONANTOJA

№ 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1 9 5 1

ИЗВЕСТИЯ
КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

NEUVOSTOLIITON TIEDEAKATEMIAN
KARJALAIS-SUOMALAISEN FILIAALIN
TIEDONANTOJA

№ 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1 9 5 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Член-корреспондент АН СССР И. И. Горский (отв. редактор), проф. В. Г. Базанов, проф. П. А. Борисов, канд. техн. наук С. В. Григорьев, А. В. Иванов (заместитель отв. редактора), канд. истор. наук В. И. Машезерский, проф. И. Ф. Правдин, канд. геолого-минералогических наук А. Г. Сенишов (секретарь редколлегии).

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

**БОРЬБА НОВГОРОДА И КАРЕЛ ПРОТИВ ШВЕДСКОЙ
ЭКСПАНСИИ В XII в.**

В середине XII в. началась шведская экспансия в страны к востоку от Балтики, длившаяся в течение многих столетий. Шведское феодальное государство ставило своей первой целью завоевание Финляндии с тем, чтобы овладеть землями финских племен и обратить население страны в феодальную зависимость. Одновременно шведы совершают нападение и дальше на восток — на русское Приладожье (1164 г.).

Против шведской экспансии сразу же выступила наиболее могущественная сила восточной Балтики — Новгородское государство. Борьба Новгородского государства против наступления шведов в XII в. занимает выдающееся место в истории Карелии и карельского народа, так как эту борьбу со стороны Новгорода в значительной мере вели не русские военные силы, а военные отряды новгородских подданных — карел. Походы карел против шведов в XII в. — это первое выступление карельского народа на арену европейской истории. С первых шагов своей политической истории карелы выступают рука об руку с русским народом против иноземной агрессии.

Для изучения интересующих нас событий мы можем пользоваться русскими летописями, а также шведскими и финляндскими памятниками и данными папских булл. Но все эти источники дают лишь отрывочные и случайные сведения и требуют весьма осторожного отношения к ним. Современные событиям сведения мы находим лишь в русской летописи и папских буллах; остальные источники составлены значительно позднее. Поэтому приходится тщательно изучать каждый источник, изучать происхождение каждого известия, прежде чем решать вопрос о его достоверности.

Ученые уже давно старались расширить круг источников и путем глубокого историко-географического анализа привлечь новые материалы о военных событиях XII в. Русская историческая наука и связанные с ней передовые финляндские ученые в первой половине XIX в. добились немалых успехов на этом пути.

Начало изучения борьбы Новгорода и карел в XII в. со Швецией было положено почти полтора столетия назад выдающимся русским ученым

15812
11-6693
Библиотека Киргизского
Филиала А.Н. СССР

академиком А. Х. Лербергом. В своем исследовании о еми, заложившем основы изучения истории Финляндии,¹ Лерберг впервые наметил правильное решение нескольких сложных вопросов истории русско-шведской борьбы в Финляндии и Карелии в XII—XIV вв.; им, в частности, впервые высказано мнение, что крупнейшее военно-политическое предприятие XII в., Сигтунский поход, было совершено карелами; им же было впервые дано исследование русско-карельского похода на шведов в 1198 г. и отмечено значение этого события в истории шведской Финляндии.

Вслед за Лербергом события XII в. изучал прогрессивный финляндский буржуазный ученый Г. Рейн, работавший в период подъема финляндского буржуазно-национального движения первой половины XIX в. Рейн поддержал точку зрения Лерберга относительно Сигтунского похода и похода 1198 г. Крупным достижением финляндской исторической науки периода буржуазно-национального подъема было исследование Рейна о походе 1178 г. Путем тщательного источниковедческого анализа Рейн доказал, что большой военный поход против шведов в 1178 г., ошибочно приписанный источниками куронам, был в действительности совершен карелами.² Выводы Лерберга и Рейна прочно вошли в историческую литературу и до последнего времени сохранялись во всех сочинениях по истории Финляндии и Карелии.

Накануне второй мировой войны финляндские фашиствующие историки во главе с Яккола, поставившие историческую науку на службу финской империалистической буржуазии и занявшиеся идеологической подготовкой захватнического нападения на СССР, стали стремиться любыми средствами уменьшить число фактов, говорящих об исторической дружбе карел с Руссией и о вражде карел со шведами. Для этого Яккола занялся ревизией наследства прогрессивных русских и финских историков первой половины XIX в., стараясь доказать, что крупнейшие в XII в. походы 1178 и 1187 гг. принадлежат не карелам. Поход 1178 г. Яккола отнес к куресаарцам (так будто бы назывались жители эстонского острова Саарема),³ а знаменитый Сигтунский поход 1187 г. (самый крупный военный поход карел в древности) он приписал ижорцам.⁴ Таким образом, пересматривая в антирусском и антисоветском плане прошлое Карелии, Яккола стремился отнять у карельского народа наиболее славные события его начальной истории.

Советские ученые должны вести непримиримую борьбу с антинаучными построениями финляндских буржуазных историков. Наш долг — показать несостоятельность построений Яккола и отстоять от грязных покушений финляндской фашиствующей «науки» крупнейшие события начальной истории карельского народа.

Советская историческая наука строится на принципиально иных основах, чем строилась старая русская и финская дворянско-буржуазная историография. Советские историки ведут свою работу на базе марксистско-ленинского учения о развитии общества, на базе исторического

¹ А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению истории древней России; статья: «О жилищах еми» (название не охватывает всего содержания статьи). СПб., 1819.

² G. Rein. Periculum historicum de Curonibus saeculis XII et XIII Fenniam infestantibus. Helsingforsiae, 1829.

³ J. Jaakkola. Suomen varhaiskeskiaika. Porvoo — Helsinki, 1938, ss. 165—166.

⁴ Там же, s. 152.

материализма. Но советские историки, в отличие от финляндской фашиствующей «науки», ценят наследство передовых русских и финских ученых прошлого века — собранные ими богатые материалы по истории Финляндии и Карелии. В частности, советские историки ценят работы Лерберга и Рейна, в которых установлены важные факты ранней истории карел.

Писавшие 140—120 лет назад Лерберг и Рейн сделали свои выводы на основе узкого источниковедческого анализа. В настоящей статье, используя данные Лерберга и Рейна, мы попытаемся путем привлечения значительно большего круга источников глубже осветить борьбу Новгородского государства против шведской экспансии в XII в. и показать, что эта борьба, совершаемая в значительной мере силами карел, явилась достойным началом политической истории карельского народа и заложила основы многовековой дружбы карел с русским народом.

I

Главные факты борьбы Новгородского государства со Швецией в XII в. не раз упоминались в последние годы в нашей исторической литературе, но лишь в порядке перечисления. Между тем русско-шведские столкновения XII в. нельзя расценивать как случайные набеги с целью грабежа; эти боевые действия имели вполне конкретные политические задачи. Борьба Новгородского государства со Швецией в XII в. развернулась на территории Финляндии. Новгородские походы ставили своей целью не допустить закрепления шведских феодалов на финляндской земле.

Чтобы правильно понять причины и ход борьбы Новгородского государства со Швецией в XII в., необходимо учитывать характер отношений между Новгородом и племенами Финляндии и соседней Карелии.

На территории Финляндии жили два финских племени, из слияния которых впоследствии образовался финский народ, — сумь и емь (suomi и häme). Небольшое и слабое племя сумь занимало узкую береговую полосу в юго-западном углу Финляндии; сильное и многочисленное племя емь (основное ядро, из которого сформировался финский народ) занимало в то время центральную часть Финляндии, район больших финляндских озер. На Карельском перешейке и далее к востоку и северо-востоку жило родственное финнам племя карел.

Еще в начале прошлого века русскими учеными Лербергом и Гиппингом было установлено, что основное финское племя емь (по-шведски — тавасты) в XI—XII вв., до шведского завоевания (до 1249 г.), находилось в политической зависимости от Новгорода.¹

¹ А. Х. Лерберг, ук. соч., стр. 95; А. И. Гиппинг. Нева и Ниеншанц, 1. СПб., 1909 (впервые опубликована в 1836 г.), стр. 52—57. Материалы по этому вопросу вновь собраны и обобщены в нашей статье «Емь и Новгород в XI—XIII вв.» (Учен. зап. ЛГУ, серия историч. наук, в. 10, Л., 1941, стр. 93). Финская буржуазная историческая наука, исходя из основного тезиса финского буржуазного национализма о якобы исконной враждебности финнов к русскому народу, не признает существования древних политических связей финнов и Руси финские буржуазные авторы замалчивают или, вопреки фактам, считают недостоверными. Поскольку зависимость основного финского племени емь от Новгорода и наличие важных интересов Новгородского государства в Финляндии были существенными факторами в жизни страны, политическая история Финляндии (и история русско-шведской борьбы) XII—XIII вв. дается в финской историографии в извращенном виде.

Новгородская политика в землях подчиненных племен в XI—XIII вв. по своим формам отличалась от колониальной политики западноевропейских феодальных государств. Так, например, шведы при покорении страны проводили оккупацию захваченной территории своими вооруженными силами и колонизацию ее переселенцами из Швеции, строили города и замки, требовали от покоренных племен поголовного крещения в католическую веру, уничтожали старый племенной строй и вводили в стране шведскую администрацию и шведскую юстицию, готовя переход к феодальному строю. Новгородцы, напротив, не устраивали в землях подчиненных племен своих поселков и крепостей, сохраняли там старый племенной уклад жизни и ограничивались только сбором дани.

В этих условиях весьма важную роль приобретало отношение подчиненного племени к Новгороду. При отсутствии новгородских крепостей и новгородских войск в подчиненной области власть новгородцев могла опираться только на какие-либо силы внутри зависимого племени. Как можно заключить по ряду косвенных данных,¹ новгородцы поддерживали внутри племени господство племенной знати (племенных вождей и старейшин) и, опираясь на нее, держали в подчинении все племя.

Поскольку подчинение той или иной территории Новгороду не влекло за собой коренной ломки внутренних отношений, новгородцам не нужно было производить большие завоевательные походы на манер крестовых походов немцев и шведов. Подчинение новых территорий проводилось не путем завоевания, а путем принуждения (при помощи небольших отрядов) племени к уплате дани.

Особые формы политики Новгородского феодального государства в подчиненных землях облегчали широкое распространение новгородского владычества по всему северу Восточной Европы. Благодаря тому, что новгородцы в XI—XIII вв. в Прибалтике и в большинстве областей севера (кроме Подвинья) не вводили свои войска и не расселяли колонистов, Новгороду удалось при сравнительно небольших людских ресурсах новгородской земли подчинить своей власти колоссальную территорию от Волги до Ледовитого океана и от Балтики до Урала.

В центральной Финляндии, как и в других прибалтийских землях, новгородцы не устраивали своих поселков и крепостей, не вмешивались во внутреннюю жизнь местного населения, ограничиваясь лишь сбором дани. Но все же это была настоящая политическая зависимость, дававшая определенные выгоды Новгородскому государству и поддерживавшаяся вооруженной рукой. Власть над центральными финскими областями, над землей еми обеспечивала за Новгородом доминирующее положение во всей Финляндии (малочисленное финское племя сумь не было подвластно Новгороду, но ввиду своей слабости не играло в политической жизни Финляндии существенной роли).

Новгород, крупнейший торговый город северной Руси, как можно полагать, вел торговлю с племенами Финляндии, покупая у них наиболее ценный товар того времени — меха. Но гораздо большее значение имел великий водный торговый путь, проходивший частично у берегов Финляндии. Как нами установлено в другом месте,² судя по совокупности данных нескольких источников, основной путь торговых кораблей из Новгорода через Неву в Балтийское море шел сначала вдоль южного

¹ Эти данные приведены в нашей статье «Емь и Новгород», цит. выше.

² В диссертации «Борьба Новгорода со Швецией XII—XIII вв.». Биб-ка ЛГУ, рукопись).

берега Финского залива до таллинской бухты, а от таллинской бухты поворачивал почти прямо на север, через Финский залив, до финляндского берега у мыса Порккала (Порккалаудд) и шел вдоль юго-западного побережья Финляндии, мимо Аландских островов, а затем — через Балтийское море к шведскому берегу (и далее — в шведские города Бирку и Сигтуну или вдоль шведского берега на юг — к Дании).¹ В XII в. этим путем широко пользовались новгородские торговые корабли, производившие торговлю русскими товарами в заморских портах. Новгород был безусловно заинтересован в безопасности торгового пути, заинтересован в том, чтобы берега Финского залива (и, в частности, берега Финляндии) не оказались в руках враждебных держав.

Взаимоотношения новгородцев с карелами, как теперь установлено, отличались от отношений с емью и другими отдаленными от Новгорода племенами. Политические связи карел и Новгорода ясно прослеживаются уже с первых упоминаний карел в письменных источниках; наличие этих связей вынуждена была признать и финская буржуазная историческая наука. Но антирусская тенденция финской буржуазной науки нашла свое выражение в оценке характера политических связей карел и Новгорода. По мнению финских ученых, начиная с Коскинена,² карелы не были подвластны Новгородскому государству и выступали как союзники новгородцев; Новгород и карелы до конца XIII в., по мнению этих ученых, являлись двумя равноправными сторонами в военно-политическом союзе, и лишь в конце XIII в. установилась политическая зависимость карел от Новгородского государства.

Явно тенденциозная точка зрения финских националистующих историков не признавалась русскими учеными и была окончательно опровергнута советским исследователем С. С. Гадзяцким.³ Гадзяцкий установил, что основная часть Карелии (северо-западное Приладожье и Карельский перешеек) была не волостью Новгорода (не новгородской колонией), а входила в состав собственной территории Новгородского государства. Это обстоятельство объясняет высокую степень политической активности карел. И в ходе политической борьбы внутри Новгорода, и в ходе борьбы с внешними врагами карелы участвовали не как данники, а как составная часть Новгородского государства. Карелы были полностью втянуты в сферу новгородских государственных интересов. Карельские отряды, ходившие нередко в самостоятельные походы против шведов, осуществляли не только узкие политические интересы карельской племенной верхушки, но и политические интересы всей Новгородской державы.⁴

¹ Этот маршрут устанавливается по данным датского документа XIII в., где описывается морской путь из Дании в Ревель, а также по данным арабского географа Идриси (1140-е годы), былины о Соловье Будимировиче и по расположению археологических памятников на берегах Финского залива.

² G. Z. Yrjö — Koskinen. *Finnische Geschichte*. Leipzig, 1874, s. 10 (ср. ss. 15—16); M. G. Schybergson. *Finlands historia*. Helsingfors, 1888, I, s. 39; K. Lindqvist. *Suomen historia*. Helsinki, 1926, ss. 50—51; E. Juvellius. *Suomen kansan aikakirjat*. I. Helsinki, 1932, ss. 277—278; J. Karttunen. *Suomen karjalan historia*. „Karjalan kirja“, 1932, s. 205; A. M. Tallgren. *Suomen karjalan rautakausi*. „Karjalan kirja“ s. 183 и др.

³ С. Гадзяцкий. Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 38—39.

⁴ Разумеется, в чем заключались политические интересы карельской племенной знати XII в., мы точно определить не можем, здесь можно только строить предположения. Но активная борьба карел за осуществление внешнеполитических задач Новгородского государства, по нашему мнению, свидетельствует, что интересы Новгорода и карельской племенной знати во внешней политике совпадали.

Правда, в состав собственной территории Новгородского государства входила в XII в., повидимому, только одна часть Карелии — северо-западное Приладожье. Северная (Беломорская) Карелия в состав собственной территории Новгородского государства не входила. Обонежье, имевшее в XII в. в основном вепское население, входило тоже в состав собственной территории Новгородского государства, но политически не было связано с основными карельскими землями и не участвовало в борьбе с иноземной агрессией. Основную роль играла первая из названных областей. Именно здесь, на Карельском перешейке и северных берегах Ладоги, происходил процесс формирования карельского племени с его этническими особенностями, языком и материальной культурой. Отсюда в XII и XIII вв. (и позднее) карелы расселялись на север и северо-восток, заселили северную часть Обонежья и Беломорье.

В своем экономическом развитии Карельский перешеек (его наиболее населенная восточная часть) намного опередил другие карельские территории. Тогда как в Обонежье и Беломорской Карелии основными занятиями населения были охота и рыболовство и лишь в южной и средней части Обонежья развивалось земледелие, на Карельском перешейке в XII—XIV вв. земледелие было уже основным занятием, имелось развитое скотоводство, большого развития достигли различные ремесла (особенно производство художественных изделий из металла); велась оживленная торговля с Новгородом. Развитие земледелия и скотоводства, отделение ремесла от сельского хозяйства, развитие торговли ускорило процесс разложения первобытно-общинного строя. На основной территории Карелии, в северо-западном Приладожье и на Карельском перешейке, в XII—XIII вв. подходит к концу процесс разложения первобытно-общинного строя, начинается формирование классового (феодалного) общества. Естественно, что именно на Карельском перешейке, на нижнем течении Вуоксы, в районе города Корелы (ныне Приозерск) находился с XII в. и политический центр Карелии. Высокий уровень развития экономики и социальных отношений основной части Карелии обусловили большую политическую активность жившей здесь части карельского племени.

Карелы Карельского перешейка и северо-западного Приладожья принимали большое участие в политической жизни Новгорода и в политической борьбе на Балтике.

Борьба Новгородского государства против шведского наступления в Финляндии совершалась (как мы дальше увидим) в значительной мере при посредстве карельских отрядов, направлявшихся с Карельского перешейка. Существовавший до XVI в. прямой водный путь из Ладожского озера по р. Вуоксе (впадавшей в то время одним руслом — в Ладогу, другим руслом — в Финский залив у того места, где теперь стоит Выборг) облегчал движение карельских судов из Приладожья к морю.

Такова была политическая обстановка в Финляндии и Карелии к началу шведской экспансии.

II

Шведская экспансия на восток началась в 50-е годы XII в. Первым объектом шведского завоевания явилось юго-западное побережье Финляндии — территория племени сумь. Согласно исторической традиции, основывающейся на данных поздних источников, сюда был совершен

первый шведский «крестовый поход», предводительствуемый королем Эриком «Святым». В шведской буржуазной науке с конца XIX в. идет почти непрерывная дискуссия по вопросу о том, происходил ли этот поход в действительности или он сочинен позднее составителями жития св. Эрика. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим лишь, что по совокупным данным источников можно считать установленным только самый факт завоевания шведами в 50—60-е годы части территории юго-западной Финляндии. Захват произошел в результате одного или нескольких походов; местное население было покорено и насильственно крещено. На захваченной земле было построено несколько укрепленных пунктов (главный из них — в местечке Ноуси, к северо-западу от нынешнего г. Або); опираясь на эти укрепления, в течение 60—70-х годов шведы постепенно подчинили себе все племя сумь. На этом первый период шведского завоевания Финляндии закончился.

Одним из эпизодов первой волны шведской экспансии в середине XII в. был известный нам из летописи шведский поход 1164 г. на город Ладогу — первая попытка захвата русских земель на пути из Новгорода в Финский залив.

Единственным источником, современным началу шведского завоевания Финляндии, является булла папы Александра III 1171 г.¹ Булла 1171 г. представляет исключительный интерес для нашего исследования, ибо в ней имеется первое указание на то, как реагировало Новгородское государство на появление в юго-западной Финляндии шведов.²

В этом послании, адресованном главе шведской церкви, архиепископу Упсальскому, подчиненным ему епископам и Гутторму Ярлу,³ папа Александр III пишет:

«Весьма трудная и тягостная жалоба поступила к апостолическому престолу⁴ о том, что финны⁵ всегда, когда им угрожают вражеские войска, обещают соблюдать христианскую веру и охотно просят проповедников и наставников христианского закона, но когда войска уходят, отказываются от веры, презирают и жестоко преследуют проповедников...».⁶

В данном тексте речь явно идет о племени сумь, или собственно финнах. В XII—XIII вв. термин «финны» (phinni) употреблялся только

¹ Булла написана в Тускулуме (в окрестностях Рима) и имеет дату «9 сентября» без указания года. Обычно на основании ряда косвенных данных ее относили к 1171 г., но недавно Яккола сделал попытку доказать, что булла написана на год позже — в 1172 г. Поскольку разница на один год для нас не существенна, мы будем придерживаться общепринятой датировки.

² Русским историкам этот документ до сих пор не был известен.

³ Гутторм, занимая должность ярла, повидимому, в это время стоял во главе управления шведским государством и, в частности, — во главе военных сил Швеции.

⁴ Из этих слов следует, что папское послание написано в ответ на письмо, полученное папским престолом из Швеции. Поскольку свое послание папа адресует архиепископу Упсальскому и Гутторму Ярлу, очевидно, что они и были авторами письма, полученного папой из Швеции. Приводимый нами далее текст буллы с описанием событий в Финляндии является пересказом текста письма архиепископа Упсальского и Гутторма Ярла; вслед за этим текстом идет изложение конкретных мер, которые папа предлагает принять шведским властям для того, чтобы принудить «вероломных» финнов к покорности.

⁵ «Phinni» — это первое в источниках упоминание термина «финны» (если не считать упоминания племени Ienni у римского писателя Тацита; какое племя подразумевал Тацит — неизвестно, но скорее всего это были не предки современных финнов, а одно из племен южной Прибалтики).

⁶ Finlands medeltids-urkund, I, Helsingfors, 1910, № 24.

для обозначения племени сумь (собственно финнов) и совершенно не употреблялся как общее обозначение финских племен Финляндии.

В приведенном тексте буллы ясно говорится, что на подчиненную шведами часть Финляндии совершали нападения (судя по тексту буллы — не один раз) какие-то «вражеские войска».

Чьи это были войска?

Шведы в данном случае подразумеваться не могли. Если бы в булле подразумевались крестоносные войска, то их папа в письме, адресованном в Швецию, назвал бы, конечно, «христианские» или «Ваши», а не «вражеские». Совершенно невозможно предположить, чтобы папа назвал католические войска «врагами».

Эсты¹ и емь² также, повидимому, исключаются. Нападения «вражеских» войск носили, как можно заключить из текста буллы, не грабительский, а политический характер, стремились вывести собственно финнов из-под влияния шведов (подробнее об этом см. ниже). Судя по тексту буллы, вражеские нападения происходили не один раз. Следовательно, была какая-то серьезная причина, привлекавшая этих врагов, заставлявшая их нападать на юго-западную Финляндию. Как мы сейчас отметили, это была, судя по тексту буллы, причина, повидимому, политического порядка. Заметим также, что вряд ли здесь играли роль экономические соображения (т. е. вряд ли главной целью нападений был грабёж). Для грабительских набегов слабые, только что созданные и с трудом державшиеся шведские колонии в земле племени сумь не представляли никакого интереса — слишком мала здесь могла быть добыча. Для эстов было гораздо выгоднее грабить значительно более богатые берега самой Швеции.³ То же, вероятно, можно сказать и про емь.

Нападения политического характера ни эсты, ни емь совершать, по нашему мнению, не могли. Эсты северной Эстонии и острова Саарема находились в то время на стадии разложения родового строя и еще не могли иметь политических интересов за морем, не могли стремиться к подчинению заморских территорий. Поэтому появление новой политической силы — шведов в юго-западной Финляндии не могло затронуть политические интересы и стремления северных эстов. Подобные же соображения можно высказать и по поводу еми. Хотя емь не была отделена от юго-западной Финляндии морским заливом, земля еми отделялась от поселений суми широкой полосой трудно проходимых лесов, и сообщение между обоими племенами совершалось преимущественно круглым путем, через море.

Поскольку, таким образом, описанные папой нападения не могли совершить ни шведы, ни эсты, ни емь, их могли совершить только карелы и новгородцы. При этом, как станет ясно из дальнейшего хода событий, нам нет нужды вдумываться, были ли это карелы или новгородцы; карелы и новгородцы в XII в. выступали всегда совместно,

¹ Как думал Шерна (Stjerna. Påfvebrevet om st. Eriks korståg. Historisk tidskrift, 1899, s. 238), не отрицавший, впрочем, равную вероятность предположения, что здесь подразумевались русские.

² Как думал Лейнберг (Leinberg. Finska klostrens historia. Helsingfors, 1899, s. 2).

³ Kjellberg. Genmäle. Historisk tidskrift, 1899, s. 5.

карелы фактически осуществляли в XII в. внешнюю политику Новгородского государства.¹

Итак, булла 1171 г. дает нам первые, еще не вполне точные, но все же более или менее определенные сведения о том, что Новгородское государство очень скоро после появления шведов на земле племени сумь начало борьбу против шведов, стремясь вытеснить их из захваченной ими еще небольшой части Финляндии. Так началась русско-шведская борьба в Финляндии, затянувшаяся на 650 лет (с середины XII до начала XIX в.).

Что побудило новгородскую государственность предпринять ответные действия сразу же, после первых шагов шведских завоевателей на финской земле? Ведь захваченные шведами участки финской территории (участки земли племени сумь) никогда не были под властью или влиянием Новгорода, и новгородская данническая область в земле еми, вероятно, находилась довольно далеко от первых шведских поселений в Финляндии, так что никакого прямого ущерба Новгородское государство еще не несло. Тем не менее, реакция на происшедшие события со стороны Новгорода вполне объяснима.

Хотя первые шаги шведской экспансии привели к захвату лишь довольно ограниченной части земли суми, само появление и первоначальное закрепление шведов в юго-западном углу Финляндии изменяло сложившуюся обстановку в стране, изменяло также обстановку в восточной части Балтийского моря и было чревато большими последствиями для Новгородского государства, для его интересов. Если до середины XII в. Новгород, подчинивший карел и значительную часть еми, занимал в Финляндии доминирующее положение и не имел политических конкурентов, теперь в стране появилась новая сила, начавшая подчинять юго-западных финнов и готовящаяся стать в Финляндии соперником Новгорода. Появление в стране новой силы должно было осложнить отношения Новгорода с подвластными финскими племенами, в частности с емью; для еми с этого момента облегчалась возможность выхода из зависимости. Уже одно это обстоятельство должно было заставить новгородскую государственность немедленно начать борьбу против первых же шагов шведских завоевателей на финляндской территории. Но было и второе, вероятно, не менее важное обстоятельство. Захватывая юго-западную часть Финляндии, шведы закреплялись как раз на основном торговом пути, связывающем Новгород с Западной Европой (как мы уже указывали, при выходе из Финского залива обычный путь морских кораблей проходил в то время вдоль юго-западного побережья Финляндии от Порккала до Аланда и далее к западному берегу Балтийского моря). Таким образом, важнейший жизненный нерв новгородской торговли оказывался под ударом шведов. Это тоже заставляло и новгородцев, и заинтересованных в новгородской торговле карел стремиться вытеснить шведов с финляндской территории.

¹ Можно выдвинуть два соображения, позволяющие думать, что в этих нападениях участвовали не только карелы (как, скажем, в набеге 1178 г.), но и новгородцы. Во-первых, безусловно связан с упоминаемыми папой нападениями шведский поход 1164 г. на город Ладогу. Этот поход произошел, скорее всего, до русско-карельских нападений на землю суми; повидимому, нападения на землю суми были ответом на шведский поход 1164 г. Во-вторых, и к карелам можно отнести то же, что нами выше сказано об эстах и тавастах: если б в нападениях на шведов и сумь участвовали только одни карелы, эти нападения носили бы характер опустошительного набега, но не характер военно-политического предприятия (о последнем подробнее см. ниже).

На основании текста буллы можно сделать попытку выяснить, как (какими способами) новгородская государственность боролась против шведского завоевания юго-западной Финляндии.

Булла относится к тому времени, когда шведы подчинили себе лишь часть племени суми, а основная масса еще оставалась свободной; в приведенном тексте говорится, что финны обращаются к шведам лишь при приближении «вражеских войск», следовательно, в остальное время финны не были под властью шведов. И больше того, основная масса суми была в тот момент враждебна шведам: ведь финны соглашались на принятие христианства лишь на время опасности, а когда опасность нападения миновала, изгоняли шведских священников и монахов. Учитывая эти обстоятельства, попытаемся глубже проникнуть в смысл рассматриваемых событий. Обращает на себя внимание указание буллы, что «вражеские войска» угрожали финнам (племени сумь) и это заставляло финнов обращаться к шведам за помощью, тогда как, если отвлечься от данного текста, надо было бы полагать, что свой удар русские и карелы должны были направлять на шведов, на их первые поселения и укрепления. Без сомнения, на первые шведские укрепления и поселки во время упоминаемых буллой русско-карельских нападений был направлен основной удар нападающих (об этом косвенно свидетельствует сам факт обращения шведских властей за помощью к папскому престолу), но в булле говорится, что «вражеские войска» угрожали (кроме шведов) финнам. Обращение финнов в этот момент за помощью к шведам, согласие финнов принять христианство позволяют думать, что для племени сумь действительно возникала какая-то серьезная опасность, опасность не грабительского набега, а какой-то акции политического порядка.

В то время принятие католического христианства было формой политического подчинения. Вряд ли из-за угрозы грабительского набега племя сумь могло пойти на такой серьезный шаг, как подчинение шведам, как утрата племенной самостоятельности (хотя бы и на время). В случае угрозы грабительского набега достаточно было бы просить военной помощи шведов; ведь грабители после набега уйдут во-свояси и набег будет иметь только экономические последствия. Очевидно племенные верхи суми знали, что нападающие войска идут не для грабежа, а ставят целью какое-то изменение политического положения племени сумь; если племя сумь при приближении «вражеских войск» шло на утрату племенной самостоятельности и подчинение шведам, значит, в противном случае его ожидало подчинение нападающим войскам. Иными словами, можно полагать, что новгородцы стремились во время этих походов подчинить своему влиянию финнов-сумь, чтобы вырвать их из-под влияния шведов. А финны-сумь при приближении новгородских войск соглашались на подчинение шведам и принятие христианства, намереваясь сбросить и подчинение шведам, и христианство, когда новгородские войска удалятся обратно.

Позиция племени сумь в значительной мере определила ход дальнейшей борьбы. Как мы уже указывали выше, подчинение новых территорий новгородцами производилось обычно путем принуждения племени к зависимости и путем установления союза с местной племенной знатю. Повидимому, и в ходе разбираемых нами событий новгородцы рассчитывали добиться подчинения племени сумь и установить союз с племенной знатю суми; только таким образом новгородцы могли прочно

взять под свое влияние юго-западную Финляндию и добиться полного изгнания шведов с финляндской земли.

Племя сумь, судя по данным папской буллы, заняло позицию, враждебную Новгороду. В результате русско-карельские отряды в 60-е годы XII в. смогли нанести лишь временный ущерб шведам, но не смогли помешать первоначальному закреплению шведских рыцарей в юго-западной Финляндии. Племя сумь было к концу 70-х годов XII в. покорено шведами, использовавшими свое превосходство в военной организации и в вооружении.

III

Следующее известное нам событие борьбы Новгородского государства со Швецией относится к концу 70-х годов XII в. Сведения о нем содержатся в «фрагменте Пальмшельда» и в «Хронике епископов Финляндских» Юстена. Ценность обеих хроник состоит в том, что они являются единственными источниками, написанными в самой Финляндии.¹

«Фрагмент Пальмшельда» о втором епископе² Финляндии Родульфе (Рудольфе) сообщает:

«Родульф.

Вестгот,³ был взят в плен Куронами и там⁴ ими убит в лето господне».⁵

Приведенный текст явно дефектен, не закончен: говорится «в лето господне», но дата отсутствует. Очевидно, в ветхой рукописи, которой пользовался автор «фрагмента», цифры настолько стерлись, что их уже нельзя было прочесть. Этот пробел восполняет хроника Юстена.

¹ Оба источника восходят к одному протографу, к не дошедшему до нас источнику типа анналов, в котором освещалась деятельность финляндских епископов XII—XVI вв.; источник прошел несколько редакций и в своем первоначальном виде был современен (или почти современен) описываемым событиям. «Фрагмент Пальмшельда» является предпоследней; а хроника Юстена — последней редакцией этого источника. Хроника Юстена составлена в середине XVI в., «фрагмент Пальмшельда» — видимо, в конце XV в. Юстен в своей хронике иначе строит фразы, излагает те же факты другими словами, но нередко и добавляет отдельные детали, отсутствующие в «фрагменте Пальмшельда». Эти различия (при полном совпадении в построении текста и в основных фактах) позволяют думать, что автор «фрагмента» и Юстен имели перед собой разные редакции епископской хроники; при этом уже давно отмечалось, что автор «фрагмента» списывал, повидимому, свой текст с ветхой, дефектной рукописи, в которой уже не все можно было разобрать (см. комментарий издателя в «Scriptores regum Suecicarum», III, 2, p. 132).

² Напомним, что рассматриваемый источник (и «фрагмент Пальмшельда», и хроника Юстена) — епископская хроника, сообщающая основные факты о жизни и деятельности финляндских епископов и лишь попутно о некоторых событиях жизни страны. Каждому епископу посвящены одна или несколько (для первых двух столетий) фраз, текст о каждом епископе выделен в отдельный абзац.

Родульф (Рудольф) был скорее даже не вторым, а первым епископом Финляндии, ибо считающийся первым епископом Генрих, участник первого «крестового похода» короля Эрика «святого», официально этого звания еще не имел, продолжая быть епископом Упсальским.

³ Вестгот — уроженец Вестергётланда, западной части южной Швеции.

⁴ Там (ibi), т. е. в их стране.

⁵ Vestgotus a Curonibus captiatur et ibi ab eisdem occiditur Anno Domini (Scriptores rerum Suecicarum, III, 2, p. 132; Finlands medeltidsurkunder, I, № 25).

«Господин Рудольф, по рождению вестгот, плененный Куронами и увезенный ими, был умерщвлен в Куронии, в лето господне 1178».¹

Дату, указываемую Юстеном, можно считать достоверной. В ранних редакциях хроники даты указывались, и если в экземпляре, которым пользовался автор «фрагмента», цифры стерлись, в другом экземпляре, которым пользовался Юстен, дата сохранилась.

В приведенном известии главную сложность представляет другой вопрос: о чем нападении здесь идет речь?

Прежде всего необходимо отметить, что нападение 1178 г. не было простым грабительским набегом. Епископ был в то время духовным и светским главой шведских владений в Финляндии. Его резиденция (в то время — Ноуси) была центром шведской колонии в стране, населенной или только что покоренными, или враждебными племенами; нам известно, что эта территория подвергалась в предшествующие годы неоднократным нападениям с русской стороны; следовательно, епископская резиденция должна была быть достаточно хорошо укреплена, и успешное нападение на нее должно было потребовать значительных сил. Нужно также учесть, что Ноуси расположено не на побережье, а в глубине страны, в 10 км от моря; поэтому нападавшие, пришедшие с моря, должны были привезти на кораблях достаточно сильный военный отряд для действий против шведов на суше.

Приведенные соображения показывают, что здесь речь идет не о случайном нападении морских пиратов, каковые в то время происходили, вероятно, весьма часто. Здесь речь идет о довольно сложном военном предприятии, требовавшем значительных сил, и морских, и сухопутных. Нападение имело, по всей видимости, не грабительские, а политические цели; об этом свидетельствует захват в плен главы шведских владений в Финляндии и увоз его нападающими. Набег, безусловно, явился сильным ударом по молодой шведской колонии.

Вполне естественно должен возникнуть вопрос: нужно ли было куронам совершать такое крупное военно-политическое предприятие. Могли ли они иметь серьезные причины, чтобы предпринимать подобное нападение. На этот вопрос можно ответить лишь отрицательно. Племя куронов жило в средней и южной части так называемого Курляндского полуострова (северное побережье полуострова было заселено ливами), и их территория примыкала к Балтийскому морю на западе полуострова, т. е. их выход к морю был довольно далек от юго-западной Финляндии. Никаких торговых связей у куронов с финнами (так как оба племени были расположены далеко друг от друга, стояли на одной стадии развития и вообще мало участвовали во внешней торговле) быть не могло. Тем более куроны не могли иметь в отдаленной Финляндии никаких политических интересов. Как известно из источников XIII в., куроны действительно занимались морским пиратством, и их морские нападения нередко носили политический характер, но лишь тогда, когда над их землями нависла угроза немецкого завоевания, когда потребовалось вести борьбу против немецких крестоносцев.

Нападение 1178 г. как большое военно-политическое предприятие будет вполне объяснимо, лишь если его рассматривать в плане новгородской внешней политики, как акт борьбы Новгородского государства

¹ Dominus Rudolphus, natione vestgotus, captivatus a Curonibus et ab eis deportatus, interficitur in Curonia, Anno Domini 1178 (M. Pauli Juusten. Chronicon episcoporum Finlandensium. Aboae, 1799, p. 11).

против шведской экспансии в Финляндии. Но тогда необъяснимо участие куронов. Никаких политических связей между куронами и Новгородом ни в то время, ни позднее не существовало.¹

Уже упоминавшийся нами прогрессивный финский буржуазный ученый первой половины XIX в. Габриэль Рейн свыше ста лет назад выдвинул другую трактовку указанного известия.² Рейн убедительно доказал, что в средневековой литературе имена карел и куронов нередко звучали почти одинаково и их очень легко было спутать.³ По мнению Рейна, нужно также учесть, что автор «фрагмента Пальмшёльда» пользовался рукописью, написанной за 200—300 лет до него, и мог не понять, о ком шла речь в старом тексте. Учитывая также, что куроны политически не были заинтересованы в подобном набеге, тогда как, напротив, если вместо куронов подразумевать карел, набег становится вполне понятен как акт внешней политики Новгородского государства, Рейн сделал вывод, что в хронике в данном случае⁴ подразумевались карелы (спутанные позднейшими переписчиками с куронами).

Трактовка Рейна стала вскоре общепринятой в финляндской буржуазной науке.⁵ Вслед за финляндскими учеными трактовку Рейна приняли и русские историки.⁶

Событие 1178 г. совершенно правильно рассматривается в нашей исторической литературе как нападение карел. Это был мощный удар,

¹ Куроны в начале XII в. (судя по введению к Повести временных лет, где среди данников Руси упоминается корсь — куроны) и в начале XIII в., в годы немецкого завоевания, имели политические связи с Русью, но не с Новгородом, а с Полоцком. Владения Полоцкого княжества в Прибалтике (все течение Западной Двины, земли ливов и латышей) отделяли Новгород от куронов.

² Rein, ук. соч.; ср. его же: *Föreläsningar öfver Finlands historia*. I. Helsingfors, 1870, ss. 98—99.

³ Куроны обозначались у средневековых авторов Curones, Choriones, Chariones, Coeri, Kyri, Curi, Curetes; карелы — Carfall, Carell, Corell, Kyrfall, Kirfall, а также — Kyrii, Kvri, Kuri (Rein, *Periculum historicum de Curonibus*, p. 21).

⁴ И во втором месте текста хроники, где упоминаются куроны — в связи с бегством епископа Томаса из Финляндии в 40-е годы XIII в. В этом случае ошибка переписчика еще более очевидна; по словам хроники, епископ Томас через несколько лет после похода на Неву в 1240 г. бежал из Финляндии на Готланд «из страха перед русскими и куронами». Здесь «куроны» хроники прямо связываются с русскими, и подобный союз тем более невозможен, что в 40-е годы XIII в. куроны уже были под властью Ливонского ордена, между Куронией и Русью лежали широкие пространства немецкой Ливонии, а куроны больше не выступают как самостоятельная сила. С другой стороны, для 40—50-х годов XIII в. вассальные отношения карел к русским и их совместное участие в военно-политических предприятиях засвидетельствованы еще яснее другими источниками. Явная ошибка переписчика во втором случае подтверждает правильность трактовки Рейна для первого случая (для события 1178 г.).

⁵ Koskinen, ук. соч., s. 29; Schuybergson, ук. соч., s. 34; E. Ahtia, *Piirteitä Aunuksen ja Vienan-Karjalan historiasta*. «Karjalan kirja», I, Porvoo, 1910, s. 178; Lindqvist, ук. соч., s. 65, и др. Только в последнее время в работах финляндского буржуазного историка Хорнборга поход 1178 г. вместо карел вновь приписывается по-старому куронам (E. Hornborg, *Finlands kristning*. *Kyrkohistorisk årsskrift*, Uppsala, 1930, s. 210), в работах еще более реакционного финляндского историка Якколы — куресаарца (так будто бы назывались в то время жители эстонского острова Саарема; см. Jaakola, ук. соч., ss. 165—166). Хорнборга и Якколу не смущает явная невероятность участия куронов или куресаарцев в этом событии — они стремятся во что бы то ни стало уменьшить число данных о боевой деятельности карел на стороне Русского государства.

⁶ В последние годы в ряде наших научных и научно-популярных работ, касающихся Невской битвы, истории Карелии, военно-морской истории и т. п., упоминается событие 1178 г. как поход карел; но авторам этих работ не был знаком текст источника, и о событии они получили сведения из вторых рук, поверив на слово финским историкам.

нанесенный Новгородским государством силами новгородских подданных — карел по шведским владениям в Финляндии. В такой связи вполне понятен и политический характер похода, и его крупные размеры, требовавшие участия и морских, и сухопутных сил.

Поскольку нападавшими были карелы, становится понятным, почему был увезен ими епископ Рудольф. Нападавшие стремились таким путем обезглавить, лишиться руководства шведские владения в Финляндии.

Поход 1178 г. носил характер набега и, повидимому, ставил своей целью нанести возможно больший ущерб шведской колонии, чтобы задержать развитие шведской экспансии. Эта цель, по всей видимости, была достигнута.¹

IV

Наиболее крупным событием борьбы Новгородского государства со Швецией в XII в. был Сигтунский поход 1187 г. Детальному исследованию этого события мы уже посвятили отдельную статью,² поэтому в настоящей работе Сигтунский поход специально изучать мы не будем и лишь используем ранее полученные выводы.

Чтобы правильно понять значение этого события, нужно прежде всего указать, что представляла собой Сигтуна в XII в. Город Сигтуна в XI и XII вв. был политическим и хозяйственным центром Швеции, крупнейшим шведским портом, через который осуществлялась значительная часть внешней торговли страны. В наибольших размерах велась здесь торговля со странами восточной Балтики и прежде всего с Новгородом. Торговый путь из устья Невы к Сигтуне и соседним городам Швеции существовал с IX—X вв.

Нападающим на Сигтуну пришлось преодолеть большие трудности. Сигтуна расположена далеко в глубине озера Мелар, связанного узким проливом с Балтийским морем. Озеро Мелар сплошь покрыто островами типа финляндских шхер, с неширокими извилистыми проливами. По пути через озерные шхеры значительному флоту трудно пройти, оставшись незамеченным; на этом пути очень легко задержать врага и не допустить его к Сигтуне.

Сама Сигтуна была хорошо защищена и искусственными укреплениями, и самой природой. В 20 км к югу, на берегу озера Мелар, на пути от Сигтуны к выходу в море стоял мощный каменный замок Альмарстек, принадлежавший главе шведской церкви архиепископу Упсальскому; замок Альмарстек как бы охранял путь к Сигтуне. Таким образом, нападение на Сигтуну являлось весьма сложным военно-морским предприятием. Взять хорошо укрепленный город, лежащий в глубине внутренних шведских вод, можно было лишь в результате быстрого, неожиданного и мощного удара. Для того чтобы прорваться сквозь шхеры озера Мелар к городу, нужно было иметь сильный флот; для взятия и разрушения столь крупного города нападающие должны были иметь значительное войско. Наконец, для того чтобы быстро и неожиданно пройти по извилистому шхерному фарватеру, нападающим нужно было на своих судах иметь людей, хорошо знавших фарватер, неоднократно совершавших ранее этот путь.

¹ Поскольку поход 1178 г. был совершен не новгородцами, а карелами, этот поход не мог ставить перед собой цель оккупации юго-западной Финляндии и подчинения суми: карелы, как подвластное Новгороду племя, не могли сами проводить подчинение Новгороду других племен.

² И. Шаскольский. Сигтунский поход 1187 г. Исторические записки, № 29, М., 1949, стр. 135—163.

Наиболее трудно было выяснить, кем был совершен Сигтунский поход. Путем разбора показаний источников нам удалось установить, что сведения всех поздних источников (XV—XVII вв.) недостоверны и что единственным достоверным источником является рифмованная «хроника Эрика», составленная в Швеции в 1320-х годах. В хронике Эрика совершенно ясно указано, что нападение 1187 г. на Сигтуну было произведено карелами.¹ Таким образом, самое крупное военно-политическое предприятие Новгородского государства на Балтийском море явилось подвигом новгородских подданных — карел. В походе, правда, могли участвовать в некотором числе и новгородцы; но вполне ясных указаний на участие новгородцев в источниках нет.

Сигтунский поход, как уже было показано, был не первым военно-морским предприятием карел; такие походы карелы во второй половине XII в. совершали неоднократно. Из текста хроники Эрика можно заключить, что и на берега Швеции карелы совершали поход в 1187 г. не в первый раз. Вся предшествующая бурная внешнеполитическая деятельность карел на Балтике подготовила карельские военные силы к совершению своего самого крупного военно-морского предприятия — Сигтунского похода.

Как можно полагать на основе приведенных в начале настоящей статьи данных о внутреннем положении Карелии, отправным пунктом похода была основная племенная территория карел — восточная часть Карельского перешейка, район будущего города Корела. Оттуда карельские суда прошли в Финский залив через старое русло Вуоксы (впадавшей в то время в залив в том месте, где теперь стоит Выборг). Через Финский залив и Балтийское море карельские суда прошли к берегу Швеции, быстро проникли через пролив в озеро Мелар и, взяв по дороге архиепископский замок Альмарстек, 12 августа 1187 г. неожиданно обрушились на Сигтуну. Застигнутый врасплох, город был взят штурмом и сожжен. В результате одного мощного удара важнейший город и политический центр Швеции XII в. был уничтожен и с тех пор уже не смог подняться из руин.

Совершенный новгородскими подданными, карелами, Сигтунский поход явился одним из крупнейших событий истории Северной Европы XII в. В ответ на шведскую экспансию военные силы Новгородского государства нанесли мощный удар в самое сердце вражеской страны.

V

В конце XII в. происходит обострение отношений Новгорода с двумя главными племенами западной периферии государства — с эстами и емью. Процесс общественного развития Эстонии к этому времени вплотную подвел страну к переходу на стадию классового общества.² Племенная знать восточных областей Эстонии, начавшая уже

¹ Там же, стр. 151—156.

Хроника Эрика — единственный древний источник, в котором указана национальность нападавших на Сигтуну. Все остальные источники относятся к значительно более позднему времени (написаны через 3—5 столетий после Сигтунского похода), их показания о национальности нападавших не основываются на более ранних источниках и потому недостоверны.

Мысль о наибольшей достоверности текста хроники Эрика была впервые высказана Лербергом. Но он не подкрепил ее анализом других источников.

² I. Šaskolski. Vene rahva ajaloolised sidemed Baltimaade rahvastega. Tallinn, 1946, ss. 15—16.

превращаться в класс феодалов, в конце XII в. стала, повидимому, тяготиться русской властью и вступила в конфликт с Новгородом. Походы новгородских князей в Эстонию (в 1190, 1191 и 1192 гг.) были вызваны стремлением вернуть под свою власть отпавшие области.¹ В менее сильной форме тот же процесс общественного развития, распада общинно-родовых отношений и складывания предпосылок классового общества должен был сказываться и в Финляндии. И в отношении Финляндии (точнее — земли еми, Тавастланда) остается в силе то же объяснение, которое мы даем походам новгородцев в Эстонию. Походы новгородцев в землю еми также вызывались отпадением отдельных областей страны из-под власти Новгорода и имели целью восстановление даннических отношений.

Многие исследователи ставили русские походы в землю еми 1186 и 1191 гг. в связь с закреплением шведов в юго-западной Финляндии. Эта мысль заслуживает серьезного внимания. Правда, мы не можем ее принять целиком; по нашему мнению, те авторы, которые объясняют русские походы в землю еми 1186 и 1191 гг. распространением шведского влияния на центральную Финляндию и переходом еми под влияние шведов,² сильно преувеличивают возможности небольшой шведской колонии в земле племени сумь. Шведская колония в Финляндии была еще слишком слаба, и шведские власти еще еле-еле справлялись с задачей удержания уже захваченной узкой прибрежной территории. Для распространения своего влияния на внутренние, центральные области, для подчинения и христианизации сильного и многочисленного племени емь шведы в то время сил и возможностей еще не имели.³ Но вместе с тем определенная связь между закреплением шведов в юго-западной Финляндии и обострением отношений еми с Новгородом, безусловно, была. Хотя шведского политического влияния на емь еще не могло быть, сам факт появления в Финляндии новой, враждебной Новгороду, политической силы должен был внести серьезные изменения в общую политическую обстановку в стране. С этого момента позиции Новгорода в Финляндии стали уже не так сильны, как раньше. Для подвластных Новгороду областей страны облегчалась возможность выхода из зависимости. Этой возможностью, видимо, и воспользовалась в некоторых областях племенная верхушка еми. Племенная знать еми, начавшая уже превращаться в класс феодалов, в отдельных местностях земли еми стала, видимо, тяготиться зависимостью от Новгорода и сделала попытку

¹ Там же, стр. 16—17.

² Гиппинг А. И., ук. соч., стр. 80 и др. Р. Б. Мюллер объясняет данные походы борьбой Новгорода со Швецией за емь, т. е. стоит на этой же точке зрения (комментарий к разделу «Летописные известия о карелах» в книге: «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.», Петрозаводск, 1941, стр. 65); на той же точке зрения стоит по сути дела и С. Гадзакский (ук. соч., стр. 90). Миккола, в соответствии с заимствованной им у Шёгрена теорией о двух племенах емь, считал, что поход 1186 г. был направлен против еми Заволочь. Поход он ставит в связь с развернувшейся в это время в Заволочье борьбой новгородцев с суздальскими князьями (J. J. Mikkola. *Novgorodernas krigståg till Finland intill år 1311. Historisk tidskrift för Finland*, 1927, s. 70). Оснований для этого мнения так же мало, как и для всей теории о пребывании еми в Заволочье. (См. Д. В. Бубрих. Не достаточно ли емских теорий? Изв. Карело-Финск. филиала АН СССР, 1950, № 1; И. П. Шаскольский. О емской теории Шёгрена и ее последователей, там же).

³ Еще Лерберг (ук. соч., стр. 108) указывал, что шведская колония была в то время еще слишком слаба и еще не была в состоянии подчинить землю еми. Лишь тогда, когда шведы прочно закрепились в юго-западной Финляндии (20-е годы XIII в.), они смогли начать проникновение в центральные области страны для подчинения еми.

выйти из зависимости и отказаться от уплаты дани (чтобы использовать дань в целях своего обогащения). Поскольку (как мы уже знаем) новгородцы не имели в земле еми ни своих постоянных гарнизонов, ни крепостей и поскольку власть Новгорода в центральной Финляндии опиралась на поддержку определенных сил внутри местного населения, новгородцы должны были немедленно принять меры для того, чтобы поддержать дружественные силы и принудить выступившую против Новгорода часть племенной знати к покорности. Походы 1186 и 1191 гг. имели своей задачей восстановление новгородского влияния в центральной Финляндии. Осложнение общей политической обстановки в Финляндии тем более требовало сохранения русского влияния в центральных районах страны.

Показательно, что и в этих военно-политических предприятиях вместе с новгородцами участвовали карелы; поход 1191 г. был проведен совместно — новгородцами и карелами.

На последние годы XII в. падает последнее выдающееся событие первого периода русско-шведской борьбы — русский поход против шведских владений в Финляндии, датируемый обычно 1198 г.

Сведения об этом событии содержатся только в финляндской епископской хронике обеих редакций, т. е. в хронике Юстена и в «фрагменте Пальмшёлда».

«Фрагмент Пальмшёлда» (более ранняя редакция хроники) о третьем епископе финляндском Фольквине сообщает, что от него «никаких дел не сохранилось вследствие первого опустошения, произведенного русскими».¹

Хроника Юстена сообщает несколько иначе: «около Лета Господня 1198, говорят, что русские пожаром опустошили Або. Это произошло в праздник Пятидесятницы».²

Оба свидетельства даны в весьма осторожной форме и не могут быть приняты на веру без тщательного изучения. Обе хроники (или обе редакции хроники) сообщают, по сути дела, только один факт, который им точно известен: что во время правления епископа Фолькина произошел опустошительный набег русских дружин на шведские владения в Финляндии. Юстен сообщает дополнительные факты, но дает понять, что он за их точность не может вполне поручиться (к известию добавлено слово «dicuntur» — «говорят»). Очевидно, что Юстен имел в своем распоряжении лишь устную или непрочную письменную традицию. Видимо, традиция сообщала, что в результате русского набега был впервые сожжен Або³ и что это событие произошло в 1198 г. Но оба факта нельзя считать бесспорными.

¹ Folquinus. *Suecus hulus acta nulla reperuntur propter primam depellacionem (ошибка вместо: depopulationem) per Ruthenus stictam (ошибка вместо: factam) obiit Anno Domini (Scriptores rerum Suecicarum, III, 2, p. 132).*

² *Circler Annum Domini 1198 dicuntur Rutheni incendio devastasse Abo. Id factum est feriis Penthecostes (Iusten, ук. соч., p. 12).*

³ Со времени Портана (примечания к хронике Юстена) это известие считается первой датой существования города Або. В последнее время ряд финских исследователей опаривает эту (ставшую традиционной) дату, считая, что в 1198 г. Або еще существовать не мог. Полагают, что здесь подразумевается не Або, а его предшественник, укрепленный торговый пункт Коронс (или Коройское Або), расположенный выше по течению реки Аура и носивший имя «Або» до того момента, когда город и порт был перенесен на место нынешнего Або.

Приводимое в конце известия у Юстена указание на день, когда произошел русский набег, могло быть более достоверно, чем указание на год. Можно было бы думать, что эта точная дата, донесенная до XVI в. традицией, как-то отмечалась в абоском соборе (или в более древней церкви св. Марии в Рентемяки вблизи Або). Но в тексте «фрагмента Пальмшёльда» второй русский набег на Або (произведенный в 1318 г.) также отнесен на день Пятидесятницы. Видимо, в день Пятидесятницы в абоском соборе или в церкви св. Марии совершалось ежегодно какое-то богослужение памяти шведов, павших при происшедшем некогда в этот день взятии Або русскими войсками, но посвящено ли это богослужение павшим при первом (1198 г.) или втором (1318 г.) набеге русских, церковная традиция XVI в. уже не помнила.

В этой связи можно объяснить и появление у Юстена упоминания об Або. Возможно, что Юстен, зная, что в абоском соборе традиция сохранила память о русском нападении, происшедшем в день Пятидесятницы, решил, что речь идет именно о набеге 1198 г., и поскольку традиция хранится в абоском соборе, а не в какой-либо другой церкви, значит, нападение было совершено на Або.

Итак, единственное, что мы можем извлечь с уверенностью из хроник, — это то, что в конце XII в. было совершено нападение русских на район Або, на центр шведских владений в Финляндии, и что, согласно позднее наметившейся традиции, это событие относится к 1198 г. Поскольку Юстен упоминает точную дату — 1198 г., надо думать, что он ее не выдумал, а заимствовал из какого-то письменного источника (возможно, из имевшейся у него более ранней редакции епископской хроники, не совпадавшей с протографом «фрагмента Пальмшёльда»). В какой мере этот источник был достоверен, мы судить не можем; но, во всяком случае, он был старше XVI века.

Судя по данным обоих источников, поход 1198 г. был произведен русскими (новгородскими) дружинами. Но весьма возможно, что в состав войска, совершавшего поход на шведскую колонию, входили и отряды карел, обычно участвовавшие в конце XII в. в походах вооруженных сил Новгородского государства в Финляндию и Швецию.¹

Из хроник можно заключить, что нападение русских имело весьма крупные масштабы и привело к столь тяжелым для шведов последствиям, что память о событии сохранялась в районе Або в течение нескольких столетий. О масштабах нападения говорит и факт, отмеченный «фрагментом Пальмшёльда», — гибель всех бумаг времени правления епископа Фольквина, т. е., вероятно, гибель накопившегося за полвека существования шведских владений в Финляндии архива епископской кафедры. Возможно, что во время этого набег был убит и сам епископ Фольквин,² духовный и светский глава шведской колонии.

Исследователи, касавшиеся этих событий, единодушны в оценке похода 1198 г. и его результатов. По мнению Лерберга, «немногие из

¹ Как мы уже видели, из четырех известных нам походов вооруженных сил Новгородского государства в Финляндию и Швецию в предшествующие 20 лет два похода (1178 и 1187 гг.) были совершены карелами, третий (1191 г.) — при участии карел.

² Так, по крайней мере, довольно убедительно предполагает Коскинен (ук. соч., стр. 29). После этого события никаких сведений о Фольквине мы не имеем. Из папской буллы 1209 г. явствует, что к тому времени в Финляндии уже в течение нескольких лет нет епископа.

поселенцев в юго-западной Финляндии спаслись от бури, поднявшейся на них; они погибли или рассеялись, а заведения их истреблены».¹

Нападение новгородцев было обычным военным набегом. Новгородские отряды (возможно — вместе с карелами) прибыли, очевидно, по морю и, высадившись в районе нынешнего Або, в центре шведских владений, прошли огнем и мечом по шведским поселкам в узкой береговой полосе земли суми. Шведской колонии в Финляндии был нанесен такой сокрушительный удар, от которого она не могла оправиться в течение двадцати лет. В эти годы, по мнению Коскинена, «христианство (т. е. шведская колония, — И. Ш.) в Финляндии, казалось, было близко к угасанию».²

Лишь прекращение в начале XIII в. русских походов спасло шведскую колонию от полного уничтожения. Новых ударов колония, вероятно, перенести бы не смогла.

После похода 1198 г. в русско-шведской борьбе наступает временный перерыв на два десятилетия. Походом 1198 г. заканчивается первый период борьбы Новгородского государства со Швецией. В 20-е годы XIII в. начинается новая волна шведской экспансии на берегах Финского залива и новый, второй период борьбы Швеции и Новгорода. Но эти события уже выходят за рамки настоящей работы.

Русско-шведская борьба в XII в. имела большое значение для исторических судеб Финляндии. В ходе этой борьбы решался вопрос: удастся ли шведам прочно закрепиться на финляндской земле или же новгородско-карельским военным силам удастся уничтожить шведскую колонию и спасти Финляндию от шведского завоевания и порабощения.

В ходе военных действий русским и карельским дружинам удалось добиться ряда выдающихся военных успехов, но они все же не смогли достичь конечной цели — вытеснения шведов из юго-западной Финляндии. Шведам удалось удержаться на юго-западном побережье; впоследствии эта территория была использована ими как плацдарм для завоевания всей Финляндии.

Почему Новгородское государство в борьбе со шведами в Финляндии не смогло добиться окончательной победы?

Наиболее важной причиной, помешавшей Новгороду направить все внимание на борьбу со шведами и добиться полной победы, была внутренняя обстановка на Руси. Феодальная раздробленность Руси, непрерывные княжеские междоусобицы, в которых принимал большое участие и Новгород, социально-политическая борьба в самом Новгороде отвлекали внимание правящих кругов Новгородской земли от вопросов внешней политики.

Кроме того, одновременно с борьбой против шведов новгородцы должны были поддерживать свою власть на огромном пространстве от Балтики до Уральских гор. В последние десятилетия XII в. почти ежегодно новгородцы для удержания в зависимости подчиненных племен должны были совершать походы то в Эстонию, то в центральную Финляндию, то в Заволочье или в предгорья северного Урала. Новгородцы

¹ Лерберг, ук. соч., стр. 110. Ср.: G. Rein. Biskop Thomas och Finland i hans tid. Helsingfors, 1849, ss. 12, 43. По мнению современного финляндского буржуазного историка Хорнборга, в период около 1200 г. и в последующие годы «в материковой части Финляндии произошел более или менее полный упадок христианства» (Е. Hornborg, ук. соч., стр. 210). Под словами «упадок христианства» Хорнборг подразумевает упадок шведской колонии.

² Koskinen, ук. соч., стр. 32.

не могли сконцентрировать все внимание и все силы на юго-западной Финляндии, ибо им приходилось одновременно решать различные военно-политические задачи во многих местах огромной подвластной им территории. Шведское феодальное рыцарство, напротив, занималось в то время подчинением только одной небольшой по размерам территории — юго-западной Финляндии; поэтому шведское рыцарство могло сконцентрировать на этой территории все свои свободные силы.

Еще одной причиной, помешавшей новгородцам добиться решительной победы, было несовершенство новгородской военной организации, не приспособленной к целям длительной оккупации занятых территорий. Новгородцам приходилось иметь дело с противником, который ввел постоянные гарнизоны в наиболее важные пункты юго-западной Финляндии и начал заселение побережья колонистами из метрополии, стремясь прочно закрепить на захваченной земле.

В этой обстановке, для того чтобы добиться окончательного изгнания шведов из юго-западной Финляндии, следовало бы занять эту территорию новгородскими войсками и установить постоянную оккупацию, дабы иметь возможность и в будущем препятствовать попыткам шведов вновь высадиться в Финляндии. Но новгородцы в XII в. не имели постоянного войска.¹ Собиравшиеся на период похода новгородские военные силы могли нанести удар шведам, но по окончании похода не могли оставаться в Финляндии и должны были возвращаться домой. Поэтому новгородско-карельские походы XII в. в юго-западную Финляндию не ставили и не могли ставить своей целью завоевание и длительное удержание указанной территории.

В связи с уже отмеченными выше особенностями новгородской политики новгородцы могли обосноваться в юго-западной Финляндии только одним путем — подчинив своему влиянию племя сумь; как мы уже знаем, именно этим путем новгородцы подчинили огромные территории на север и запад от Новгорода. Но племя сумь уже в 60-е годы XII в. заняло враждебную позицию по отношению к Новгороду и затем было прочно покорено шведами, подвергнуто шведской католической пропаганде и настроено шведами против Руси. Не имея возможности подчинить своему влиянию юго-западную Финляндию, Новгородское государство стремится путем военных походов затормозить развитие шведской экспансии и нанести возможно больший ущерб шведской колонии. Новгородско-карельские походы в конце XII в. поставили шведскую колонию на край гибели, и только прекращение

¹ Как известно, постоянного войска у Новгорода не было; постоянно несла военную службу лишь небольшая (из нескольких сот воинов) княжеская дружина, стоявшая в самом Новгороде и использовавшаяся для борьбы с внешними и внутренними врагами в ближайших к Новгороду землях. Для далеких походов, в частности и для походов в Финляндию, на время похода набиралось ополчение из крестьян и горожан, на несколько месяцев бросавших свои основные занятия, или же использовались набравшиеся также лишь на время похода отряды новгородских «молодцов» — ушкуйников. Карельские военные отряды, участвовавшие в походах в Финляндию в XII в., тоже, конечно, набирались лишь на время военных действий.

Все сказанное, правда, не означает, что организация военных сил в Новгородском государстве была более несовершенной, чем в Швеции. В Швеции тоже не было сколько-нибудь значительного постоянного войска. Но поскольку шведская экспансия в то время ограничивалась небольшой территорией юго-западной Финляндии, шведские феодалы все же могли на этой территории держать постоянные гарнизоны, кормившиеся за счет поборов с местного населения. Новгородские феодалы, державшие в подчинении несравнимо большие территории, в XII—XIII вв. не имели возможности оставлять где-либо постоянные гарнизоны; до XIV в. не было новгородских гарнизонов даже в таком важнейшем стратегическом пункте, как берега Невы.

русского натиска в начале XIII в. дало возможность шведам удержаться на финляндской земле.

Прекращение активных действий с русской стороны после победоносного похода 1198 г. было вызвано обстоятельствами, которые отвлекли внимание новгородцев от финляндских дел. Во-первых, в начале XIII в. произошло значительное обострение международной обстановки на берегах Финского залива в связи с началом немецкого завоевания Восточной Прибалтики. Продвижение немцев в Эстонию, давнюю сферу влияния Новгорода, лежавшую у самых границ новгородской земли, вынудило новгородцев направить основное внимание на борьбу против немецкой агрессии в Эстонии. Во-вторых, в первые годы XIII в. произошло обострение борьбы новгородцев с суздальскими князьями, отвлекшее внимание новгородских властей от вопросов внешней политики.

Тем не менее, хотя новгородско-карельские отряды в XII в. в конечном итоге не смогли помешать закреплению шведов в юго-западной Финляндии, рассмотренные нами события являются одной из важнейших страниц внешнеполитической истории Новгородского государства. Проведенное нами изучение новгородских военных походов XII в. заставляет отказаться от традиционных представлений о Новгородском государстве как о слабом государственном образовании, с трудом отбивавшем нападения врагов на свои границы. Исследованные нами события свидетельствуют, что несмотря на ряд неблагоприятных факторов Новгородское государство уже в XII в. вело активную внешнюю политику и энергично отстаивало свои государственные интересы в далекой Финляндии, у ворот Балтики.

Военные события XII в. занимают весьма почетное место в истории Карелии и карельского народа. Карельские военные отряды совместно с русскими дружинами в течение нескольких десятилетий вели упорную борьбу против шведской экспансии. Сейчас, конечно, трудно сказать, в какой мере карелы и новгородцы сознавали общее значение происходившей борьбы, но объективно действия карельских и новгородских отрядов должны были защитить финские племена от шведского завоевания и порабощения.

Свое первое выступление на арену европейской истории карельский народ ознаменовал победоносными военными походами, покрывшими славой карельских воинов. И для нас особенно важно, что с первых же шагов своей политической истории карелы выступают вместе с русскими людьми, как часть Русского государства.

В ходе борьбы против шведской агрессии XII в. были заложены основы исторической дружбы русского и карельского народов, нерушимо существующей до наших дней.

Н. И. БОГДАНОВ

К ИСТОРИИ ВЕПСОВ

(По материалам топонимики)

Вепсы — одна из небольших народностей Советского Союза. По языку вепсы принадлежат к прибалтийско-финской группе. Не объединенные в одну административно-территориальную единицу, они проживают в Карело-Финской ССР (Шелтозерский р-н с районным центром с. Шелтозеро); в Оятском, Подпорожском, Виницком, Ефимовском и Капшинском р-нах Ленинградской обл.; в Оштинском и Шольском р-нах Вологодской области.

Точное количество вепсов в данное время нам не известно. До Великой Отечественной войны их насчитывалось около 35—40 тысяч, из них в Карело-Финской ССР — около 11 тысяч.

В годы Великой Отечественной войны на территории с вепским населением происходили боевые действия с немецко-финскими захватчиками, линия фронта проходила южнее р. Свири. В связи с этим много вепсов эвакуировалось в глубь страны, откуда значительная их часть не возвратилась. После Великой Отечественной войны часть вепсов переселилась в район р. Свири, а также в города, в основном в Ленинград и Петрозаводск.

Краткие исторические сведения о вепсах

Некоторые ученые, в том числе лингвист, член-корреспондент АН СССР профессор Д. В. Бубрих, утверждают, что предками вепсов является древняя летописная Вось. В своей брошюре «Происхождение карельского народа» Д. В. Бубрих пишет: «Сто с небольшим лет тому назад знали только то, что на первых страницах летописи упоминается некое племя Вось. Об этом племени судили так же, как, например, о древнем племени Меря: было, мол, но растворилось среди русских. Однако наш академик А. М. Шёгрэн открыл живых продолжателей Веси в лице вепсов — маленького народа, обитающего частью к югу от р. Свирь, а частью к северу от нее на берегу Онежского озера».

Д. В. Бубрих и сам, на основе языковых данных, топонимики и этнонимики, является убежденным сторонником этого мнения, т. е. того,

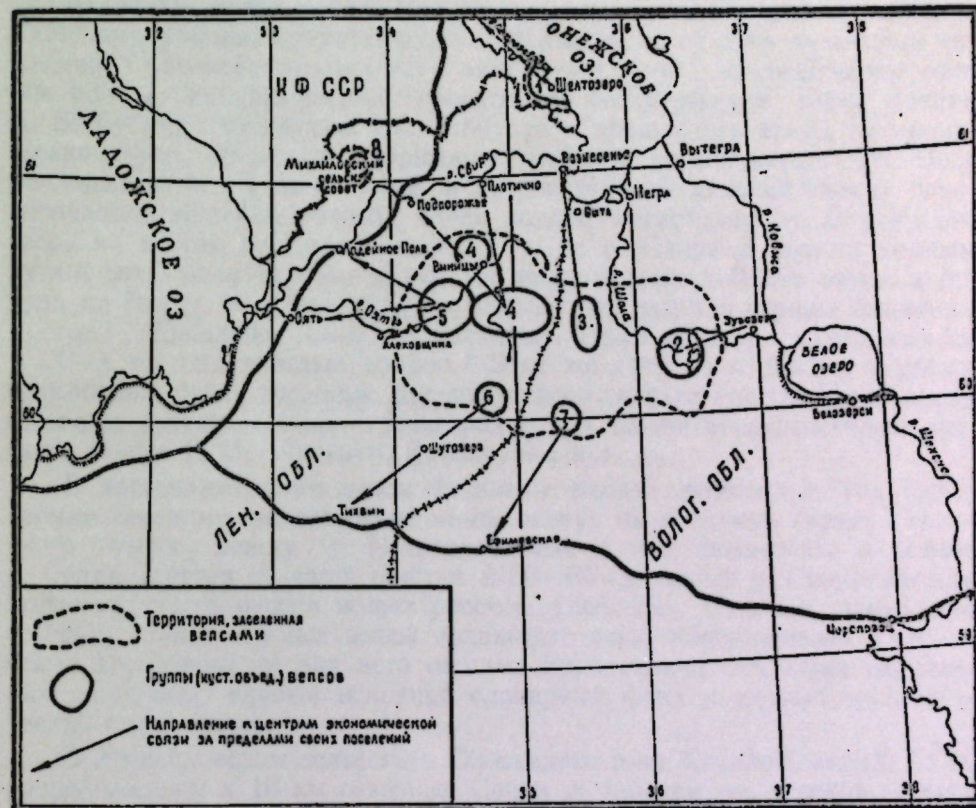

Схема современного расселения вепсов.

1 — северные вепсы (шелтозерские — Шелтозеро); 2 — восточные вепсы (шольские — Zubovo); 3 — средние вепсы (шимозерские — Ошта, Мегра); 4 — средние вепсы (виницкие — Виницы); 5 — средние вепсы (оятские — Алеховщина); 6 — южные вепсы (капшинские — Шугозеро); 7 — южные вепсы (ефимовские — Ефимовская); 8 — карелы-людики (Михайловский сельсовет).

что современные вепсы не что иное, как потомки древней Веси «в широком смысле». ¹ Однако другие ученые, особенно историки, утверждают, что древняя летописная Весь, обитавшая в районе Белого озера, исчезла.

Проблема происхождения вепсов ждет еще своего разрешения, для чего необходимо провести большую исследовательскую работу лингвистам, этнографам и, особенно, историкам.

В данной статье мы бы хотели, опираясь на материалы топонимики обширного района, прилегающего к р. Свирь, высказать некоторые суждения о древнейшем населении этой территории. Топонимические данные района, на наш взгляд, убедительно подтверждают точку зрения Д. В. Бубриха, что племя Весь обитало в древнейшее время на значительно более обширной территории, нежели упоминаемый для Веси летописью район Белого озера, и поселения этой древней «веси» группировались широкой полосой вдоль водной магистрали от Ладожского озера на восток до Белого озера, т. е. по р. Свири и другим водным путям, связанным волоком с реками, впадающими в Белое озеро, а отсюда на Волгу. Это был путь из Балтийского моря в страны ближнего Востока (Среднюю Азию, Закавказье, Иран и др.), находившиеся в IX—X вв. под властью арабов. ² Этот же путь по р. Свири издревле и, особенно, после создания Древнерусского государства связывал центр северных русских земель — Новгород с огромными пространствами русского севера (с Прионежьем, Заволочьем и т. д.).

В настоящее время вепсы не имеют единой территории. Так называемые северные шелтозерские вепсы живут на западном берегу Онежского озера между г. Петрозаводском и пос. Вознесенье в истоке р. Свири. Другая их часть обитает в 50—60 км южнее р. Свири. Между этими группами вепсов живет русское население. Тем не менее как северные, так и южные вепсы сохраняют один общенародный язык со всеми характерными для него общими признаками (исключая диалектные различия): единый основной словарный фонд и единый грамматический строй языка.

В Михайловском сельсовете Олонецкого р-на Карело-Финской ССР, расположенном в 10 км севернее Свири в нижнем ее течении, живет население, которое называет себя людиками (люудилаажед, люудидуод). Об их этнонимике мы скажем ниже. Они сейчас зовутся карелами-людиками. Но в языке этих карел-людиков (при диалектном различии) мы находим те же самые общие признаки вепского языка. Например,

¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Гос. издат. Карело-Финск. ССР, Петрозаводск, 1947.

² Подтверждением этому служат клады, найденные на берегу р. Свири близ г. Лодейное Поле. См. А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 29:

«№ 160. Клад близ Лодейного Поля, найденный в 1870-х гг., около 11 фунтов серебра, состоявший из западноевропейских и восточных монет. Самый большой клад на территории России».

«№ 161. Клад восточных монет, найденный в начале XX в. близ Лодейного Поля».

Арабам (купцам-путешественникам), ездившим в X в. по восточной Европе, был известен народ Вису, живший к северу от Волжской Булгарии, т. е. в северной оконечности великого торгового пути по Волге. Этот волжский путь своим северным концом проходил через Белое озеро, р. Ковжу и волоки в Онежское озеро, Свирь и Ладогу. См.: «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» под ред. И. Ю. Крачковского. М.-Л., 1939, стр. 71, 74. О Вису также сообщает арабский писатель XIII в. Якут. См. там же, комментарий, примечание 703.

появление шипящих звуков после и, наличие звонких согласных, и др. Несомненно, что они восходят к вепсам.

Исходя из этого можно заключить, что как севернее, так и южнее р. Свири живут этнически сходные группы населения, говорящие на одном языке, т. е. вепсы.

Чем же можно объяснить, что население Михайловского сельсовета Олонецкого р-на называет себя не вепсами, а людиками (людикуд, людилаажед)? Это легко объясняется тем, что до Великой Октябрьской социалистической революции и вепсы себя не называли вепсами, за исключением небольшой группы вепсов, проживающих в Ефимовском р-не, а называли себя так же, как и карелы-людики, — *людилаажед* (*людилайжед*), т. е. 'людские, люди' (термин, пришедший, вероятно, от новгородских славян), а то просто *миялашшед*, т. е. 'нашенские'. Например: «говорю по-вепски» — *пагижен людикш*, или *пагижен миялашшкш*, или *пагижен тья келел* (*тöу, келюу*), т. е. «говорю по-людски», или «говорю по-нашенски», или «говорю на этом языке». «Этот» понимается как свой язык, остальные — все чужие. Очевидно, вепсы, называющие себя *людидь, людилайжед, людикуд, людикод*, независимо от того, что они разделены в настоящее время широкой полосой русского населения, принадлежат по происхождению к одной этнической группе, т. е. к вепсам, как бы они сами сейчас себя ни называли и как бы ни называло их русское население.¹

До Великой Октябрьской социалистической революции вепсов называли не вепсами, а *чудью, чухарями*. Это объясняется тем, что для русского населения многие инородцы, говорящие не по-русски, а на чужом для них языке, были «не своими», т. е. «чужими», отсюда и *чудь, чухарь*. Корень слов *чудь, чухарь* для нас ясен — это «не наш», *чуж* (ой), *чуж* (анин).² Так русское население могло прозвать позднее X—XI вв. и древнюю летописную *весь*. И не это ли является причиной «исчезновения» *веси* и появления *чуди* в районе Белого озера³ и в районе водной магистрали реки Свири?

Итак, в настоящее время вепсы живут небольшими разрозненными группами поселений.

Но спрашивается, всегда ли жили они разрозненными группами?

Нам кажется, нет. Во всяком случае единство языка обитающих ныне в отдалении друг от друга отдельных частей вепсской народности

¹ Однако есть полное основание предполагать, что вепсы не так давно называли себя вепсами, так как поездки к вепсам в последние годы подтверждают, что отдельные вепсы-старикши и в других районах помнят само название вепсы. Кроме того, собственно-карелы то население, которое проживает южнее их, называют вепсами, в том числе и карел-ливвиков и людиков. Поездки последних лет к вепсам, в частности мл. научн. сотр. М. М. Хмяляйна, также дают возможность фонетически увязать термин *весь* с термином *вепс*. Дело в том, что М. М. Хмяляйнену в Винницком р-не Ленинградской обл. удалось обнаружить знание старого термина *вепс* с мягким согласным *с'* на конце. Этот факт говорит об исторически наличествующем и впоследствии выпавшем конечном гласном переднего ряда, т. е. конечном гласном *ä*. Последнее вполне закономерно с точки зрения вепсского языка, так как в вепсском языке конечная гласная слова не в первом слоге всегда выпадает в том случае, если первый слог закрытый или долгий (исторически), что мы и имеем в слове *вепс*. Этот факт указывает, что слово *вепс* по закону гармонии гласных было передней огласовки, т. е. было *вепсä*. После выпадения *ä*, *с* сохранило былую палатализацию, т. е. сохранилось *с'* (ср. *кюпс'* — 'зрелый', 'спелый' от *кюпсä*; *люнсäйн* — 'дою' и т. п.). Этим объясняется конечный согласный *с'*.

² Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Гос. издат. Карело-Финск. ССР, Петрозаводск, 1947, стр. 24—26.

³ См. Заволочская Чудь.

и топонимические данные обширного района, примыкающего к бассейну Свири и далее на юго-восток к Белому озеру, подтверждают былое компактное заселение предками нынешних вепсов значительной территории.

Перехожу к топонимике.

В той полосе бассейна р. Свири, где сейчас живет русское население, мы находим следующие топонимические названия, находящие себе объяснение в вепсском языке.

1) Река Свирь. Шелтозерские вепсы называют ее *Сюварь*, что дает возможность вскрыть семантику этого названия: *сювя* 'глубокий, глубокая, глубокое', суффикс *рь* — усеченное *-ярв, -ярвь* 'озеро', буквально 'глубокое озеро'. Почему «озеро», а не «река»? Здесь, возможно, в понятии выделен более обширный водный бассейн, так как р. Свирь по сравнению с остальными реками и притоками в этом районе является самой большой и глубокой и начало свое берет из большого Онежского озера.

2) Населенные пункты по реке Свири.

Нимпелда — *ним*, от вепсского *нинь*, в переводе на русский язык 'липа', *пелда* — 'поле', т. е. 'липовое поле' (вепсы называют это селение не Нимпелда, а Ниньпелда).

Пидьма — *пидь*, от вепсского корня глагола *пидада* 'держат'; *-ма* — исторически именной суффикс, который вместе с глагольным корнем давал отглагольные имена (ср. финск. *elämä* 'жизнь', *kuolema* 'смерть', и т. д., вепск. *видим* 'лопатка для трепания льна', от глагола '*видода*', *хярким* 'мутовка', от глагола *хяркита*, и т. д. Суффикс *-ма* встречается в целом ряде топонимических названий, в вепсском языке он теряет конечный гласный *a* (в русском языке конечный гласный *a* в переводе с вепсского восстанавливается в значении родового показателя, т. е. *Пидьма*, название деревни, слово женского рода). В данном случае по-вепски *Пидьма* будет *Пидьм* (от *пидим* 'держание, задержка, затор'), что оправдывается состоянием течения реки Свири, так как если до *Пидьмы* Свирь представляет плесо, то ниже *Пидьмы* идут пороги; если до *Пидьмы* можно было идти Свирью караваном, то ниже требовался спуск лодок, судов в одиночку. Отсюда, вероятно, и «задержка».

Мятусово — *мятас* 'холм', что подтверждается ландшафтом.

Кукеряги — *кукер*, от вепсского глагола *кукерта* 'опрокинуть, опружить'; *-яги* (äги) усеченное *мяги* (mäги) 'гора', буквально 'гора, где можно опрокинуться', т. е. 'крутая гора', что подтверждается ландшафтом.

Варбиги — от вепсского *варбик, барбик* 'кустарник'.

Нисельга — от вепсского *ниньсельга* 'липовая возвышенность (плоскогорье, хребет)'.

Кезоручей — *кеза* 'лето', т. е. 'летний ручей'.

Корба — *корбь* 'тайга', 'густой хвойный лес'.

Каном — *кана* 'курица', *-ма* — суффикс, по-вепски *каном* 'курячье'.

3) Населенные пункты севернее Свири.

С. Ладва (Прионежский р-н К-ФССР) — 'вершина, высота (географическая), верховье'. Название населенного пункта Ладва мы находим также в Винницком р-не, где живут вепсы. По-вепски — *Ладв*, конечное *a* в данном случае в вепсском языке выпадает.

Дер. *Педасельга* (тот же район), т. е. *Педай-сельга*, по-вепски *Педайсельг*. *Педай* 'сосна', *сельга* — географическая возвышенность, плоскогорье, буквально 'хребет'.

Гимрека (Вознесенский р-н Ленинградской обл.) — *гим* от вепского *хийм* 'родня', т. е. 'родная река'.

Пелдожи (Подпорожский р-н Ленинградской обл.) — *пелд* 'поле'.
Мягисельга, по-вепски *Мягисельг* (тот же район, около ст. Токари);
мяги 'гора', *сельга* 'хребет, возвышенность, плоскогорье'.

Муд-озеро (тот же район) — *муда* 'ил, грязь озерная'.

Куз-озеро (тот же район) — *кузь* 'ель'.

Лодв-озеро (тот же район) — *ладв* 'вершина'.

Пурно-болото (тот же район) — *пурн* 'закрома'.

Дер. *Каягичо* (тот же район) — *каяг* 'чайка'.

Гонг-озеро (тот же район) — *гонг*, от вепского *хонг*, 'сухая сосна'.

4) Населенные пункты, озера, реки, болота и пр. южнее Свири.

С. Косельга (Вознесенского р-на Ленинградской обл.), по-вепски *Койсельг* от *Койвусельга* — *койв* — 'береза', *сельга* — ук. выше.

Кузра (тот же район) — *кузра* буквально 'селезенка коня', но это неправдоподобно. Здесь, очевидно, термин *куз* от *кузь* 'ель', *ра* — усеченное от слова *ранд* 'берег', т. е. 'еловый берег'. Ср. дер. Кузра и река Кузра Виницкого р-на Ленинградской обл., где живет вепское население. Ср.: в Заонежском р-не К-ФССР имеется село Кузаранда.

Дер. *Паднаволок* (тот же район) — пад от вепского *пада* 'горшок', буквально 'горшок-наволок'.

Река *Оравашка* (Оштинский р-н Вологодской обл.) — *орава* 'белка'.

Дер. *Сярг-озеро* (Виницкий р-н Ленинградской обл.) — *сярг* 'плотница', т. е. 'Плотичное озеро'. Топонимическое название Сярг-озеро или Сярг-ярвь можно встретить на очень широкой территории вдоль водной магистрали Ладожское озеро — Свири — Белое озеро.

Чач-озеро (тот же район) по дороге из Виниц в Гоморовичи и пристань Плотично — *чач* 'ил', т. е. 'Иловое озеро'.

Нялг-озеро (тот же район) — *нялг* 'голод', т. е. 'Голодное озеро'.

Сейбас-озеро (тот же район) — *сейбас* 'кол', т. е. 'Кол-озеро'.

Ким-озеро (тот же район) — *ким* 'токовище птиц', т. е. 'Токовое озеро'.

Село *Гонгиничи* (тот же район) — *гонг* — вепское *хонг* 'сухая сосна', буквально 'Сосновичи'.

Река *Веранда* (тот же район). Река течет вдоль дороги от с. Гонгиничи Виницкого р-на к с. Юковичи Вознесенского р-на, вытекает из Веранд-озера севернее с. Гонгиничи и впадает в Юковское озеро. В р. Веранда впадают ручьи: Кив-ручей — *киви* по-русски 'камень', т. е. 'Каменистый ручей' и ручей Новый. Слово *Веранд* в переводе с вепского — 'пожога', т. е. выжженное в лесу место, где должен производиться посев. Здесь, повидимому, роль играло оз. Веранд, по-вепски *Верандярвь*, вокруг которого производились подсеки, которые сжигались под посев, а река и ручей Веранд(ёги) и Веранд(оя) получили название по имени озера.

Пяч-озеро (тот же район) — *пяч* 'печь, печка'.¹

Мельг-озеро (там же) — *мэльг* 'глаз, зрачок', т. е. 'Зрачок-озеро, Глаз-озеро'.

Лог-озеро (там же) — *лог* — вепское *лохь* 'лосось'.

Пурн-озеро (там же) — *пурн* 'закрома'.

¹ В вепском языке древнее русское *е* (э) переходит в *я* (ä). Ср. русск. печь > в пячь, хлев > в льяв, и т. д.

Линд-озеро (там же) — *линд* 'птица'.

Вихк-озеро (тот же район) — *вихк* 'мочалка'.

Корб-озеро (тот же район) — *корбь* 'тайга'.

Реги-болото (тот же район) — *реги* 'дровни, сани, воз'.

Лижм-озеро (тот же район) — *лижм* 'тина' (ср. ст. Лижма Кировской ж. д.).

Легм-озеро (тот же район) — *легм* — вепское *лехм* 'корова'.

Болото *Гибонимское* (тот же район) — от вепского *хебо* 'лошадь', *немь* 'мыс', буквально 'Лошадемысское болото'.

Залив *Лакт-кара* (тот же район), слитное название из синонимов (*лакт* — 'залив', *кара* 'залив', буквально 'залив-залив').

Кярг-озеро (тот же район) — *кярг* 'иволга'.

Вахтос-озеро (тот же район) — *вахт* 'пена'.

Ред-озеро (тот же район) — *реду* 'грязь', и т. д.

Дер. *Перт-озеро* (Подпорожский р-н Ленинградской обл.) — *перть* 'изба'.

Река *Шоткуса* (Лодейнопольский р-н Ленинградской области) — *шот* 'червяк'; река Шоткуса очень извилистая, вьется, как червяк.

Ручей *Кузома* (тот же район) — *кузь* 'ель', *-ма* — суффикс, по-вепски *Кузомоя* 'Еловый ручей'.

Дер. *Пойкимо* (Оятский р-н Ленинградской обл.) от *Пойкима*, буквально 'поперечное'.

Дер. *Кургино* (тот же район) — *курзь* 'журавль'.¹

Мы привели очень незначительный список топонимического материала на широкой полосе, заселенной теперь русским населением. Число таких названий можно было во много раз увеличить, если включить в него наименования урочищ, полей и пр. Но и приведенный выше список дает нам основание думать, что северные вепсы исторически соприкасались с южными вепсами и они-то и были тем местным населением на Свири, которое жило здесь до русской новгородской колонизации.² Следовательно, племенные группы вепсов, ныне живущие раздельно к северу и югу от р. Свири, до IX—X вв. н. э., т. е. до заселения бассейна Свири русскими, составляли одно племя — вепсов. Это же подтверждается языковыми данными: тождеством языка вепсов, живущих ныне к югу и к северу от Свири.

Теперь о летописной Веси. Ни историки, ни археологи, ни этнографы не высказали еще до сих пор своего определенного мнения о древней Веси и ее судьбах. Как известно, историки говорят, что Весь «исчезла», не обосновывая, однако, этого «исчезновения» и обходя вопрос о вепсах и их происхождении. На основе языковых данных и топонимики мы имеем основание полагать, что вепсы и нынешние карелы-людики являются прямыми продолжателями древней летописной Веси, что они своими родо-племенными группами входили в состав летописной Веси.

¹ На то, что приведенные топонимические названия являются вепскими, а не емскими (финскими), указывает фонетика вепского языка, так например, наличие в вепском языке звонких, твердых и мягких согласных, шипящих и свистящих, отсутствие гармонии гласных, чего нет в финском языке (и его емском диалекте), ср. вепс. сельг (из сельга), финск. селкя; вепс. кеза, ф. кеся; в. корб', ф. корпи; в. ладв., ф. латва; в. мяги (мйги), ф. мйки; в. куз', ф. кууси; в. хонг, ф. хонка; в. сярг', ф. сярки; в. линд, ф. линту и др. На то же самое указывает расхождение в лексике между вепским и финским языком, так например, вепс. каяг «чайка», финск. локки «чайка», в. реду «грязь», ф. лика «грязь» и др.

² А не емь (ямь), как это указано на картах, приложенных к учебникам «История СССР» для вузов.

Топонимические материалы района от истока Свири по рекам Вытегре, Ковже до Белого озера свидетельствуют о том, что многочисленные названия населенных пунктов, рек, урочищ и т. д. могут быть объяснены только на основании вепсского языка.

Приведем несколько примеров из топонимики территории восточнее Свири до Белого озера, где сейчас живет русское население.

Село *Мегра* (Оштинский р-н Вологодской области, южнее Онежского озера) — *мягра* (*мягр*) *мегра* 'барсук'. Ср. Мал. Мегра, Мегра на западном берегу Белого озера.

Река *Челекса* (в Оштинском р-не). Не этимологизируется (возможно, от вепсского глагола *чилейта* 'сочиться, просачиваться'), но с вепсским суффиксом *-кс*. Ср. д. Чалекса на западном берегу Белого озера.

Село и река *Андома* (Андомский р-н Вологодской обл.) — *андома* — от глагола *антта* 'давать', *-ма* — суффикс, по-вепски *андом* 'даяние, дар, подарок', и т. п.

Дер. *Перт-озеро* (тот же район) — *перть* 'изба'.

Дер. *Янишево* (тот же район) — *яниш* 'заяц', буквально в переводе по-русски 'Зайцево'. См. Янишево, Борисово-Судский р-н Вологодской обл.

Дер. *Тагажм-озеро* (Вытегорский р-н Вологодской обл.) — *тага(жм)* 'зад', т. е. буквально 'Заднее озеро'.

Село *Палтоги* (тот же район) — *палт* от вепсского *поуде* 'склон', *оги-ёги* 'река', т. е. 'склон к реке'.

Дер. *Сельга*, вепсск. *Сельг* (тот же район) — *сельга* — географически 'возвышенность, плоскогорье, хребет'. Очень во многих топонимических названиях выступает в качестве второго компонента. См. в том же районе *Вертосельга* (*верто* от *верта* 'жечь, палить'), *Репосельга* (*репо* от *ребой* 'лиса').

Канг-озеро (тот же район) — *канг*, может быть, от *кангь* 'кол, аншпур' и *кангаз* 'бор' (вероятнее последнее, так как аналогичные топонимические названия встречаются в районах, заселенных вепсами).

Шунжебой (в 15 км от западного берега Белого озера) — *шунж* от вепсского *чундж* 'червяк', *ой*, вероятно, связано с *оя* 'ручей', т. е. 'Червивый ручей'.

Наконец, река *Ковжа*. Трудно этимологизируемое название. Но можно предполагать, что это название от вепсского *койв* 'береза', второй компонент *жа* восходит к вепсскому *-жом*, т. е. *Койвжом* 'березняк', т. е. 'река Березовая', очевидно, связано с лиственным лесом, растущим по ее берегам.

Надо сказать, что топонимика района от истока р. Свири до Белозерска мало изучена, но уже приведенные названия свидетельствуют о том, что в этом районе, широкой полосой вдоль водной магистрали, мы находим поселения, названные по-вепски, т. е. так, как это имеет место и на территории, заселенной в данное время вепсами.¹ Выходит, следовательно, что и то древнее население, которое обитало к юго-востоку от истока Свири до Белого озера (а по летописи это была Веси) говорило на вепсском языке, или, иными словами, современные вепсы являются потомками древней веси.

В этом нас убеждает и то, что вепсы Шольского р-на (деревни Пондала и Куя) и в настоящее время живут на расстоянии всего около 50—60 км от Белого озера, т. е. по существу на указанной в летописи территории Веси.

¹ См. также А. И. Попов. Топонимика Белозерья. Учен. зап. Ленинградск. гос. унив., серия востоковедческих наук, в. 2, 1948.

Нам кажется, что топонимические данные о заселении в древнее время *весью* (современными вепсами) вышеуказанной обширной территории не случайны. Оно, очевидно, было связано со значением для жизни и развития *веси* по водной магистрали Ладожское озеро — р. Свирь — Онежское озеро — р. Вытегра — волок — р. Ковжа — Белое озеро и далее на Волгу.

Этот водный путь в истории народов восточной Европы известен как путь, по которому шла во второй половине первого тысячелетия н. э. оживленная торговля между Западной Европой и арабскими странами Ближнего Востока. Естественно поэтому стремление тогдашних племенных групп селиться в районе этого водного пути. Вместе с тем водная магистраль позволяла расселившимся на обширной территории родоплеменным группам сохранить связи между собой, что и сказалось на единстве языка ныне оторванных друг от друга групп вепсов.

Приведенные топонимические названия дают нам основание сделать следующие выводы.

1. Территория вдоль р. Свири и далее на восток вдоль современной Марининской системы до Белого озера, где в настоящее время живет русское население, в прошлом была заселена вепсами, продолжателями древней летописной Веси. Связь терминов «весь» и «вепс» на основе топонимических названий и лингвистических данных (см. ссылку на стр. 26) очевидна. Выпадение в русском языке звука *п* (из *вепся* > *весь*) закономерно.

2. Переплетение вепсской топонимики с русской на всей вышеуказанной территории (ср. по р. Свири: вепсск. Варбиги, русск. Подпорожье, вепсск. Кукеряги, русск. Хевронино, вепсск. Мятусово, русск. Новоселье, вепсск. Пидьяма, русск. Плотично, русск. Остречины, русск. Вязостров, вепсск. Нимпелда, русск. Княжбор, вепсск. Кузра, и т. д. на восток до Белого озера) подтверждает, что после заселения русскими территории района р. Свири и далее на восток до Белого озера вепские поселения здесь смешались с русскими. В результате процесса скрещения вепсы в этих местах потеряли свой язык, перейдя на разговорный русский. На вепсском языке продолжали говорить лишь более удаленные от этой водной магистрали отдельные группы вепсской народности, которые мы и встречаем сейчас к югу и к северу от р. Свири, а также в Шольском р-не Вологодской обл., недалеко от Белозерска.

3. На всей исследуемой нами территории, заселенной вепсами и русскими, обнаружены топонимические названия, не поддающиеся этимологизации средствами русского, вепсского и других прибалтийско-финских языков, например: топонимические названия Винницкого р-на Ленинградской обл. — река Ваджига, дер. Шондовичи (по-вепски Шондьял), реки Тукша, Шокша; Пугант-ручей, Шенд-ручей, Желду-ручей, оз. Шокшозеро, Альбозеро, Шидро-ручей (по-вепски Шидроя), Сернат-озеро, Зартем-озеро и т. д.; Оштинского р-на Вологодской обл.: с. Ошта, дер. Нажм-озеро (по-вепски Нажамдьярь), Ослеярвуд, река Ножема (по вепски Нажмёги), Чагом-озеро, Пяжозеро, и т. д.; Вознесенского р-на Ленинградской обл.: дер. и река Вожерокса, дер. Лябушки, река Пугинжа и т. д. То же мы видим и в районах К-ФССР и на территории по направлению к Белому озеру. Это свидетельствует, что на этой обширной территории до вепсов, карел и русских обитало еще какое-то население, имевшее свой особый язык. Задача историков и лингвистов состоит в том, чтобы выяснить, кто же были предшественники вепсов, карел и русских в этом крае.

Это поможет разрешению проблемы происхождения карельского и вепсского народов.

И. Г. СПАСКИЙ

ВИНИЦКИЙ КЛАД

(Из истории денег в России в период польско-шведской интервенции начала XVII в.)

В северо-западной части Московского государства в XVII в. находилась территория Заонежских погостов, включавшая вместе с районами нынешней К-ФССР и смежный край с русским населением. Сложившиеся в первой половине XVII в. особенности местного денежного обращения в равной мере характерны для всей этой территории.

В 1948 г. Винницкий районный комитет ВКП(б) прислал в Государственный Эрмитаж сохранившуюся часть монет клада, обнаруженного несколько лет тому назад под разобранным зданием церкви в с. Лукинское Винницкого района Ленинградской обл., в количестве 633 монеты. В письме сообщалось, что всего было найдено в 1937 г. около 2000 монет. Согласно местному преданию, разобранный церкви было около 300 лет. По административному делению XVII в. с. Лукинское находилось на территории Винницкого погоста Заонежья.

Вместе с монетами в Эрмитаж прислан и сосуд, в котором они были захоронены: небольшая круглая баклага из хорошо обожженной глины, орнаментированная концентрическими линиями и покрытая зеленой глазурью. В свое время она предназначалась для ношения на шнурке, что доказывается наличием отверстий для него в подставке и пары ушек, расположенных по обеим сторонам горлышка. Незначительная емкость (240 см³) позволяет признать этот сосуд пороховницей. Совершенно такие же баклажки найдены в слое XVII в. при раскопках, производившихся проф. В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым в 1949 г. в Старой Ладогге. Винницкая и ладожские баклажки, вероятно, происходят из одного местного производственного центра.

Расчет по объему навески монет из клада показывает, что в пороховнице могло поместиться количество их, довольно близкое к указанному в письме из райкома, — около 1850 монет.

Клад состоит из серебряных монет неправильной формы, чеканенных из расплюснутых обрезков проволоки, с изображениями правителей (в виде всадников) на одной стороне и обозначением их титула и имени на другой. Среди 633 монет оказалась только одна, выпущенная до на-

чала правления Ивана Грозного, — денга Ивана III с изображением всадника, поражающего копьём змея, и легендой оборотной стороны: ДАРЬ|СЕЯР|УСИ. [1]. Штемпель лицевой стороны, повидимому, общий с известной денгой Ивана III, имеющей арабскую надпись «Ибан». В каталоге Эрмитажа денга, подобная присланной, не значится. Не была она описана и Орешниковым [2].

В основном клад составляют часто встречающиеся и хорошо известные серебряные копейки с именами правителей, начиная от Ивана Грозного (1533—1584) и кончая Михаилом Федоровичем (1613—1645). Взвешивание всех монет позволяет отнести их к следующим трем группам.

А. Трехрублевая монетная стопа, 150 экз., 23.7%

Иван Грозный: копейки 1533—1547 гг. — 12 экз., 1547—1584 гг. — 37 экз., денга царская — 1 экз. (единственная в кладе, остальные монеты — копейки); Федор Иванович: московские — 3 экз., новгородские — 9 экз., псковские — 18 экз.; Борис Годунов: московские — 8 экз., новгородские — 4 экз., псковские — 5 экз.; Василий Шуйский: московские — 11 экз. (средний вес 0.63 г), псковские — 5 экз. (0.66 г), новгородские — 1606 г. — 1 экз. (0.67 г), 1607 г. — 3 экз. (0.67 г), 1608 г. — 3 экз. (0.67 г), 1610 г. (дата «Р1И») — 5 экз. (0.66 г).

Б. Монетная стопа 3.6 рубля, 24 экз., 5.3%

С именем Шуйского: новгородские 1610 г. (дата «Р1И», т. е. той же пары штемпелей, что и выше) — 21 экз. (0.55 г); Владислав Жигимонтович: московские — 3 экз. (0.52 г).

В. Четырехрублевая монетная стопа, 448 экз., 71%

С именем Федора Ивановича («о» в седловине «М», легенда оборотной стороны наклонными буквами): 3 экз. (0.49 г); с именем Шуйского: новгородские, лицевой штемпель времени Лжедмитрия 1605 г. (дата «НРГ1»): 25 экз. (0.48 г); Михаил Федорович: московские («МОСК|ВА», «МО|СК □ Я», «М», «МО», «о» в седловине «М» и др.) — 300 экз. (0.48 г), новгородские («Н» над «О», «НД») — 111 экз. (0.48 г), псковские — 9 экз. (0.48 г).

10 монет не поддаются определению.

Указанный состав клада дает основания для установления времени его сокрытия.

Присутствие значительного количества новгородских копеек Михаила Федоровича, чеканка которых, как известно, началась только в 1617 г., после ухода из Новгорода шведских оккупантов [3], и разнообразный состав его московских копеек, а также общее соотношение количества старых полновесных копеек и новых позволяет относить время составления клада к 20-м или, в крайнем случае, началу 30-х годов XVII в. Бросается в глаза незначительность количества псковских копеек Михаила Федоровича, что может свидетельствовать не только об ослаблении экономической мощи Пскова, но, возможно, и о еще более позднем возобновлении деятельности Псковского монетного двора после мира со Швецией, чем новгородского.

Таким образом, в кладе в основном представлены монеты, охватывающие, по времени их выпуска, почти столетний период. Подобный со-

став не является чем-то необычным, а, напротив, отражает особенности денежного обращения в России XVI и начала XVII вв. В 1533—1535 гг. была осуществлена денежная реформа, отразившая в себе завершение централизации Московского государства. Все ранее находившиеся в обращении разнообразные по виду и по весу монеты были запрещены и заменены новыми монетами единообразного вида и веса, выпускавшимися на государственных монетных дворах в Москве, Новгороде и Пскове. Благодаря введению нового изображения — всадника с копьем — именно в это время зародилось существующее до наших дней название «копейка», хотя более употребительным названием этих монет было «новгородка». (Кроме «новгородок» при Иване Грозном и Федоре Ивановиче чеканились «денги» половинного веса и только при Грозном «полушки», равные $\frac{1}{4}$ копейки).

Начиная с 1533 г., Московское правительство строго придерживалось узаконенного веса монет. Из весовой гривенки серебра (около 200 г) чеканили 300 копеек; средний вес одной монеты практически составлял 0.64—0.67 г (трехрублевая монетная стопа). Так как при преемниках Ивана Грозного вес копейки оставался неизменным, то каждый новый царь, выпуская свои монеты, не изымал из обращения выпущенных до него. Замена всей находившейся в обращении массы монет являлась настолько сложным делом, что на нее не решались даже в тех случаях, когда было желание изгладить и самую память о неприятном предшественнике. Прахом убитого и сожженного Лжедмитрия можно было выпалить из пушки, наведя ее в ту сторону, откуда он явился в Москву, но его монеты с титулом «царя и великого князя Дмитрия Ивановича» беспрепятственно оставались в обращении, наряду с монетами Шуйского. Чем позже после реформы 1533—1535 гг. сокрыт клад, тем большее количество монетных типов разных правлений в нем содержится.

Лишь после польско-шведской интервенции, в результате которой вес вновь выпускавшихся монет упал до 0.48—0.49 г (400 копеек из гривенки — четырехрублевая стопа), старые полновесные монеты стали убывать в количестве. В течение первой половины царствования Михаила Федоровича большинство их исчезло из обращения. Именно поэтому клады, захороненные в его правление, представляют особый интерес, так как изучение и сравнение их состава открывает возможность правильно решить вопрос о том, каким образом произошло падение веса русских денег в начале второго десятилетия XVII в. Анализ состава винницкого клада позволяет установить ряд ранее не известных фактов.

Существуют два, в равной мере ошибочных мнения о времени и обстоятельствах снижения веса копейки в начале XVII в., с которыми можно встретиться в исторической литературе. Одно мнение высказал И. И. Кауфман, который в работе, посвященной истории русского рубля, пришел к выводу, что правительство Михаила Федоровича провело монетную реформу и в 1613 г. уменьшило вес монет на 25%, начав чеканить вместо 300 копеек из гривенки — 400 [4]. Кауфман знал, что в период интервенции чеканка монет в Русском государстве не прекращалась: в Москве с 1610 по 1612 гг. выпускались копейки с именем незадачливого претендента на русский престол — Владислава, а в Новгороде с 1611 г. чеканили монеты русского образца шведские оккупанты. Запущавшись в вопросе о чеканке монет поляками, Кауфман считал, что они сохранили трехрублевую стопу и что шведы уменьшили вес монет не ранее 1613 г., лишь следуя примеру правительства Михаила Федоровича.

Сторонники иной точки зрения — С. Б. Веселовский [5] и С. И. Чи-

жов [6] — считали, что вес монет был снижен Шуйским, т. е. еще до интервенции. Приняв во внимание хорошо известное плачевное состояние казны правительства Шуйского в течение почти всего его правления, легко было бы согласиться с этим мнением, тем более что, казалось бы, и факты поддерживают его, так как в монетных собраниях и во многих кладах встречается большое количество монет с именем Шуйского, вес которых значительно ниже законного веса монет трехрублевой стопы.

Таким образом, при обеих попытках точно установить, кем и когда был снижен вес денег в начале XVII в., недооценивался тот факт, что именно в этот период производился выпуск монет русского образца как польскими, так и шведскими захватчиками на Московском и Новгородском монетных дворах. Следует добавить, что ни Кауфману, ни его противникам еще не могло быть известно, что и руководимое Мининым и Пожарским временное правительство в 1612—1613 гг. тоже выпускало свою монету в Ярославле.

Из трех названных выше групп монет до последнего времени были известны только копейки Владислава — московского и новгородского чекана. Последние очень редки, так как могли чеканиться в течение весьма короткого времени в конце 1610 и в самом начале 1611 г., когда Новгород оказался под властью присланного из Москвы наместника Ивана Салтыкова. В октябре 1610 г. ему удалось, войдя в город, привести новгородцев к присяге «царю» Владиславу, но уже в конце января или в начале февраля 1611 г. Салтыков был брошен в тюрьму и затем казнен восставшими новгородцами [7]. Что касается монет, чеканенных в Новгороде шведами, и ярославских монет временного правительства, то даже их тип никем еще не установлен.

Занимаясь изучением большой группы русских монет XVI и начала XVII вв., найденных в Арктике, автор этой статьи обратил внимание на очень своеобразное колебание веса, приведенного в ряде описаний клады, монет Шуйского, которые были привлечены для сравнения. В некоторых кладах, подобно арктическому, охватывающих своим составом заведомо все годы правления Шуйского (1606—1610),² его монеты сохраняют законный вес трехрублевой стопы и легковесные монеты отсутствуют полностью, в других — вес монет Шуйского заметно падает. К сожалению, большинство исследователей, обрабатывавших клад, не считало нужным взвешивать все монеты в отдельности и ограничивалось взвешиванием одноименных групп. Но и при этом получавшийся средний вес одной монеты обнаруживает самые удивительные колебания — от законного веса 0.67 г до 0.50 г. Замечательно при этом, что колебания веса монет относятся только к новгородским монетам Шуйского.

Изучение монет Шуйского в арктической находке приводит к убеждению, что в течение всего правления его монеты всех трех монетных дворов сохраняли законный вес, установленный в 1533 г., а встречающиеся во многих кладах времени Михаила Федоровича легковесные копейки с именем Василия Ивановича были выпущены после того, как

¹ Принадлежащая Арктическому институту находка на о. Фаддея и берегу зал. Симса, восточней Таймырского п-ова, содержит около 3500 монет, обнаруженных в 1940 и 1941 гг. советскими моряками. Составление ее относится ко времени между 1615 и 1617 гг. Издательством Главсевморпути печатается посвященный находке сборник.

² В отличие от всех других русских монет XVI и почти всего XVII в. только новгородские монеты с 1596 по 1610 гг. имели обозначение года их выпуска. Поэтому и новгородские монеты Шуйского имеют даты.

Шуйский был свергнут с престола. Есть все основания признать, что именно эти легковесные монеты с именем Шуйского и выпускались в Новгороде шведскими захватчиками, хозяйничавшими на монетном дворе и использовавшими оказавшиеся в их распоряжении подлинные штемпели.

В Стокгольмском государственном архиве сохранились книги Новгородского монетного двора за годы шведской оккупации (1611—1617), краткое описание которых издано [8]. Эти материалы показывают, что вскоре после 1611 г. шведы организовали скупку старой русской монеты и серебра у населения с небольшой приплатой и переделывали скупленный металл в новые монеты, чеканя из гривенки вместо 300 копеек 360, т. е. придерживаясь стопы в 3.6 рубля. Новыми монетами они, разумеется, и расплачивались. Начиная с 1615 г., они стали чеканить уже 400 копеек из гривенки, перейдя к четырехрублевой стопе. Именно этим и объясняется отмеченное выше непонятное колебание веса монет Шуйского в кладах. В каждом случае этот вес слагался из разных данных, в зависимости от количества подлинных монет Шуйского и легковесных шведских подделок обоих сортов.

В собрании Эрмитажа разновесные монеты Шуйского представлены очень полно; но как во всякой коллекции — это единичные экземпляры, еще не дающие основания для полных выводов. Изучение клада из Винниц позволило окончательно решить излагаемый вопрос с нумизматической стороны, твердо установив последовательность выпуска типов шведских фальшивых монет в Новгороде с 1611 по 1617 гг.

В винницком кладе, как и во всех других кладах, вес новгородских монет Шуйского, выпущенных до 1610 г., никаких замечаний не вызывает. Но совершенно одинаковые по штемпелям монеты 1610 г. четко делятся на две весовые группы: одна часть — подлинные монеты Шуйского — сохраняют законный вес 0.67—0.68 г, тогда как во второй все монеты весят по 0.53—0.55 г, т. е. довольно точно соответствуют весу $\frac{1}{350}$ гривенки, которого придерживались шведы до 1615 г. Интересно, что среди монет типа 1610 г. совершенно нет еще более легких монет. Зато еще одна, богато представленная в винницком кладе группа новгородских монет с именем Шуйского, чеканенная совсем другими штемпелями, имеет вес исключительно 0.48—0.49 г, который совпадает с весом $\frac{1}{400}$ гривенки. Чеканку монет последнего типа можно надежнее отнести ко времени после 1615 г. Понятно, почему шведами были сменены штемпели: стало выгодно скупать для переделки и те монеты, которые шведы сами выпускали ранее.

В арктической находке, сложившейся лет через пять-шесть после низложения Шуйского, были только его полновесные новгородские монеты за все годы правления, в том числе за 1610-й, и не было ни одной легковесной монеты всех упомянутых типов. Это вполне объясняется тем, что клад составил на севере России в то время, когда состояние войны со Швецией делало еще невозможным проникновение за пределы оккупированной шведами территории шведских подделок, наводивших Новгородский край. После 1617 г. они влились в общерусское обращение и во множестве присутствуют в кладах времени Михаила Федоровича, независимо от места их захоронения.

Таким образом, присланный из Винниц клад, несколько более поздний по времени его составления, чем арктическая находка, позволяет окончательно решить вопрос о том, как произошло падение веса монет в Новгороде, и точно установить типы шведских поддельных монет —

одной из трех групп монет, выпускавшихся в России в период польско-шведской интервенции начала XVII в.

Порча монеты интервентами началась, однако, не в Новгороде. В Москве она была начата еще раньше поляками. В кладе из Винниц, составившемся в северо-западной части государства, монет Владислава оказалось не так много. Но выводы об их весе по большому количеству экземпляров дала обработка арктического клада. Известные типы этих монет тоже делятся на две группы — со средним весом 0.55—0.56 г и с весом 0.48—0.49 г. (Последних в рассматриваемом кладе не оказалось). Вес показывает, что после низложения Шуйского и захвата власти поляками последние начали чеканить легковесные монеты, сперва делая 360 копеек из гривенки, а под конец, в 1612 г., чеканили уже по 400. Имеются данные о том, что поляки, разграбив московские царские сокровищницы и храмы, различную серебряную утварь переделывали в легковесную монету русского образца [9].

Салтыков за свое кратковременное пребывание в Новгороде не успел или не решился провести снижение веса монеты, и новгородские копейки Владислава чеканились по трехрублевой стопе. Это лишь подтверждает тот факт, что при Шуйском вес монеты оставался неизменным.

Особенно важное значение имеет вопрос о чеканке монет, производившейся народным ополчением Минина и Пожарского в Ярославле. Перед вождями освободительного движения стояли задачи огромной трудности. Чтобы собрать, снарядить и накормить ратных людей, нужны были деньги. В Ярославле руководство ополчения не ограничилось сбором денег. Л. М. Сухотин опубликовал в 1915 г. челобитную, из которой видно, что в Ярославле был монетный двор, вскоре после воцарения Михаила Федоровича (не позднее апреля или начала мая 1613 г.) переведенный в Москву [10]. Текст челобитной позволяет заключить, что перед остановкой монетного двора там чеканились уже монеты Михаила Федоровича. Однако монетный двор в Ярославле учрежден был несомненно раньше и мог возникнуть и начать работать лишь в тот период, когда в 1612 г. Ярославль стал центром освободительного движения.

До настоящего времени никто не пытался установить тип ярославских монет 1612—1613 гг. Между тем отдельный вопрос о существовании монетного двора в Ярославле возник в нашей нумизматической литературе еще в конце XVIII в., когда О. Беляев, составляя свое «Описание кабинета Петра Великого», отметил один тип монет с именем Федора Ивановича, на которых вместо обычных знаков монетного двора («Мо» — Москва, «Но» — Новгород, «Пс» — Псков) был знак «Яр», истолкованный им как «Ярославль». После Беляева об этих монетах писали многие, но, странным образом, никто не обращал внимания на их вес, и, вероятно, поэтому-то никогда не возникало сомнения в их принадлежности к монетам Федора Ивановича [11].

Среди всей массы монет Федора Ивановича, чеканившихся по стопе в 3 рубля из гривенки (вес 0.67 г), эти монеты представляют резкое исключение. Взвешивание около сотни подобных монет из арктической находки и других кладов показало, что их вес точно выдержан в пределах 0.55—0.58 г, т. е. наиболее близок к весу упоминавшихся уже выше монет шведских и польских захватчиков, чеканенных по 360 штук из гривенки. Такой же вес этих монет указывается в имеющихся описаниях. Особенно интересно и важно то, что лицевой штемпель этой монеты не нашел применения в чеканке каких-либо других типов монет Федора Ивановича или монет его непосредственных преемников —

Годунова, Лжедмитрия, Шуйского; однако мы снова встречаем тот же штемпель с буквами «Яр» на ранних монетах Михаила Федоровича (имеются в собрании Эрмитажа).

Совершенно такое же место среди монет с именем Федора Ивановича занимает еще один монетный тип, о котором можно повторить все, только что сказанное, с той разницей, что средний вес значительного количества взвешенных монет составляет уже только 0.49 г, т. е. $\frac{1}{400}$ гривенки, а монограмма на этой монете не «Яр», а «Мо». Во всех кладах с монетами Федора Ивановича, сложившихся до 1612 г. (т. е. времени Годунова и Шуйского), с составом которых была возможность ознакомиться, описываемых монет обоих типов, разумеется, не оказалось; но в кладах времени Михаила Федоровича — арктическом и винницком — они хорошо представлены. (В последнем оказались монеты только второго типа — с весом 0.49 г).

Известно, как строго следило Московское правительство после Грозного за весом монет. Основываясь даже на одном только весе, приходится признать, что описанные монеты с именем Федора Ивановича не могли быть выпущены ранее 1610—1611 гг. Особенно веским доказательством «анахронической» природы обоих легковесных монетных типов Федора Ивановича является то, что их лицевые штемпели повторно встречаются только в чеканке Михаила Федоровича, причем образуемые ими новые монетные типы по характеру выполнения надписей оборотной стороны легко могут быть разделены на монеты, чеканенные еще в Ярославле, и на монеты, чеканенные в Москве после того, как имущество Ярославского монетного двора было перевезено в Москву. Нужно лишь объяснить, почему на легковесных монетах было помещено имя Федора Ивановича, чтобы иметь возможность безоговорочно признать их монетами Минина и Пожарского, отчеканенными на монетном дворе, который был создан в Ярославле в начале 1612 г.

Руководителям ополчения при организации своего монетного двора нужно было решить вопрос о том, какой вид должны иметь новые монеты. Вполне естественно было стремление сохранить старый, привычный народу тип монеты, не внося в него никаких новшеств; но при этом возникал вопрос — какое имя поместить на штемпелях оборотной стороны монет?

В Ярославле знали, что польские захватчики выпускают в Москве русские монеты с именем своего претендента. Поддерживая состояние «худого мира» с Новгородом, руководство народного ополчения не могло не знать, что шведы подделывают русскую монету, используя подлинные штемпели низвергнутого последнего царя Василия Шуйского. Выбор имени для ярославской монеты не был формальным вопросом, так как любая монета, помимо своего непосредственного назначения — служить орудием обращения, — как произведение письменности и искусства имеет определенное идейное содержание.

Замыслы польских и шведских интервентов, прочивших на московский престол своих королей или королевичей, представляли огромную угрозу независимости русского народа, поэтому и вопрос об имени на монетах приобретал особенное значение. В многочисленных программных документах времени народного ополчения настойчиво и дружно выражалось требование вручить судьбу государства непременно своему «прирожденному» государю. В такой форме выразилось общенародное стремление к государственной независимости. В периоды больших потрясений, собирая силы для отпора врагу, народ в своем историческом прошлом

находит отправную точку для борьбы за будущее. Имя последнего «прирожденного государя», сына Грозного, напоминало о былом могуществе России и, в частности, о недавних победах над шведами в успешной войне с ними Федора Ивановича.

Поместив имя давно умершего царя на своих монетах, вожди ополчения своеобразно выразили идею народной борьбы за независимость. Ни Шуйский, призвавший в Россию шведов, которые предали его у Клушина, ни ставленник польских панов Лжедмитрий, ни Годунов не могли вызывать симпатии в Ярославле. Их именам не было места на монетах ополчения.

Изменение веса ярославских монет, которые чеканились сперва в весе 0.58 г, а потом 0.49 г, является убедительным свидетельством того, насколько зорко следили из Ярославля за противником. Было бы неразумным выпускать монету старого веса в то время, когда враги портили ее в своих целях. Единственным правильным решением было свое временно ослаблять их начинания, соответственно снижая вес своих монет, что в условиях военной обстановки давало и определенные выгоды.

Когда поляки уже намертво были зажаты в московском мешке и исход борьбы был предрешен, временное правительство с полным правом могло поставить на своих монетах новый знак «М» — Москва. В соответствии с весом польских копеек конца 1612 г., эти монеты чеканились уже по четырехрублевой стопе. Эту монетную стопу и получило из рук «полевого казначейства» ополчения новое русское правительство в 1613 г.

Винницкий клад позволяет установить монетные группы, которые вливались с 1611 г. в местное денежное обращение Заонежских погостов и на время заметно изменили его состав по сравнению с обращением общерусским.

Что касается денежного обращения Заонежских погостов после 1617 г., то клад не дает достаточно полной его картины, так как при наличии московских, ярославских и псковских монет, начавших поступать сюда после 1617 г., в нем вовсе отсутствуют выпускавшиеся, начиная с 1619 г., копейки Христиана IV Датского. Они чеканились с согласия русского правительства, допускались для торговли в северных приграничных русских районах и проникали в денежное обращение северо-западных областей Московского государства. Подобно русским копейкам, они делались из серебряной проволоки, имели одинаковый с ними вес и изображение и отличались лишь надписью, где обозначались имя и титул короля, и худшим качеством серебра. Они представлены в ряде наших северных кладов XVII в. и упоминаются под 1636 г. в псковской летописи под названием «корелки худые» [12]. Отсутствие «корелок» в нашем кладе позволяет увереннее датировать его началом 1620-х годов.

Основное значение клада, полученного Эрмитажем из Винниц, состоит в том, что его изучение помогло выяснить обстоятельства снижения веса монет в период польско-шведской интервенции. Установление скрытых типов легковесной монеты интервентов облегчило выявление неизвестных ранее монет народного ополчения. В свете этих материалов не привлекавший достаточного внимания исследователей вопрос о чеканке монет ополчением Минина и Пожарского приобретает большую значимость.

Борьба народного ополчения с интервентами последовательно велась и в области денежного дела.

ЛИТЕРАТУРА

- [1]. Чижов С. И. Лзбавский клад. Тр. Предварительного комитета XV Археолог. съезда в Новгороде. М., 1911, стр. 22, № 23, табл. 1, 10.
- [2]. Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896.
- [3]. Русская историческая библиотека, т. II, 342; Временник Московского общества истории и древностей Российских, III, 1849, стр. 80—81.
- [4]. Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910, гл. «Рубль Михаила Федоровича».
- [5]. Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909, стр. 5, 14 сл.; Понижение веса монеты при царе Василии Шуйском. Нумизматический сборник, II, М., 1913, стр. 135—144; Сошное письмо, т. I, М., 1915, стр. 27 и 405.
- [6]. Чижов С. И. О весе копеек царя Василия Шуйского. Нумизматический сборник, II, М., 1913, стр. 158 сл.
- [7]. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза», т. VIII, стр. 996, 973, 992.
- [8]. Якубов К. И. Русские документы Стокгольмского государственного архива. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1891, I, IV.
- [9]. Русская историческая библиотека, т. II, докум. № 95.
- [10]. Сухотин Л. М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. (Материалы). Чтения, 1915, IV, докум. № 264.
- [11]. Беляев О. Кабинет Петра Великого, отд. третье, СПб., 1800, стр. 31; Гуттен-Чапский Э. К. Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси, СПб., 1875, стр. 132, № 584; Иверсен Ю. Б. Что обозначают отдельные буквы, помещенные на копейках и денежках до Петра Великого? Тр. IV Археолог. съезда, отд. III, стр. 28; Ильин А. А. Монетный двор в Ярославле. Изв. ГАИМК, т. I, 1920.
- [12]. Полное собрание русских летописей, т. IV, стр. 335.

К. В. ЧИСТОВ

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О ГЕРОЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА М. В. МЕЛЕНТЬЕВОЙ и А. М. ЛИСИЦЫНОЙ

Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету.

А. М. Горький.

Годы первой послевоенной сталинской пятилетки ознаменовались новыми замечательными успехами советского народа во всех областях политической, экономической и культурной жизни. Продолжилось величественное движение нашей страны к коммунизму. Новый, невиданный подъем пережило и советское искусство. Огромную роль во всей культурной жизни нашей Родины сыграли исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Они ориентировали все советское искусство на борьбу за высокую идейность и боевую актуальность, за высокое мастерство, за дальнейшее развитие социалистического реализма. Советская литература и советское народное творчество обогатились в последние годы новыми высокоидейными и высокохудожественными произведениями, раскрывающими различные стороны богатой и многообразной жизни народов Советского Союза.

В послевоенном профессиональном и самостоятельном поэтическом творчестве советского народа большую роль играла и продолжает играть тема Великой Отечественной войны. В последние годы создано немало выдающихся литературных произведений, разрабатывающих эту тему и вошедших в золотой фонд советской культуры: «Буря» Эренбурга, «Люди с чистой совестью» Вершигоры, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Спутники» Пановой, «В окопах Сталинграда» Некрасова, «Знаменосцы» и «Злата Прага» Гончара, «Белая береза» Бубеннова и многие другие. Следует отметить также десятки книг — воспоминаний участников войны, партизанского и подпольного движения в военные годы. Появление большого количества книг о Великой Отечественной войне в послевоенные годы вполне естественно.

Героический подвиг советского народа-победителя продолжает служить неиссякаемым источником творчества наших писателей. Великий

патриотический подъем, ратные подвиги бессмертной славы, направляемые и озаренные гением величайшего человека современности — товарища И. В. Сталина, пережиты всеми нами с потрясающей силой. Мысль советских людей, а вместе с ними мысль всех прогрессивных людей мира еще долгие годы будет возвращаться к незабываемым дням Великой Отечественной войны. Реакционные силы империалистических стран призывают к развязыванию новой войны; в Корее и на о. Тайвань они перешли к актам прямой агрессии. Продумывая и обобщая опыт Великой Отечественной войны, анализируя причины ее возникновения и развития, советский народ мужает в сознании своей силы и правоты, закаляет в себе волю к победе.

Велика роль лучших произведений советской литературы о Великой Отечественной войне и в развитии международного движения сторонников мира. Движение за мир во всем мире, развернувшееся с огромной силой на всех материках, продолжает черпать свои силы в опыте недавней войны. Поджигатели новой мировой войны должны помнить, что их ждет бесславная судьба немецкого фашизма, если они осмелятся посягнуть на честь, свободу и независимость нашей Родины. «Теперь речь идет уже не о том, жизнеспособен или нет советский общественный строй, ибо после наглядных уроков войны никто из скептиков не решается больше выступать с сомнениями насчет жизнеспособности советского общественного строя. Теперь речь идет о том, что советский общественный строй оказался более жизнеспособным и устойчивым, чем несоветский общественный строй, что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй».¹

Как показывают записи и наблюдения, производившиеся в последние годы, тема Великой Отечественной войны продолжает быть одной из ведущих и для послевоенного народного творчества. Создаются все новые и новые и продолжают исполняться возникшие в годы войны массовые самодельные песни и частушки, прославляющие победу советского народа в борьбе с немецким фашизмом и его сателлитами. Народные певцы и сказители сложили немало песен, новин, стихотворных и прозаических сказов, сказок и других произведений о Великой Отечественной войне.² Эта тема продолжает волновать и начинающих поэтов, и прозаиков, выступающих на страницах заводских многотиражек, районных газет, молодежных газет и журналов, стенных газет и боевых листов.

Особую роль в разработке тем, связанных с Великой Отечественной войной, играет прозаический устный рассказ (сказ) — самая простая и доходчивая форма массового самодельного художественного творчества. Участники великих сражений, бывшие партизаны и деятели большевистского подполья на временно оккупированных территориях, герои трудовых подвигов постоянно делятся воспоминаниями, выступают с рассказами на вечерах, на специально организуемых встречах с молодежью и детьми, по радио, наконец, в кругу знакомых и близких. Подобные устные выступления и рассказы вместе с печатными

¹ И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. Госполитиздат, М., 1946, стр. 10.

² Э. В. Гофман-Померанцева. Великая Отечественная война в русском фольклоре. (Обзор сборников). Сов. этнография, 1946, № 1, стр. 247—250; В. И. Чичеров. Материалы к истории советского фольклора. Сов. этнография, 1949, № 4, стр. 20—42.

и литературно обработанными воспоминаниями имеют важное общественное значение, играют важную роль в развитии советского патриотизма. Поэтому изучение их представляет большой интерес.

Рассказы эти подчас приобретают живую художественную форму, легко воспринимаются слушателями и начинают бытовать подобно другим произведениям народного творчества. Однако в бытовании устных рассказов есть и своя специфика. Устные народные рассказы, собранные в последние годы сотрудниками Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии наук СССР и касающиеся тем, связанных с событиями Великой Отечественной войны, довольно четко делятся на две основные группы. В некоторых рассказах внимание сосредоточивается на образе героя-патриота, любовно сохраняются его облик и имя («рассказы о героях»),¹ в других — идея рассказа раскрывается в самом эпизоде — типичном, ярком случае, который мог произойти с каждым советским человеком («рассказы о фронтовых случаях»). Различие этих двух видов современного устного рассказа обнаруживается и в дальнейшем бытовании. Исполнители «рассказов о героях» стремятся к сохранению документальности, исполнители же «рассказов о фронтовых случаях» очень быстро расстаются с установкой на внешнюю правдоподобность, рассказы эти как бы беллетризуются, слушатели не требуют строгого разграничения факта и выдумки. Выдумка допустима, но она должна быть ловкой и острой, помогать раскрытию основной идеи рассказа, углублять ее.

«Рассказы о героях» связаны со стремлением прославить и сохранить память о герое, всесторонне обрисовать его облик, воплотить в самом образе героя идею советского патриотизма. «Рассказы о случаях» обычно имеют относительно устойчивый текст, который безусловно варьируется, шлифуется, обогащаясь все более и более, однако сохраняет при этом свою первоначальную основу.

В «рассказах о героях» главное — не в бытовании текста рассказа, а в бытовании самого образа, в создании которого принимает участие огромный коллектив, в выдающихся случаях — весь советский народ (например, рассказы о Сталине, о краснодонцах, Зое Космодемьянской, Лизе Чайкиной, Ковпаке, Заслонове и др.). Это всенародно творимый образ национального героя, горячо любимого всем советским народом. Каждый отдельный рассказ в таком случае не претендует на идейную и художественную законченность, он лишь посильное дополнение (уточнение) к облику героя, живущему в сознании и рассказчика и слушателей вне и до рассказа. Рассказчик передает виденное им самим или слышанное от свидетелей подвига, родных, друзей героя и др. Если он сам не является прямым очевидцем подвига героя, то ссылается на кого-нибудь из очевидцев, если даже тот или иной факт из жизни героя ему известен из вторых, третьих, четвертых «уст», и т. д. При этом обязательно именно стремление к сохранению документальности — это документальный исторический рассказ.²

Несомненно, что рассказчик-очевидец, повторяя несколько раз свой рассказ, отработывает его текст, продумывает отдельные детали, улучшает их изображение, т. е. повышает его идейные и художественные

¹ Среди таких рассказов особенно выделяются рассказы о вождях — Ленине, Сталине, Кирове, Калинине, о крупнейших полководцах гражданской войны и Великой Отечественной войны и т. д. Их мы не касаемся в настоящей статье.

² О легендарных рассказах о героях Великой Отечественной войны Заслонове и Ковпаке, Сов. этнография, 1948, № 2.

качества; однако его слушатели воспринимают обычно не весь текст рассказа, а лишь включают заинтересовавшие их факты в привычный уже для них образ всенародного героя.

Следовательно, коллективная природа «рассказов о героях» образуется не коллективным восприятием и коллективной обработкой текста, как это обычно для большинства произведений других жанров устного народного творчества, — коллективно творится сам образ героя. Следует особенно подчеркнуть огромную общественную роль такого коллективно творимого образа героя. Он становится неотъемлемой частью социалистического сознания, социалистической культуры советских людей, одним из составных элементов того, что мы называем психологическим складом социалистической нации.

2

К числу таких рассказов о героях несомненно следует отнести и записанные летом 1950 г. рассказы о Героях Советского Союза Марии Владимировне Мелентьевой и Анне Михайловне Лисицыной. Запись производилась в районах Карело-Финской ССР, где память о героических подвигах-партизанках особенно жива: Пряжинском — на родине М. В. Мелентьевой и Шелтозерском — на родине А. М. Лисицыной. Вместе с отдельными записями, производившимися в предыдущие годы сотрудниками отдела истории ИИЯЛ П. К. Колесовой и А. М. Дементьевой, общее количество (более 50) записанных устных рассказов превышает количество записей, проведенных на территории Карело-Финской ССР о других героях Великой Отечественной войны. Кроме того, рассказы о Мелентьевой и рассказы о Лисицыной составляют нераздельный цикл и неотделимы друг от друга, как неотделимы в истории Великой Отечественной войны славные имена героинь. Все это обусловило выбор этих рассказов в качестве специального объекта исследования.

Рассказы о Мелентьевой и Лисицыной в большинстве своем записаны от односельчан — родных, друзей, сотоварищей по школе, комсомольской организации, военному госпиталю, партизанскому подразделению.

Основная идея этих рассказов — прославление патриотических подвигов двух славных дочерей карело-финского народа, поэтическое воплощение образов подруг-партизанок. Записанные рассказы составляют целый цикл, в котором два рассказа занимают центральное место — о переправе героинь через Свирь и о героической гибели Марии Мелентьевой. Они бытуют самостоятельно, либо в окружении других эпизодов, известных рассказчику. Они же легли в основу очерка Г. Фиша «Бессмертие» («Подруги», «Карельские девушки»). Это живые, взволнованные рассказы о легендарной пряжинской девушке Марийке и ее подруге Ане — представительнице маленького, родственного карелам народа вепсов.

По заданию командования две патриотки должны были собрать сведения о расположении артиллерийских позиций и складов боеприпасов врага, о передвижении его войск, о жизни советских людей на временно оккупированных территориях — в родном для Ани Лисицыной Шелтозерском районе.

Около месяца пробыли девушки в тылу врага; задание было блестяще выполнено.

Приведу один из таких рассказов, записанных от М. Ф. Ивановой (Пряжа):

«Мы были эвакуированы в село Решма Ивановской области. Она

внезапно приехала погостить к родным в 1942 году осенью, еще Валерик мой был маленький в люльке. Как раз урожай собирали, помидоры.

«Приехала и сказала, что приехала на месяц. Побывала 14 дней: „Нет, тут, говорит, скучно“ — и поехала. Мы ее провожали.

«Я позвала ее к себе, вместе спали. Она всю ночь рассказывала, как в Шелтозеро ходила. С Лисицыной Аней их на самолете отправили через фронт. И, говорит, когда мы пришли туда, Аня была как проводница, так как знала свои места. Шли по лесу. (Да все нельзя было рассказать). Явиться надо было к дяденьке одному, он нам должен был помочь. Ну, а мы, говорит, когда стемнело, подошли к деревеньке под Шелтозером, где Аня жила. Аня постучала в окошко, когда темно стало, а я, говорит, в бане спряталась. Это было ночью. Сестра вышла. Она говорит: „Это я!“. Я из бани слышу все. А потом и я тоже в хату пошла. Мать говорит, что нельзя вам здесь — сюда финны за молоком ходят. (Так они там на вышке на чердаке, в подполье были. У них были паспорта, как будто они местные девушки, побоялись, не предаст ли кто). Ну и тут мы, говорит, рацию оставили в лесу и туда ходили каждый вечер передавать. Ходили каждый день по деревням и по явкам, давали указания и сведения собирали.

«Нужно было пойти в Шелтозеро, познакомиться с комсомолкой одной. Она работала в штабе, надо было дать задание. Вот опасно было — сохранила ли она клятву комсомолу или продажной шкурой стала.

«День был ясный. Офицеры и солдаты ходят по Шелтозеру. Мы и сидели в беседке при штабе. Мне надо пойти было в штаб и познакомиться с той девушкой. Я говорю Ане, если я не приду к такому-то времени, то уходи скорей и действуй одна, а если приду, то значит все хорошо. Я, говорит, иду и боюсь. Ну, что будет, то будет. Зашла. Такая девушка, говорит, и сидит за столом. Поздоровалась. И начала с ней разговаривать; хорошо, что никого не было. Она, говорит, смекнула, кто я. Вздрогнула, покраснела вся. Я говорю: „Не бойся, все будет хорошо“. А она „Вы, может, не доверите“. Мария-то говорит: „Если ты комсомолка еще, то я тебе доверяю“. А девушка заплакала и говорит: „Дорогая ты моя, родная, я ведь и билет еще храню!“.

«Но мы скоро с ней договорились. Она обещала все сделать и паспорта еще достать. Сговорились встретиться на другой день к определенным часам. И когда время истекло, как мы с Аней договорились, я вернулась, и мы пошли домой. Когда мы там освободились, в тот день уже больше никуда не пошли.

«Вдруг мать Анина кричит: „Прячьтесь, девки, ой, прячьтесь скорей, финны идут“. Мы под кровать, там покрывала висят, подзоры, так не видно ничего. А вечером пошли в лес и передавали все в штаб движения. А второй день опять пошли бродить и во многих деревнях побывали. И вернулись все-таки. Много раз наряды свои меняли. (Еще потом они ходили на второй день к той девушке — она все передала — и дали ей задание, что нужно сделать). Пароль придумали — кто скажет, значит от нас. Эта девушка много помогла.

«Время уже истекает, нам нужно явиться на место, где самолеты сядут. Ну и что-то случилось. Сообщили, что девушки переходите сами, самолетов не будет. Опечалились, но делать нечего, переходить надо. Карта была у нас, компас. И стали пробираться. В лесу, говорит, встретили финского солдата. Сидит на пеньке да портянки перематывает. А винтовка нивесь где. Ну были в платяцах и узелочки, он нас оста-

новил, Сейс! Сейс! А мы тягу давать, а документы были под платком на голове. Он нас бросил, но мы думаем — дело опасное, надо осторожнее.

«Ну подошли к реке, к Свири. Вода холодная, если пойти по мосту — финны стоят, где поуже место, тоже костры жгут, надо выбрать, где похуже. (А плавала она дома очень хорошо). Я, говорит, документы хорошенько поправила на голове, на голове шапочка зеленого бархата была. (А плыть надо). Взяли только узелки маленькие, а пищу и рацию всё бросили. Платки сняли, завязали в узелки и плыли в одних трусах. Ступили в воду, поцеловались, попрощались, ну и вместе поплыли рядышком, а недалеко горят костры финские. Вдруг она говорит: «Маня, я не могу больше» — и прощается. Одну руку подняла. Я ей пробовала помочь, да нельзя. А я плачу да плыву. Так жалко, говорит, я еле-еле доплыла, говорит. Переплыла, обернулась и смотрю, нет ли ее. У меня и узелок выпал. Только документы на голове, компас и купальный костюм.

«Что же теперь делать? Одна, места не знаю. Иду, иду, перецарапалась, ягуду ем, тошнит от нее. И плачу, знаю, что от слез ничего нет, а плачу. Спала на дереве и сил нет. Голодная. Уж и не помню, говорит, упала. Около меня говорят по-русски. Расспрашивают. Закутали меня в шинель. По пути спрашивают — я, говорит, ничего говорить не буду, ведите меня в штаб. Ведут. Привели в штаб, я сказала, кто я, майору. Он выругал военных: «Несли бы на руках!». Им уж дано было знать. И сразу меня на лечение, а документы все сдала. А военные, что меня взяли, все ходили ко мне. (Потом вылечили. Отдыхала она в Беломорске).

«Вот тогда и приехала к нам в Ивановскую область. И приехала так просто, так хорошо. Она уже полненькая была, подросла, уже совсем девушка. А на руках, на ногах синяки да царапины от леса все еще были».

В том или ином виде рассказ о переправе через Свирь входит в большинство записанных сказов, причем записи из Пряжинского района, восходящие, повидимому, к рассказу самой Марии Мелентьевой о смерти подруги, подробнее описывают самую переправу; рассказы же, записанные в Рыбреке, естественно, детальнее сообщают об обстоятельствах конспиративного пребывания героинь в доме родителей. Так, например, в сказе, записанном от Анастасии Лисицкой, говорится: «Потом, когда финны были здесь, она сюда приходила. Встретила ее нечаянно. Я работала в Педасельге, пришла в субботу на воскресенье, в понедельник уехала. Воскресенье мы день провели (а лето было все дождливое), легли мы спать часов в 11. Я спала как раз на полу. Слышу, будто кто у дверей стукнул. Думаю: «Не финны ли с проверкой? Еще стукнет, так встану». Посмотрела — никого не вижу. На кухню пришла. Спрашиваю по-своему (т. е. по-вепски, — К. Ч.): «Кто есть?». Она скочила на костер, у нас под окном был маленький. «Настя, говорит, я». Я думала, мне почудилось. Пошла открывать. Поздоровались. Больше ничего не помню, так обрадовалась. Она спрашивает: «Есть ли кого чужих?». Я говорю: «Нет никого. Все свои. Спят».

«Пришли мы в комнату с ней. Я говорю: «Мама, вставай. Аня пришла!». Мама вскочила и в обморок упала, еле ее выходила. Поздоровалась со всеми, она стоит посреди, все поглядывает. Еще спрашивает: «Ходят ли финны часто?». — «Ходят», — говорим. «Можно ли мне еще с подружкой придти?». — «Можно, что же».

¹ Стой! Стой! (финск.).

«А дождь-то лил, как из ведра.

«Она пришла, как и теперь, по картошке — ползком. А подружка была в байны, Маруся. Она пришла оттуда. Привела Марусю и говорит — нам бы одеться и обуться. Невестка одела их обеих. Они оделись, сухие, мама чай согрела, двинули стол среди пола, чтобы разговора не слышно было. Они пьют, а сами расспрашивают: кто здесь, кого нет, все ли живые.

«Стало светать — уже 6 часов. Их наладили мы на чердаке. Устроили им все. Я говорю: «Я уеду, надо снаряжаться». Они стали спрашивать, что в этой Педасельге делается, где окопы, где снаряжение, — все это записывали у меня. Сидели на перине, Аня записывала, а Маруся расспрашивала. Мария говорит: «Ой, Аня, хорошо, сведения хорошие достаем». Я в Вознесенье была, они тоже записывали, где окопы, где орудия. Спрашивали паспорт, но у меня не было с собой, оставила им только пропуск — может пригодиться. Может, я с ними пошла бы, только пришли мы сюда вдвоем с работ — меня бы сразу хватились. А так ушла бы непременно. Особенно записывали про Вознесенье, что я знала, что видела.

«А потом я уехала в 10 часов утра, они остались на чердаке. У нас (мама говорит) неделю только жили. Я больше приехать не смогла. И не рассказывали ничего. «Нельзя, — говорит, — рассказывать. Скажем одно — мы завоюем свою землю, не бывать ей у финнов».

При всем текстуальном различии рассказов, записанных в Пряжинском и Шелтозерском районах, основа их одна и та же. В центре повествования — образы бесстрашных патриотов, отдавших свою жизнь за свободу и независимость Родины, чьи подвиги вдохновляли советских людей на борьбу с оккупантами.

Каждый из рассказчиков находит своеобразные детали для изображения трудности и героичности патриотического подвига славных подруг. Так, например, в одном из них особенно ярко описан момент гибели Ани Лисицкой: «Вода была очень холодная. Поплыли. Доплыли они, кажется, до половины реки. Аня вскрикнула: «Тихонечко, больше не могу плыть!». Ей sudорогой свело все от холода. Она хотела крикнуть, но закусилась свою руку, чтобы не кричать, и так и утонула тут же. Мария хотела ее поймать, но течением ее уже отнесло далеко. Мария переплыла через реку. На берегу реки там горели костры, а около костров сидели финны, часть какая-нибудь стояла. Ей пришлось обратно переплыть через Свирь. Переночевала на том берегу, опустилась ниже по течению Свири. И потом пошла — надо было через фронт переходить. Она осталась в одном купальнике — все с Аней утонуло. У нее остался только наганчик. Дошла до линии фронта, там надо было попластунски ползти четыре километра, что ли, говорила. В конце она так уже истощала, проголодалась, что дальше уже не могла ноги передвигать через деревья, руками ноги поднимала. Поднялась на гору и оттуда сама не помнит, как скатилась вниз. Ее нашел один военный, уж наш. Ее понесли в госпиталь, а она просила, чтобы ее сначала отнесли к подполковнику, сведения надо было отдать. Ну, ее привели к этому подполковнику. Он ее напоил, дал шинель, тело у нее все исцарапано было, в кровоподтеках. Она рассказала там, что надо было, подполковнику. Тогда уже ее отправили в госпиталь».¹

Образы девушек-патриотов любовно рисуются рассказчиками. Они — гордость и слава односельчан. В них воплощаются лучшие черты совет-

¹ Записано от А. В. Мелентьевой.

ских людей, поднявшихся на борьбу с оккупантами, — патриотизм, решимость бороться до конца, готовность отдать жизнь за благо отчизны, гордость за свой народ, чувство ответственности за исход борьбы, сознание морально-политического единства советского народа в великой битве с фашизмом.

Особенно ярко выражены эти идеи в рассказе о героической гибели Марийки. Приводим вариант этого рассказа, записанный от матери героини — Е. А. Мелентьевой.

«Так сегозерские сказали: зашли они в избу, а старуха ушла доказать про них. Они вышли, хозяйка говорит: „Ой, финны идут“. Они выскочили и давай стрелять. Двое парней было и Марийка. Потом они убежали на болото, а финны с собаками были, нашли их там. Маню ударили чем-то, она и упала, а одного убили. Остались двое. А потом принесли — без сознания была Марийка, а второй парень раненый — принесли их в ригач. А потом с ригача взяли на допрос их, как переночевали и в сознание пришли. Губа, говорят, была расколота, вся мокрая, грязная была.

«Привели в избу и тогда воды теплой дали хозяева, вымыли ее. А финны принесли кушать, но они не взяли ничего. Потом хозяева дали молока и шаньги, и она не взяла ничего. „Я, — говорит, — наелась“. — „А чего ты наелась в ригаче, — говорит, — овса?“ (это финны один говорит). — „Я наелась всего, — говорит, — наелась досыта“.

«А потом она не плакала тут. Хозяева спрашивают: „Чья ты, девушка, есть?“ — „С Пряжи“, — говорит.

«Потом на допрос взяли ее.

«А потом еще ночевали второй день, потому что на допросе ни словечка они не сказали. А с товарищем их не пустили на разговор, положили их в разное место.

«Потом на второй день опять стали спрашивать и били их, били кнутом (у них такие палки резиновые). Она отвечала. Они спросили: „Много ли их здесь есть?“ — „Сколько у нас есть, так вам не знать“. — „А военных в России много ли?“ — „Хватит вас встречать. Больше, чем вас!“.

«Взяли этого товарища убили, а теперь сказали: „Если хочешь жить — скажешь: твоя жизнь в твоих руках. А чего плачешь?“ — „Плачу, что не могу убить тебя, немецкую собаку, что мало убила вас до сих пор!“.

«И тут ее убили, да в яму положили. И не стало Марийки нашей. За ригачем там и лежит она.

«А говорят, как ее расстреливать стали, она кричала: „Конец лахтарям, все равно конец всем“!».

Рассказчики стремятся не только изобразить героичность Марийки и Ани, но и объяснить источник их негибимой силы.

Обыкновенные карельские девушки сумели стать сильнее врага, сильнее самой смерти, потому что они были настоящими советскими патриотками, «людьми с чистой совестью», народными мстительницами, которым Родина поручила святое дело борьбы с врагом.

«Трудовые подвиги советских людей в тылу, равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, — говорит тов. Сталин, — имеют своим источником горячий и животворный советский патри-

тизм». ¹ Рассказы о Мелентьевой и Лисицыной являются художественным выражением этой идеи, ставшей в годы войны достоянием всего советского народа.

3

Глубина и сила коллективно творимых и живущих в сознании народа образов героинь, их реалистичность заключается в том, что рассказчицы стремятся не только правдоподобно обрисовать их в момент подвига, но и раскрыть самый процесс формирования героических характеров. В памяти творцов рассказов разыскиваются и собираются все факты довоенной биографии героинь, которые могут послужить объяснению того, как простые советские девушки оказались способными на высокий патриотический подвиг. Каждый стремится внести свою долю воспоминаний, открыть новую черточку, которая сделает знакомые образы героинь еще ярче, выпуклее, красочнее.

Простые советские девушки совершили подвиг. Обладали ли они до войны какими-то особенными качествами, которые помогли им совершить подвиг? На этот вопрос стремятся ответить многие рассказчицы. Одна из подруг М. В. Мелентьевой К. И. Бекренева говорит: «Она была такой комсомолкой, что вполне нужно было ждать от нее подвига. Ведь многие из нашей организации, даже одноклассники пошли в партизаны: Саввоев, Саватьев, Попов и другие». О том же говорит и К. Ф. Зиброва: «От нее можно было ожидать, что она будет таким человеком». З. И. Амосова развивает эту мысль более подробно: «Когда она погибла, мне было ее очень жалко, но я так и думала, что она сделает все, что надо. Она была настойчивой, решительной и смелой. Переплывала озеро, ходила куда угодно в лес, не боялась ничего. Всегда делилась с нами и горем и радостью». Так же оценивают А. М. Лисицыну ее земляки. Например, Н. И. Кабакова рассказала: «Я узнала (о присвоении А. М. Лисицыной звания Героя Советского Союза, — К. Ч.), когда мы сюда приехали из эвакуации в августе 1944 г. Я сразу пошла к матери, она мне все рассказала, и я ей читала книжку, и мы все разговаривали об Ане. Это известие меня не удивило, она с детства была очень подвижной и сообразительной. Вот, думаю, она и здесь себя показала, стала настоящей комсомолкой».

В приведенных цитатах ясно отображены три момента: 1) признание того, что Мелентьева и Лисицына еще в довоенные годы проявляли себя настоящими патриотками и людьми незаурядными; 2) признание того, что они вместе с тем были обыкновенными советскими девушками, как «многие»; 3) сознание того, что героинь воспитала большевистская партия, комсомол, что основное их качество — верность комсомольскому долгу, Родине. Для советских людей «простой» — значит такой, как многие, сделавший «все, что надо», по выражению З. И. Амосовой. Таким образом, в основе реалистического истолкования образов девушек-героинь лежит осознание высоких общественных качеств советских людей, т. е. в приложении к годам Великой Отечественной войны — психология массового героизма. Какими же качествами обладали героини еще в школьные, юношеские годы? ²

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. ОГИЗ — Госполитиздат, М., 1946, стр. 160—161.

² М. В. Мелентьева родилась в 1924 г. и к началу Великой Отечественной войны закончила 9 классов Пряжинской средней школы. А. М. Лисицына родилась в 1922 г. и в 1941 г. окончила курсы культпросветработников в Ленинграде по библиотечному отделению.

Следует отметить, что рассказы о Мелентьевой дают для ответа на этот вопрос более обширный материал по сравнению с рассказами о Лисицыной. Объясняется это, повидимому, тем, что Анна Лисицына последние пять лет перед войной почти не жила на родине в Рыбреке — училась в Шелтозере, потом в Ленинграде. Следовательно, до отъезда из Рыбреки ей было всего 14—15 лет. Мелентьева же до ухода в армию жила в Пряже безвыездно.

Одно из основных качеств, которое подмечают рассказчики в героинях, — сила воли, сочетаемая с сознанием патриотического долга. Приводятся чрезвычайно интересные факты сознательного воспитания воли М. В. Мелентьевой. Так, М. Ф. Иванова рассказывает: «Из детства еще помню. Она говорит мне: „Я, — говорит, — теперь на постели не сплю, а на досках“. „Ты с ума сошла!“. „Нет, я пробую, как Рахметов (в этом... «Что делать?»). Ни мать, ни отец не знали, а мы еще смеялись над ней, а у нее серьезно было. Только кудри летали, как смеется».

Другая рассказчица З. И. Амосова вспоминает о том же несколько иначе: «Закаляла себя — придем, бывало, она спит на вышке на одних досках. „Как, — говорит, — в истории нас учили...“ — один полководец кажется; и она приучила себя».

Такое же стремление выработать в себе силу отличало и А. М. Лисицыну.

Исполнители рассказов с любовью вспоминают все случаи проявления воли, смелости, настойчивости в достижении цели. Иногда эти случаи относятся к детству героинь и должны объяснить развитие их характеров. С этой точки зрения любопытен рассказ З. И. Устиновой о Мелентьевой: «Помню случай, ходили мы за ягодами, за черникой, за три километра за озеро, ей было лет одиннадцать, а я еще младше. И мы набрали товарищей четыре-пять человек и поехали на лодке. Так мы бродили целый день и к вечеру, когда нам надо было возвращаться домой, мы случайно наткнулись на пустой шалаш рыбаков. Потом мы отдохнули, она говорит: „Девочки, — говорит, — давайте когда-нибудь придемте сюда на ночь в шалаш, интересно, что тут будет ночью?“. Другие сначала не соглашались: комары, да то, да другое — тяжело ночью здесь. Она ответила: „В том-то и интересно, что тяжело, я бы и не звала. Разведем костер, будем рыбачить“. И как-то ночью мы трое собрались, такие маленькие, предупредив родителей, что мы задержимся. Мы с другой девочкой стали недовольны на Манию — спать хотелось. А она все бегала за дровами, удила, варила, угощала нас. И почему-то хоть мы были там ночью, мы и не увидели трудности, хотя устали, а она возвращалась бодрая и очень довольная. И говорит: „Теперь-то мы настоящие пионеры, можем быть в лесу и по ночам“ — с таким веселым видом». Е. Е. Шанава вспоминает о том, с какой смелостью маленькая Марийка ловила змей, А. В. Мелентьева — о том, как дядя думал их в детстве напугать, когда они с сестрой остались одни, и т. д.

Подобные же факты вспоминают и рассказывающие о А. М. Лисицыной (запись от Н. И. Кабаковой):

«Один раз ездили на лошади за ягодами, за брусникой. Ездили со взрослыми; они нас оставили поближе, а сами пошли в лес дальше. На всякий случай оставили нам спички. Вдруг захрустело, затрещало. Кто-то из девчат кричит: „Медведь, наверно!“, и все заплакали, а она побежала к куче хвороста и подпалаила. „На огонь, — говорит, — он не пойдет“. И еще, говорит: „Нужно пищать, кричать“. И мы все прыгали около огня и кричали». Та же Н. И. Кабакова рассказывает о другом

случае: «На лодке один раз мы тонули — ребята завезли нас далеко и кинули с лодки во всей одежде. Отплыли и начали тонуть, но на берег выбрались и потом смеялись. А потом все равно на лодке катались, только ребят не брали, чтобы баловства не вышло».

Наряду со смелостью постоянно подчеркивается настойчивость и упорство в достижении цели, которые толкуются тоже как проявление воли. В рассказах — воспоминаниях близких — постоянно встречаются эпизоды, которые рисуют настойчивость Марийки и Ани в учебе, в выполнении общественных поручений, в быту, и т. д. В этом смысле выразителен рассказ З. И. Устиновой о Мелентьевой, относящийся ко времени войны с белофиннами в 1939/40 г.

«И мы часто ходили на лыжах с ней на Горку любви. И где самая трудная гора, тут и она. Упадет сколько раз, но не уйдет, пока не прокатится хорошенько, без того, чтобы упасть. Даже там, где мальчишки не могли. И в конце концов мы добились с ней — стали кататься на одной лыже. „Вот, — говорит, — белофинны умеют кататься на лыжах и мы теперь умеем». Отец Марийки В. А. Мелентьев вспоминает о другом случае: «Ее тогда назначили на Беломорский канал (экскурсия — премия за учебу, — К. Ч.), а у нее нога нарывала. Я говорю: „Куда ты едешь?“. — „Все равно, — говорит, — поеду“. Так и пошла, сапоги в руках понесла. Это в пятом классе было. А в шестом классе тифом болела. В Святозере тогда училась. Два месяца в школу не ходила и все равно перешла».

В свете подобных рассказов не случайной кажется и запись в дневнике Мелентьевой: «Где горе слышится, где трудно дышится — будь первым там».¹

Постоянное внимание рассказчиков привлекают также все доступные им факты, говорящие об исполнительности девушек-героинь в довоенные годы. Исполнительность воспринимается при этом как чувство долга, осознание общественных обязанностей, ответственности за все происходящее (см. рассказы М. Ф. Ивановой, К. П. Велеславовой, В. Е. Андреевой, Р. Э. Кальске — о Мелентьевой и К. М. Левоевой, М. И. Лисицыной, Е. И. Исполотовой, А. М. Лисицыной — о Лисицыной).

Особенно знаменательно подчеркнутое чувство ответственности за все происходящее в стране, в школе, в колхозе, в семье, — чувство, присущее только людям страны социализма, осознающим каждое дело как общее, а общее как свое личное. («Она такая нервная была, если что плохо — все нервничает, все нервничает, чтобы все у нее хорошо было и дома, и в школе, и в колхозе» — Л. М. Левоева о Лисицыной).

Одной из характернейших черт Мелентьевой и Лисицыной, по устным рассказам, следует признать страстное увлечение физкультурой и военным делом. Мелентьева славилась как лучший в Пряже пловец (об этом особенно вспоминается в связи с рассказом о переправе через Свирь), отец ее с гордостью показывает грамоту, полученную ею за завоеванное классное место на республиканских лыжных соревнованиях, товарищи ее по школьным годам вспоминают о совместном участии в военных играх (см. рассказ А. И. Колодина и др.). А. М. Лисицына неоднократно получала премии за отличную стрельбу, с увлечением каталась на лыжах, на велосипеде, и т. д.

Обе девушки в школьные годы отличались большой общественной активностью и вместе с тем были образцом скромности и выдержанности.

¹ См. газ. «Ленинское знамя», 2 октября 1943 г., № 202 (6821).

Наш параллельный рассказ о подругах не должен свидетельствовать об отсутствии индивидуальных черт в облике каждой из них. Такое изложение материала оказалось возможным потому, что отмеченные качества характеров героинь воспринимались рассказчиками как типичные для лучших представителей советской молодежи.

Вместе с тем образы героинь конкретны и индивидуализированы, как всякие реалистические образы. Мелентьева рисуется чрезвычайно живой, веселой (недаром ее прозвища в детстве были «колокольчик», «пулемет», «pikki Maikki»), энергичной («атаман Средней Пряжи»), никогда не унывающей и неутомимой. Лисицына — очень спокойная, задумчивая, несколько сторонящаяся веселья, углубленная в книги, недаром ее специальность — библиотечный работник.

В облике Мелентьевой очень важна черта, отмеченная выше («атаман Средней Пряжи»). Действительно, она была постоянным организатором пряжинской молодежи. По ее инициативе пряжинские пионеры помогают друг другу в учебе, шефствуют над колхозными телятами и жеребятами, она собирает девушек и уговаривает их, «пока матери на работе, по избам пол перемыть». Или по рассказу З. И. Устиновой: «Уже после войны с белофиннами она нас собирала всех вместе — пойдемте грабить (сгрести, — К. Ч.) сено в колхоз, пойдемте картошку копать. Иногда приходим, когда такой работы нет, — обед помогаем варить. Она такая была — заключает З. И. Устинова, — и не догадаешься, что надо сделать, а у нее уже в голове, и натолкнула и к месту как раз выйдет».

Для Мелентьевой особенно характерны порыв в будущее — мечта об авиационном техникуме, о море, о широкой и светлой жизни, уверенность в своих силах.

Высокие общественные качества обеих девушек особенно ярко проявлялись в дни войны. Патриотизм, вера в победу — основа всех их поступков с первых дней войны.

Замечателен эпизод, рассказанный Е. Е. Шанава о Мелентьевой: «Но тут опять война. Она уже работала в конторе связи. Пришла ко мне вечером домой: „Ну, как будем жить?“. — „Не знаю — говорю, — но я здесь остаться больше не могу. Пойдем!“ — „Пойдем!“ — И мы вместе пошли в военкомат, хотя слова этого и не сказали. У нее оказывается заявление уже было в кармане и у меня тоже в кармане». Не менее ярко рассказывается о том, как начинала войну Аня Лисицына: «Когда война началась, она в Сегеже была, после учебы ее туда направили работать. Пробыла там всего один месяц. Приехала на три дня домой. „Мама, — говорит, — больше нельзя, надо идти!“ — „Куда ты пойдешь, — скажу, — доченька?“ — „На фронт, мама!“ — „Ой, Аня, убьют тебя!“ — А лучше меня убьют, чем мужика какого хорошего, от него детишки останутся, а я что — одна. Итти надо, мама, надо. Родину защищать — от такого дела прятаться нельзя» (запись от М. И. Лисицыной).

В первые же дни войны вражеские самолеты бомбили Пряжу. Бомбежка произвела тяжелое впечатление на юную патриотку. С тех пор до дня героической гибели чувство священной мести стало для Марийки основным.

«Одно утро прилетел аэроплан. Кого-то ранило во время бомбежки. Ранили одного ребенка. А Марийка взяла этого ребенка на руки и говорит: „Я за тебя отомщу врагу!“» (запись от В. А. Мелентьева).

Фронт все ближе и ближе. В Пряже организуется госпиталь. Мария Мелентьева записывается в народное ополчение, организует сбор буты-

лок для горючей смеси, топоров и лопат для оборонных работ, организует пряжинских девушек-дружинниц в помощь госпиталю. В эти дни — она образец для всех. Так например, она просит перевести ее в палату тяжело раненных. З. И. Устинова рассказала: «Ей досталась палата легко раненных, человек 20 в палате всего лежало, а мне досталась палата тяжело раненных женщин. В первую же ночь нашего дежурства она несколько раз прибегала помогать мне. Впоследствии ей удалось добиться перевода в палату комсостава после операции.¹ Она считала, что в палате легко раненных все могут сами ходить, брать себе пить, читать, и это не составляет такого удовольствия, как помогать людям, которые не могут двигаться. . . Работая в палате тяжело раненных, она привыкала делать сама перевязки, если где требуется, и приучала к этому меня. Говорила, что за каждой ерундой врача нечего беспокоить, а нам надо привыкать».

В другом рассказе З. И. Устиновой подчеркивается сила воли Марийки, ее патриотизм: «Потом помнится мне: однажды была бомбежка в Пряже, война еще была в самом начале. Среди раненых было некоторое волнение. Я испугалась, побежала к ней, и, к моему удивлению, она спокойно сидела и читала книгу какому-то раненому. Она вышла ко мне в коридор и говорит: „Зачем ты создаешь панику сама? Надо вести себя спокойно, они и так больны, надо успокаивать их“. С тех пор я стала думать, какая же сила воли у ней: идет бомбежка, а она спокойно читает книгу. Потом, когда шли сильные бои и было большое поступление раненых, тогда она была такая строгая, даже ни с кем не разговаривала. Мучилась она — ругала немцев, белофиннов, говорила: „Им не жалко человеческой жизни, попасть бы мне туда, я бы показала им!“ — Я говорю ей: „Где нам с тобой!“ — А она говорит: „А что ты думаешь, не сможем? а помнишь, как мы на лыжах добивались?“ — Очень она интересовалась, как на фронтах дело идет — расспрашивала у раненых, как там, что».

По заданию командования Мелентьева организует медпункт в Кунгозере. Вскоре пришлось оставить Кунгозеро. Марийка отступала вместе с боевыми частями Действующей армии. К этому времени относится замечательный документ, который Е. Е. Шанава воспроизводит в своем рассказе на память:

«Из Кунгозера она мне писала, но письма теперь все пропали. Писала, что работаю очень много, приходится со всем мириться, не спать. Передовая совсем близко, но я привыкла и мне теперь уже не страшно — ни бомбежка, ни перестрелки.

«Последнее письмо писала, что я в пути. Итти очень тяжело, не в том тяжело, что я устаю, а тяжело покидать родные места. Но мы обязательно вернемся. Помнишь, как в детстве дружили? — Разве не жаль детей, которые сейчас идут со мною рядом? Я отдала бы все — лишь бы спасти им жизнь! И это мне не тяжело.

«Вот полетели самолеты, столько раненых, не знаешь, с кого начать, кого перевязывать. Зачем у меня так мало рук! Она пишет, что иногда при таких бомбежках прикрываю собою раненых, но много ли прикроешь, и кричу: „Что вы делаете, звери белофинские, над мирным населением, бойтесь нашей мести!“».

«Письмо было большое, на четырех страницах».

Дальнейший путь Мелентьевой и Лисицыной известен по очерку

¹ Пряжинская средняя школа, второй этаж, первая классная комната налево, июль—август 1941 г.

Г. Фиша: спецшкола в Беломорске, где встретились и стали подругами героини, затем партизанская деятельность. Второе задание Марийка получила вместе с Аней — это известное уже нам шелтозерское задание. После гибели подруги и героической переправы через Свирь Мелентьева лежала в госпитале в Беломорске. К этому времени относятся ее письма Саватеевой, встреча в Сегеже с Е. Е. Шанава (см. выше рассказ последней). После выздоровления — посещение родных в Ивановской области, поход в тыл врага в оккупированный Сегозерский район и героическая гибель.

Итак, образы героинь, живущие в сознании народа, глубоко реалистичны, они показывают силу и источник патриотического подвига: рассказчики рисуют историю сложения характеров героинь, раскрывают качества их характера как типичные для советской молодежи сталинской эпохи. В то же время типичное рисуется в конкретных и индивидуальных проявлениях. Мелентьева и Лисицына изображаются как выдающиеся, но в то же время типичные представители массового героизма советского народа в дни Великой Отечественной войны. Следовательно, в основе устных рассказов лежит метод раскрытия общего (типичного) в конкретном (индивидуальном). Поэтичность этих рассказов состоит не в их фантастичности (как, например, рассказов о Ковпаке, Заслонове, Доваторе и т. д.), а в отборе «сильных фактов», в объяснении конкретного подвига как типичного.

Следует коснуться еще одного важного качества художественного метода устных рассказов о Мелентьевой и Лисицыной.

Рассказчики не только демонстрируют процесс становления героических характеров подруг-патриоток, но и любовно подчеркивают историческую преемственность патриотической традиции советского народа, выразительницами которой были Мелентьева и Лисицына. Уже говорилось о том, что большое влияние на формирование характера Мелентьевой оказал образ Рахметова из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Нельзя также считать случайным упоминание о Николае Островском в рассказе К. П. Велеславовой. Общеизвестно огромное воздействие книг Н. Островского на поколение молодежи 30—40-х годов. Н. Островский был образцом патриотизма для Олега Кошевого, Зои Космодемьянской, Чайки, Матросова и сотни других героев Великой Отечественной войны. На последнем предвоенном пионерском костре Марийка вдохновенно рассказывала пионерам о Николае Островском («И так интересно рассказывала, что ребята кричали: „Марийка, расскажи еще!“»).

Интересный материал дает цитированный уже рассказ Н. И. Кабаковой об Анне Лисицыной. Из него мы узнаем, что любимыми героями Лисицыной были Тойво Антикайнен и Чапаев, любимыми книгами — «Падение Кимас-озера» и «Мы вернемся, Суоми» Г. Фиша, любимыми кинофильмами — фильмы об Антикайнене и Чапаеве.

«Очень нравилось нам, — рассказывает Н. И. Кабакова, — про Антикайнена и книгу читали и кино смотрели. Вот она говорила: „Смотри, как дедушка про табак придумал в глаза бросить. Надо, — говорит, — запоминать такие случаи, когда чем защищаться, вдруг пригодится...“.

«А когда читали книжки о финской войне, там про партизан было, она говорила: „Будем ли мы такими, ведь так трудно сделать такое, хватит ли ума и силы“».

Вместе с тем, чрезвычайно характерно, что рассказчики подчеркивают, что подвиги Мелентьевой и Лисицыной в свою очередь вдохновляли

и вдохновляют советских людей на ратные и трудовые подвиги. И. Е. Капитонов рассказывает: «О ней (о Марии Мелентьевой, — К. Ч.) мы узнали из Указа Президиума Верховного Совета СССР в 1943 г., в связи с ней — Лисицына и Варламов. Этот Указ обсуждался у нас и поднял настроение. Очень многие курсанты, особенно земляки, пряжинские ребята, просили отправить их скорей на задание, отомстить за Марийку».

А. В. Мелентьева рассказывает о двоюродном брате героини: «Брат узнал тоже по газетам, что Мария погибла, он до этого все время был в тылу, при штабе был связистом. После смерти Марии написал, что тоже будет проситься на фронт, чтобы отомстить за нее. Несколько писем от него получали, а потом он погиб. Он вступил в члены партии и был награжден медалью».

О подобных же фактах сообщает Е. Е. Шанава. «Отомстим!» — так начиналось коллективное письмо бойцов Н-ской части, в которой служила подруга М. Мелентьевой Аня Власова, опубликованное 1 октября 1943 г. в газ. «Ленинское знамя»; эта же мысль владеет и автором другого письма, напечатанного в том же номере газеты, — лейтенантом Г. Арбузовым.

В газетах 1943—1944 гг. можно найти также много фактов, рисующих картину трудового подъема среди молодежи республики после опубликования Указа от 25 сентября 1943 г. Так, например, сегежские комсомольцы взяли на себя обязательство досрочно выполнить годовой план в честь Героев Советского Союза Марии Мелентьевой и Анны Лисицыной,¹ на одном из заводов возник поточный участок им. Марии Мелентьевой.²

В 1945 г. имя Марии Мелентьевой было присвоено Пряжинской средней школе и имя Анны Лисицыной — Житноручейскому колхозу Рыборецкого с/с, Шелтозерского р-на. Имя героинь носит детский дом в Соломенном. Онежское озеро бороздят тральщики «Мария Мелентьева» и «Анна Лисицына». Образы героинь вошли в сознание карело-финского народа, их имена долго будут символом высокого советского патриотизма.

4

Чрезвычайно интересна история возникновения и распространения рассказов о героинях. Само собой разумеется, что восстановить все детали бытования невозможно. Однако даже те обрывочные сведения, которыми мы располагаем, дают некоторое представление о массовом характере распространения рассказов. Этот факт является замечательным выражением действительной народности партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, свидетельством горячей любви нашего народа к девушкам-патриоткам, высокой всенародной оценки их замечательного подвига.

Возникновение многих из записанных рассказов несомненно относится к годам Великой Отечественной войны. Одним из ранних рассказчиков, очевидно, была сама М. В. Мелентьева. После героического выполнения боевого задания в Шелтозерском районе она получила месячный отпуск, во время которого посетила своих родных, находившихся в эвакуации в Ивановской области (1942 г.). Здесь, по имеющимся све-

¹ См. газ. «Ленинск. знамя», 2 октября 1943 г., № 202 (6821).

² Ю. Андропов. Карело-финские комсомольцы в Отечественной войне, Петро-заводск, 1943, стр. 26.

дениям, М. В. Мелентьева несколько раз рассказывала о пережитом, конечно, соблюдая при этом военную тайну. Поэтому в ее рассказе не назывались ни имена, ни районы действия. Эти рассказы были восприняты родными и близкими (отец, мать, сестра, двоюродная сестра, подруга и др.) и подвергались в дальнейшем некоторым изменениям и уточнениям. Так, например, позже стал известен из газетных источников район действий (Шелтозерский) и река, в которой погибла А. М. Лисицына (Свирь). Вместе с тем собственный рассказ Мелентьевой о выполнении шелтозерского задания был превращен в один из центральных эпизодов более широких рассказов о ней, включавших, с одной стороны, воспоминания о ее детских и школьных годах и, с другой, — эпизоды ее боевой биографии, относящиеся к более позднему времени. Рассказы М. В. Мелентьевой каждый из воспринявших их передает по-своему. Некоторые рассказчики стремятся к полной и детальной передаче слышанного.

Так, например, М. Ф. Иванова, рассказав об обстоятельствах приезда Мелентьевой в с. Решму, где жили ее родные, говорит: «Я позвала ее к себе, вместе спали. Она всю ночь рассказывала, как в Шелтозеро ходила. С Аней Лисицыной их на самолете отправили через фронт. И, говорит, когда мы пришли туда...», и т. д.; дальше следует передача рассказа М. В. Мелентьевой в форме прямой речи, которая иногда сопровождается объяснительными замечаниями. Например: «Вода холодная, если пойти по мосту — финны стоят, где поуже место, тоже костры жгут, надо выбрать, где поуже (а плавала она дома очень хорошо). Я, говорит, документы хорошенько поправила, на голове шапочка зеленого бархата была (а плыть надо)» и т. д.

Другие передают слышанное в виде своего рассказа о событиях (В. А. Мелентьев, А. В. Мелентьева и др.) или пользуются и прямой и косвенной речью (Е. Е. Шанава и др.). А. В. Мелентьева связывает рассказ о подвиге героинь с воспоминанием о последней встрече с сестрой — М. В. Мелентьевой. Тот же композиционный принцип лег и в основу рассказа Е. Е. Шанава, встречавшейся с подружкой-героиней в Сегеже после ее возвращения из Шелтозерского района. Чрезвычайно характерно, что все, передающие рассказы о М. В. Мелентьевой не от ее имени, особенно выделяют эпизод, рисующий героическую переправу через Свирь, либо другие, не менее острые эпизоды, выпуская как правило почти все с их точки зрения обычное, бытовое. Следовательно, можно констатировать стремление к определенному художественному отбору, к разработке наиболее типичных фактов, способных с наибольшей полнотой выразить основную патриотическую идею рассказа, ярче обрисовать облик героинь.

Возникновение большой группы рассказов следует отнести к следующему, 1943 году.

В 1943 г. во время выполнения третьего задания героической смертью погибла Мария Мелентьева. Источником рассказа об обстоятельствах героической гибели явились жители д. Топорная гора Сегозерского района, бывшие очевидцами пленения, допроса и смерти героини. Рассказ этот получил большое распространение в Сегозерском районе и содействовал усилению сопротивления оккупантам и укреплению морального духа советских людей, временно оказавшихся под властью белофиннов. Больше того, рассказ о героической гибели верной дочери карело-финского народа дошел до частей Советской Армии и стал известен в советском тылу. Один из боевых соратников Марии Мелентьевой,

Иван Н., разузнав о трагической судьбе товарищей, перешел через линию фронта и явился первым вестником происшедшего. Его рассказ о гибели Мелентьевой лег в основу указанного выше очерка Г. Фиша и продолжил свою жизнь на страницах газет, журналов и отдельных изданий.¹

В свою очередь рассказ жителей Топорной горы после освобождения Сегозерского района распространился в ряде районов республики. Так, например, в Пряжинском районе его рассказывают мать Марии Мелентьевой — Е. А. Мелентьева (цитировался выше) — и А. М. Исакова, во время войны жившая в Топорной горе, а после войны переехавшая в пос. Матросы Пряжинского района.

1943 год вообще был годом чрезвычайно интенсивной жизни устных рассказов о М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицыной.

25 сентября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицыной было присвоено звание Героев Советского Союза. Опубликование этого Указа в печати, появление в связи с этим ряда статей и заметок о героинях, читки этих статей и обсуждение Указа в воинских частях, партизанских отрядах, на комсомольских и общих собраниях предприятий и учреждений республики всколыхнули целую волну устных рассказов о героинях. Источниками этих рассказов явились, с одной стороны, воспоминания боевых соратников, родных, близких и знакомых, с другой стороны, очерки и статьи, появившиеся в газетах и журналах (особенно очерк Г. Фиша «Бессмертие»²).

Многие, лично знавшие героинь, выступали в эти дни с воспоминаниями о них на общих и молодежных собраниях и пионерских сборах. Одно из таких выступлений было записано и опубликовано на страницах республиканской газеты «Ленинское знамя»:

«После работы в небольшой комнате Кемского райисполкома собрались девушки. Мы собрались, — сказала секретарь комсомольской организации Сонина, — для того, чтобы коллективно прочитать напечатанный в газете «Ленинское знамя» очерк «Бессмертие». В нем рассказывается о подвигах наших, о девушках, которые жили и учились рядом с нами, о девушках, бессмертные дела которых навсегда останутся в нашей памяти. Наша Пяня Саватьева очень давно знает Марию Мелентьеву, она училась с ней в одном классе и многое сможет рассказать нам о ее жизни».

«„Это была моя самая лучшая, самая любимая подруга, — волнуясь, начала говорить Пяня, и слезы блеснули в ее глазах. — Да и не только я, все в классе любили ее. Она была всегда веселой, ласковой. Очень часто и подолгу мы разговаривали с ней о жизни, о любимых наших книгах. Марийка читала очень много и внимательно, понравившиеся ей мысли выписывала в специальную тетрадь. Я помню такие записи в ее дневнике: «Где горе слышится, где трудно дышится — будь первым там». Или, например: «Лучше нахмурить бровь, чем показать слезу» и другие».

После рассказа о «Марийке» П. Саватьева показывала девушкам ее фотокарточки. На этом же собрании было решено написать коллектив-

¹ Г. Фиш в своем очерке пишет: «Ваня дошел до отряда и выполнил то, что было поручено. От него мы узнали, как умерла Марийка. Ему рассказали об этом жители деревни, которые похоронили девушку и ее погибших товарищей. Рассказ этот был подтвержден показаниями взятого в плен финского солдата, который присутствовал при последнем допросе и был свидетелем последних минут жизни Марии Мелентьевой (Г. Фиш. Подруги. Госиздат К-ФССР, 1943, стр. 51).

² Газ. «Ленинск. знамя», 1943, № 192, 194—196.

ное письмо матери Марии Мелентьевой — Евдокии Андреевны Мелентьевой. Замечателен патриотический дух этого письма. Девушки клянутся дорогим именем героини быть до конца дней своих преданными родной Отчизне. В том же письме говорится: «Многие из наших комсомолок очень часто выезжают в служебные командировки в отдельные колхозы района. При выездах все наши комсомольцы будут рассказывать молодежи, всем колхозникам о замечательных делах Марийки и ее подруги Ани Лисицыной».¹

Цитированная статья интересна, таким образом, не только как одна из первых фиксаций устных рассказов о героинях, но и, с одной стороны, как документальное свидетельство о путях их распространения и, с другой, — как свидетельство того, что уже в годы войны устные рассказы теснейшим образом переплелись с возникшим на их основе очерком Г. Фиша. Несомненно, что рассказы кемских комсомольцев основывались именно на этих двух источниках.

Рассказы о героинях бытовали в эту пору и за пределами республики. В Ивановской области рассказывали о них родители Мелентьевой, ее сестра Александра (в школе), М. Ф. Иванова (в детском доме, в котором она работала воспитательницей), М. Ф. Карютина и др., в Кемерово — К. П. Велеславова и др.

Следующим этапом развития рассказов о героинях был 1944 год — год освобождения Пряжинского и Шелтозерского районов и возвращения эвакуированного населения. Проходившие воинские части, возвратившиеся из эвакуации — все интересовались героинями. Об этом свидетельствуют многие из записанных нами рассказов.

В цитированном уже рассказе Р. П. Бондаревой говорится: «Первые военные наши пришли. Спрашивали: „Это село Пряжа? Где жила Марийка Мелентьева?“. Стали мы спрашивать — что же так интересуются Марией? „А она, — говорят, совершила много подвигов“» и т. д.

О том же вспоминают и жители Рыбреки. «А про Аню мы узнали от Вани (И. Е. Капитонов из Пряжи), когда нас освободили. А потом пришел военный: „Твоя, — говорит, — дочка Анна Лисицына?“. — „Моя!“ — „Она Герой, бабушка! Знаешь ли ты?“. — „Нет, не знала пока“. — „Большое тебе спасибо, бабушка, что воспитала такую дочку“. О том же рассказывает Л. М. Левоева: «Пришли военные. „Есть ли у тебя сестра?“. — „Есть“. — „А мать и отец где?“. — „В лагере за Аню посажены“. — „А вашу Аню мы знаем. Она у нас Герой Советского Союза“. — „А где она?“. — „Да погибла она!“. Мы — давай плакать. „Ну, будете плакать, мы вам ничего не расскажем“. Ну потом рассказали, как и что было».

Об активной жизни рассказов в эту пору свидетельствуют также К. Ф. Бекренева, В. Е. Андреева (Пряжа), З. М. Зайцева, Т. Д. Мирнова, Н. И. Кабакова (Рыбрека) и др.

Дальнейшее развитие и распространение рассказов, очевидно, связано с такими моментами, как возвращение на родину родителей Мелентьевой и Лисицыной, первых — из эвакуации, вторых — из финского концлагеря, присвоение имени М. В. Мелентьевой Пряжинской средней школе² и А. М. Лисицыной — Житноручейскому колхозу Рыборецкого с/с, митинги по поводу установления мемориальных досок на домах, в которых родились и жили героини, распространение плаката

¹ Газ. «Ленинск. знамя», 1 октября 1943 г., № 201 (6820), стр. 2.

² См. Указ Президиума Верховного Совета К-ФССР, от 2 марта 1945 г.

о героинях в дни юбилея республики в 1948 г., публикация очерков, статей и отдельных изданий и т. д.

Особенно следует отметить выступления родных и знакомых героинь на специальных вечерах воспоминаний. Так, например, много раз с воспоминаниями о дочери выступал Владимир Аверьянович Мелентьев. Одно из таких выступлений состоялось в годовщину празднования дня Советской Армии в 1950 г. 22 февраля на пионерском сборе в Пряжинской школе им. М. В. Мелентьевой. Владимир Аверьянович поделился воспоминаниями о детстве, школьных годах и подвигах дочери — Героя Советского Союза. 23 февраля делегация лучших пионеров посетила квартиру Мелентьевых и вручила Владимиру Аверьяновичу коллективный подарок — именной портсигар. Отец героини снова рассказывал о ней, отвечал на вопросы пионеров и показал им имеющиеся у него ее фотокарточки и документы.

Любопытен случай выступления с рассказом сестры Марии Мелентьевой — А. В. Мелентьевой — на пионерском сборе Всесоюзного пионерского лагеря в Артеке. «Я... была тогда в Крыму — в ЦК ВЛКСМ дали путевку. Я в Крыму в Артеке у себя в отряде выступала с воспоминаниями о ней — узнали, что я сестра героини».

5

Одной из особенностей современного народного рассказа является теснейшая связь с другими формами поэтической деятельности советского народа. Мы уже говорили о том, что очерк Г. Фиша возник на основе устных рассказов. Сравнительное изучение известных нам записей и очерка убеждает в том, что последний является по существу композицией, составившейся из ряда обработанных устных рассказов (о бомбежке в Пряже, о переправе, Даши Лудковой — о прощании с М. Мелентьевой и Ивана Н. — о ее героической смерти).

Кроме того, следует еще раз подчеркнуть, что очерк Г. Фиша, опубликованный в годы войны в ряде газет (центральных, республиканских и фронтовых) и выпущенный несколько раз отдельными изданиями, неоднократно популяризованный по радио, сыграл крупную роль не только в коллективном создании образов героинь, живущих в сознании советских людей, но и в судьбе отдельных устных рассказов, помог рассказчикам правильно отобрать детали и отыскать правдивые психологические мотивировки, следовательно, — найти наиболее яркое художественное выражение основной патриотической идеи. Именно поэтому очерк Г. Фиша и пользовался заслуженной популярностью. Устные рассказы о Мелентьевой и Лисицыной и очерк Г. Фиша, представляющий собой литературно обработанный вариант этих рассказов, явились основой дальнейшего профессионального и самодеятельного творчества, почвой, на которой возникали и продолжают возникать поэтические произведения о подругах-героинях. Еще в годы войны на страницах фронтовой печати появилось два стихотворения армейских поэтов о Марийке и Ане — Георгия Мокина и Ивана Бойкова.¹ Стихотворения эти различны по стилю и по уровню художественного мастерства, как различны были, повидимому, их авторы. Однако эти два произведения объединяет одна идея, которая пронизывает и устные рассказы, — восхищение

¹ Г. Мокин. Песня о пограничниках. Газ. «В бой за Родину», 6 октября 1943 г., № 242; И. Бойков. Героини былины лесной. Там же, 19 октября 1943 г., № 253.

героическим подвигом, гордость за славных дочерей карело-финского народа.

Георгий Моккин пишет:

Ничто комсомолок не сломит,
 Душа партизанок тверда.
 Такие под пыткой не стонут,
 Приказ выполняют всегда.
 И если двух юных не стало,
 Другие зажглися борьбой.
 Пусть выйдут вперед запевалы
 И кантеле тронут рукой.

Иными словами раскрывает ту же идею Иван Бойков:

Не покоя, а с недругом боя
 Ищет всюду заступница-месть.
 Непокорные умерли стоя,
 Как велит комсомольская честь.
 Сыплет хвою сосна на могилу,
 Тихо бьется о берег вода...
 Не сломить нашей юности силу
 Никому, ни за что, никогда.

Подвиг героинь вселяет в солдатские сердца, в сердца всех советских людей уверенность в победе, стремление отомстить врагу за смерть девушек. Оба стихотворения заканчиваются именно этой мыслью:

Мы мстительниц помним удалых,
 Врагу мы оплатим огнем.
 Пусть выйдут вперед запевалы,
 Мы мужеству песню поем.

(Моккин).

Скоро будет свободно Пряжа,
 Шелтозерье изгонит врага,
 И лесную былинку расскажет
 Опаленная битвой тайга.

(Бойков).

Авторов объединяет также сознание того, что подвиг подруг должен быть воспет песней, которая станет достоянием всего народа. По всей вероятности, оба стихотворца стремились именно к созданию такой песни. Об этом говорит и название стихотворения Георгия Моккина — «Песня о героинях» и начальные строки стихотворения Бойкова:

Запевают озерные дали,
 И звенит эта песня листвою...

Эта же идея выражена и стилистически — оба стихотворения написаны напевным ритмом, легко укладывающимся в знакомые мелодии. К сожалению, нам не известна дальнейшая судьба этих стихотворений, хотя вполне вероятно их исполнение в качестве песен в частях Карельского фронта в годы Великой Отечественной войны.

Характерно, что той же установкой на напевность отличается и стихотворение профессионального русского поэта К-ФССР Б. Шмидта

«Боевые подруги», опубликованное в газ. «Молодой большевик» в 1947 г.¹

Берите оружие в руки!
 Наш край полонили враги!
 Идут партизанки-подруги,
 Под ветром шумят тростники.

Свирь-матушка, стихии немного,
 Подругам доплыть помоги.
 За ними погоня, тревога,
 По берегу рыщут враги.

Заключительная строфа выявляет этот замысел окончательно:

В былинах и в песнях народных
 Мы славим героев своих,
 Сердец их порыв благородных,
 Бессмертные подвиги их.

Стихотворение «Боевые подруги» было, очевидно, задумано Б. А. Шмидтом как песня-баллада. Поэтому естественно, что текст его лег в основу не массовой песни, а симфонической поэмы-оратории заслуженного деятеля искусств К-ФССР Р. С. Пергамента — «Поэмы о девушках-партизанках», одного из лучших послевоенных произведений композиторов К-ФССР.

Из произведений профессиональных поэтов следует назвать еще стихотворение Т. Гуттари «Героиням», написанное в 1943 г. на финском языке. Образы славных подруг поэт раскрывает как обобщенные образы типичных представительниц героя-народа, народа-победителя. Он рассказывает, как они

Погибали, оставаясь песней;
 Как душа сурового народа
 Расцвела отавою чудесной.²

Гуттари предсказывает, что память о героинях долго будет жить в сердцах советских людей, подвиг их будет образцом патриотического подвига, долго еще не умолкнут рассказы о них и они будут играть важную роль в формировании сознания молодого поколения:

Подвиг твой, Мелентьева Мария,
 Долго, долго будет жить на свете.
 О тебе в часы вечеровые
 Мать карельская расскажет детям.
 И еще расскажет, как в туманы,
 В ледяную реку, в ночь, в ненастье,
 Ты ушла навеки, наша Анна,
 Чтоб найти народу солнце счастья.

Будет день — детишки спросят деда,
 И расскажет он внучатам милым,
 Как досталась Родине победа,
 Что дорогу к счастью проложила.

Стихотворение Т. Гуттари также нашло свое музыкальное воплощение. В 1950 г. заслуженный деятель искусств К-ФССР Р. С. Пергамент написал романс на слова русского перевода этого стихотворения.³

¹ 27 марта, № 27 (2119). См. также «На рубеже», 1950, № 2, стр. 4—5.

² Перевод А. Шпирта, см. в кн.: Тобияс Гуттари. Моя страна. Сов. писатель, М., 1950, стр. 95—96.

³ По имеющимся сведениям, над пьесой о М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицкой работает в настоящее время писатель А. А. Иванов.

Профессиональные поэты и композиторы республики при всех достоинствах созданных ими произведений не удовлетворили потребности в массовой песне о подругах-героинях. Такая песня была создана самостоятельно. Замечательно, что возникла эта песня на родине Мелентьевой в с. Пряжа. Создал ее хор Пряжинского дома культуры (руководитель И. Е. Капитонов). Песня эта развивает и поэтически оформляет идеи устных рассказов, бытующих в Пряже. В центре — образ Марийки — девушки-героини, которой гордятся земляки. Они горды тем, что в их селе стоит «дом, в котором Марийка жила», тем, что помнят ее школьные годы. Основная мысль песни — народность партизанского движения; Марийка изображается героиней, творящей всенародное дело, несущей «слово правды народным сердцам». Она изображается «человеком с чистой совестью», комсомолкой, до конца верной своему долгу. Наконец, песня содержит еще одну, очень важную мысль — образы девушек-героинь закономерно ассоциируются в сознании создателей песни с образами Олега Кошевого и Зои Космодемьянской.

Марийка

Светлой памяти Героини
Советского Союза
Марии Мелентьевой

Есть в селе у реки тихоструйной
Дом, в котором Марийка жила,
В школе всем она верной подругой
И товарищем лучшим была.

Черной тучей вороны вражий
На отчизну напали тайком,
И вступила Марийка из Пряжи
В всенародную битву с врагом.
И не раз партизанской тропой,
По болотам, карельским лесам,
Через фронт приносила с собою
Слово правды народным сердцам.
Помогал верной дочери каждый,
Лес дремучий в пути укрывал;
Только подлый изменник однажды
Предал нашу Марийку врагам,
Но не дрогнуло сердце героя,
Комсомольскому долгу верна,
По примеру Олега и Зои,
Не сказав ничего, умерла.

Не померкнет геройская слава,
В песнях образ Марийки живет.
Нас вперед наше красное знамя
От победы к победе ведет.

Приведенная песня пользуется большой популярностью в Пряже и Пряжинском районе, ее поют самостоятельные хоры, школьные хоры, она звучит на молодежных гуляньях.

По просьбе Дома народного творчества текст этой песни был отредактирован Б. А. Шмидтом. Надо сказать, что редакция Б. А. Шмидта коснулась лишь отдельных стилистических частности. Песня в целом осталась песней, созданной Пряжинским хором.

В создании героических образов приняли также и некоторые сказители республики. Внучатная племянница знаменитого сказителя Архипа Перттунена, руны которого легли в основу «Калевалы», Татьяна

Алексеевна Перттунен (район Калевалы) в 1949 г. сложила на карельском языке руны «Героини Советского Союза Мария Мелентьева». Любопытна история создания этой руны. В. Я. Евсеев, опубликовавший ее в сборнике «Карельские эпические песни»,¹ пишет в комментарии: «Уже в 1948 г. Т. А. Перттунен задумала сложить песню о славной карельской девушке М. Мелентьевой, но закончила она эту песню в виде повествовательно-колыбельной лишь в 1949 г., после того как заболел ее приемный внук, взятый на воспитание из детдома. У этой сказительницы, знавшей о существовании в К-ФССР детдома им. Марии Мелентьевой, заботы об этом ребенке, взятом из детдома, как-то по-особому связываются с именем карельской девушки-партизанки».²

Создание руны о Мелентьевой и Лисицыной особенно знаменательно. Сам факт возникновения руны говорит о том, что в сознании народа славные подруги-героини встали в один ряд с национальными героями, воспетыми в рунах «Калевалы». Впервые в истории героями карело-финского эпоса стали девушки. Даже самое беглое сравнение «старых героинь» эпоса (Айно, Кюллики и др.) дает ясное представление об огромном пути, проделанном карельской женщиной за годы советской власти. Женщина-карелка стала активной общественной силой. Девушки — дочери карело-финского народа — не только сражались наравне с мужчинами, но и совершили высокий патриотический подвиг, навсегда вошедший в историю советского народа.

Руна Т. А. Перттунен представляет стихотворную передачу устных рассказов, слышанных сказительницей, в форме колыбельной песни внуку:

Милому спую ребенку,
Расскажу я мальчугану,
Детскую спую я песню,
Длинную, как дом из бревен.

О войне спую великой,
Я о том спую, что знаю.
Слышала я здесь рассказы
О походах партизанских.
Множество мужчин собралось,
Также девушек красивых,
Героинь, героев славных.
Все не высказать словами.
И язык мой не расскажет
Обо всех делах великих,
Обо всех боях горячих.

Не исключена возможность того, что сказительнице был известен очерк Г. Фиша, хотя прямое совпадение каких-нибудь деталей не обнаруживается. Т. А. Перттунен, подобно исполнителям устных рассказов, особенно выделяет два эпизода — переправу через Свирь и гибель М. В. Мелентьевой. В центре ее внимания — образ героической Марийки. А. М. Лисицына упоминается лишь в связи с переправой через Свирь, как «подружка младшая». Руна эта исполнялась неоднократно и сыграла также значительную роль в создании поэтических образов героинь.

Другая сказительница — А. В. Ватчина (Петровский район), услышав об обстоятельствах гибели героинь, в 1945 г. сложила в их честь

¹ Карельские эпические песни. Сост. В. Я. Евсеев. Институт истории, языка и литературы Карело-Финск. филиала АН СССР, М. — Л., 1950, стр. 418—420. Запись П. Я. Куйкка, пер. В. Я. Евсеева.

² Там же, стр. 505.

причитание, в котором изображение подвигов Мелентьевой и Лисицыной сочетается с горячим призывом отомстить врагу, всем подняться на борьбу с ним за честь, свободу и независимость социалистической Родины. Сказительница скорбит о гибели славных партизанок, но скорбь ее соединяется с верой в победу советского народа. Скорбь ее полна общественного содержания и выражает не только печаль о гибели подруг-героинь, но и сознание бессмертия народа, ради которого отдали свою жизнь патриотки. Она скорбит о том, что Мелентьевой и Лисицыной не суждено было дожить до дня победы, не суждено было увидеть плоды героической борьбы советского народа, в которой они приняли такое активное участие.

6

Следует отметить теснейшее содружество русских, карел, финнов и вепсов в разработке интересующей нас темы. Устные народные рассказы записывались от представителей всех этих четырех национальностей. На четырех языках известны и произведения профессионального и самостоятельного поэтического творчества в самых различных жанрах. Само боевое содружество карельской девушки Марии Мелентьевой и представительницы маленького народа вепсов Анны Лисицыной в борьбе с белофинско-немецкими оккупантами плечом к плечу с солдатами и партизанами — представителями великой русской нации символизирует исторически сложившуюся дружбу основных национальностей республики. Пряжинские карелы, шелтозерские вепсы, русские в том и другом районах, карелка Перттунен из северно-карельского района Калевалы, финский поэт Гуттари, русский писатель Г. Фиш и русский поэт Б. Шмидт — все они считают Мелентьеву и Лисицыну своими героями, воспевают их подвиги, пользуясь своеобразными национально-специфическими поэтическими приемами. Карелка Перттунен использует поэтические достижения карельской эпической песни, Т. Гуттари пишет по-фински, Б. Шмидт — по-русски. Вместе с тем в творчестве рядовых рассказчиков, в исполнительском мастерстве участников пряжинского хора, в произведениях профессионалов-литераторов и народных сказителей нет и следов национальной замкнутости и ограниченности. Пряжинские карелы сложили свою песню о Марийке на русском языке, стихи Гуттари получили свое музыкальное воплощение после перевода на русский язык, и т. д.

Мы уже отмечали теснейшую взаимосвязь и сплетение различных форм профессионального и самостоятельного творчества в разработке образов Мелентьевой и Лисицыной. При этом мы не соблюдали четких национальных границ. Да и соблюдать их было бы невозможно. Карелы, финны, русские, вепсы выражают в своих национальных формах единое, общее для всех, социалистическое содержание. Поэтому взаимобмен идеологическими, культурными и поэтическими ценностями между этими национальностями на территории К-ФССР развивается чрезвычайно активно и свободно во всех своих проявлениях.

Развитие национальной культуры с каждым годом все более и более укрепляет дружественные межнациональные связи. Следует отметить также, что в нашем случае, совершенно так же, как и во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни, ведущую и направляющую роль играют представители русской культуры. Русский язык, ставший вторым родным языком карел, сыграл важнейшую роль и в развитии и в распространении устных рассказов и других произведений о Мелентьевой и Лисицыной.

Не менее важным качеством современной советской культурной жизни является, с одной стороны, богатство и многообразие форм поэтического творчества, с другой, — теснейшая их взаимосвязь. Изучая устные народные рассказы, мы не могли не коснуться других форм профессионального и самостоятельного творчества советского народа. Без этого не были бы понятны ни история возникновения и развития устных рассказов, ни их идейное содержание, ни их поэтическая природа. Формы творчества и жанры в процессе разбора менялись одни за другими — устный прозаический рассказ, очерк, песня, руна, плакат, газетная статья, радиопередача, симфоническая поэма-оратория, романс, стихи профессиональных и начинающих поэтов, причитание и т. д. Такое обилие форм при богатстве идейного содержания — несомненное свидетельство огромного расцвета, который переживает советское искусство.

История создания поэтических образов Мелентьевой и Лисицыной, массовость распространения устных народных рассказов и возникновение на их основе дальнейшего творчества вскрывает истинную народность советской литературы.

Устный прозаический рассказ — форма художественного творчества, стоящая на грани быта и искусства, — это форма поэтического искусства, рожденная социалистическим бытом советского народа. Не случайно именно эта «бытовая» форма искусства лежит в основе современных легенд о народных героях; не случайно потому, что поистине легендарен был массовый героизм советского народа в дни Великой Отечественной войны, что вся жизнь советского народа — это творимая им самим легенда. Советский устный народный рассказ, в особенности одна из основных его разновидностей — документальный исторический «рассказ о героях» — это новая для истории народного творчества реалистическая легенда, коллективная природа которой заключается не в коллективном восприятии и шлифовке текста, а в коллективном творчестве поэтического образа героя, живущего в сознании огромного коллектива советских людей. Именно поэтому реалистичность документально-исторических «рассказов о героях» вскрывается при анализе всего цикла рассказов о данном герое.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андропов Ю. Карело-финские комсомольцы в Отечественной войне. Петрозаводск, 1943 г.
 Андропов Ю. Они — наша гордость. Газ. «Лен. знамя», 28 сентября 1943 г., № 199 (6818).
 Бойков И. Геронни былины лесной. Газ. «В бой за Родину», 19 октября 1943 г., № 253.
 Владимир Аверьянович Мелентьев. Биография кандидата в депутаты Верховного Совета СССР. Газ. «Кр. Пряжа», 29 января 1946 г., № 5.
 В честь Героев Советского Союза Марии Мелентьевой и Анны Лисицыной. Газ. «Лен. знамя», 2 октября 1943 г., № 202 (6821). Обязательство сегежских комсомольцев.
 В честь героинь. Газ. «Лен. знамя», 1 октября 1943 г., № 201. О комсомольско-молодежном потоке в честь героинь Мелентьевой и Лисицыной.
 Герои карело-финского народа (передовая), Лен. знамя, 1943, 28 сентября, № 195 (6818).
 Геронни-партизанки. Журн. «Блокнот агитатора Вооруженных сил», 1946 г., № 25, стр. 31.
 Герои Советского Союза Анна Лисицына и Мария Мелентьева. Газ. «Кр. звезда», 28 сентября 1943 г.
 L. Heilo. Sankaruus, в кн. «Vihan ja rakkauden lauluja», Pétroskoi, 1945, стр. 19—20.

Гуттари Т. Героиням. Памяти Героев Советского Союза Марии Мелентьевой и Анны Лисицкой. Стихи. См. в книге Т. Гуттари «Моя страна», Сов. писатель, 1950, стр. 93—94. (Пер. А. Шпирта) или в кн. Т. Гуттари «Родина, тебя пою», Петрозаводск, 1950, стр. 20—21 (пер. В. Шефнера).

Девушки-воины. Очерки о девушках-героинях Отечественной войны. М., «Молодая гвардия», 1944, 128 стр. В книгу вошел очерк Г. Фиша «Карельские девушки».

Еремеев В. Девушки в серых шинелях. Газ. «Кр. Пряжа», 8 марта 1946. № 10(61).

Иванов А., Легенда о девушках-героинях. В кн. А. Иванова «Край мой родимый», Петрозаводск, 1949, стр. 21—24.

Капитонов И. Е. Марийка. Текст песни, исполняемой хором Пряжинского ДК. Газ. «Кр. Пряжа», 29 октября 1949 г., № 85(391).

Кликачев А. О тех, кто смертью своей утвердил жизнь. Газ. «Лен. знамя», 31 марта 1945 г., № 64. О героях боев за освобождение К-ФССР, в том числе и о Мелентьевой и Лисицкой.

Кондратьев Ф. Наша гордость и слава. «Лен. знамя», 22 февраля 1948 г., № 38.

Машезерский В. И. Карело-финские партизаны. «Блокнот агитатора», № 12, 1946, стр. 29—53. Итоговая статья о партизанском движении.

Мелентьев В. Письмо отца героини. Газ. «Лен. знамя», 1 января 1945 г.

Митусов И. Там, где училась Мария Мелентьева. Газ. «Лен. знамя», 22 мая 1948 г., № 101.

Мокин Георгий. Песня о героинях. Газ. «В бой за Родину», 6 октября 1943 г., № 242. См. «Фольклор советской Карелии» 1947 г. стр. 92—93.

Наши земляки на фронте. Госиздат К-ФССР, 1945, 112 стр.; в статье Ф. Трофимова «Земляки», стр. 5.

Отомстим! Газ. «Лен. знамя», 1 октября 1943 г., № 201. О письме П. Саватьевой Ане Власовой. Коллективный ответ бойцов.

Письмо лейтенанта Г. Арбузова. Газ. «Лен. знамя», 1 октября 1943 г., № 201. О Мелентьевой и Лисицкой.

Слово друзей, Лен. знамя, 1943, 1 октября, № 201 (6820), стр. 2.

Трофимов Ф. Герои нашего народа. Газ. «Лен. знамя», 23 июля 1948 г., № 145, раздел «Отважные девушки».

Указ Президиума Верховного Совета СССР. О присвоении звания Героя Советского Союза сержанту Варламову Н. Г., Лисицкой А. М. и Мелентьевой М. В. Газ. «Лен. знамя», 28 сентября 1943 г.

Фиш Г. Они ковали победу. Газ. «Лен. знамя», 13 октября 1944 г., № 208.

Фиш Г. Бессмертие. Газ. «Лен. знамя», 1 октября 1943 г., № 201.

Фиш Г. Бессмертие (очерк). Газ. «Лен. знамя», 17 сентября 1943 г., № 192 (6811). Продолжение в №№ 194, 195, 196.

Фиш Г. Герои Советского Союза Анна Лисицкая и Мария Мелентьева. «Комсомольская правда», 29 сентября 1943 г.

Фиш Г. Герои Советского Союза Анна Лисицкая и Мария Мелентьева. Молотов, 1943, 16 стр.

Фиш Г. Анна Лисицкая и Мария Мелентьева. Газ. «В бой за Родину», 2 октября 1943 г., № 239. Сокращ. вариант очерка «Бессмертие».

Фиш Г. Карельские девушки. «Молодая гвардия», М., 1943, 40 стр.

Фиш Г. Карельские девушки. В кн.: «Рассказы о героях», Петрозаводск, 1948.

Фиш Г. Подруги. Беломорск, Госиздат К-ФССР, 1944, 51 стр. с портр. Вариант очерка «Карельские девушки» с пред. Ю. Андропова «Они — наша гордость».

Фиш Г. Рассказы о героях. Воениздат МВС СССР, М., 1950. См. рассказ «Карельские девушки».

Шмидт Б. Боевые подруги. Памяти героинь карельского народа А. Лисицкой и М. Мелентьевой. Газ. «Мол. большевик», 27 марта 1947 г.

Л. А. ВИРОЛАЙНЕН

ТОБИАС ГУТТАРИ

Тобиа Осипович Гуттари (Л. Хело) — поэт, известный не только карело-финскому, но и русскому читателю. В 1950 г. в Москве в издательстве «Советский писатель» вышел сборник стихов Гуттари «Моя страна» в переводах ряда советских поэтов. В том же году Госиздат Карело-Финской ССР выпустил сборник стихов Гуттари под названием «Родина, тебя пою». Сборники включают стихи разных лет, начиная с 1927 по 1950 г.

Первый сборник стихов Гуттари вышел в свет в 1930 г. и назывался «Nuoret mieleet» («Молодые мысли»). В 1932 г. появился сборник «Astun yli» («Перешагиваю»), затем сборники «Стихи», «Песнь весне» и «Моя страна».

В 1928 г. Тобиа Гуттари — один из основателей «Карельского пролетарского объединения писателей», с 1931 г. он редактор финского литературно-художественного журнала «Punakantele», а позднее ответственный редактор «Punalipru».

Финский читатель знает Гуттари и как талантливого переводчика. «Что делать?» Чернышевского, «Бруски» Панферова, «Цусима» Новикова-Прибоя, «Капитальный ремонт» и «Морская душа» Соболева, «Непокоренные» Горбатова, «Народ бессмертен» Гроссмана, «Люди с чистой совестью» Вершигоры — вот неполный перечень переводов, сделанных им. Стихи Прокофьева, Жарова, Уткина, Акоюяна, Анатоля Гидаш, Льва Ошанина появились на финском языке также в переводах Гуттари.

Ознакомление народов Советского Союза с произведениями классической и современной русской литературы, а также с достижениями других национальных литератур братских народов имеет большое политическое и культурное значение. Переводы прозы сделаны Гуттари с мастерством и точностью. В стихотворных переводах чувствуется поэт с большим собственным поэтическим опытом и уверенной, выработанной культурой стиха. Т. Гуттари написал ряд книг для детей: «Красная Армия стоит на страже», «В карельских лесах растет бумага» и «Как делается книга». Однако наибольший интерес представляет собственная поэзия Гуттари, которой и посвящается данная статья.

Гуттари — лирический поэт с большим, сильным и самобытным дарованием. Он несомненно принадлежит к числу лучших лирических поэтов наших дней. Молодая карело-финская литература может гордиться поэтическими достижениями Гуттари. Творчество Гуттари с самого начала его поэтической деятельности неразрывно связано с жизнью советской страны, с интересами советского народа, с его целями и идеалами. Это позволило таланту Гуттари развиться и окрепнуть.

Каждый из стихотворных сборников Гуттари тематически очень разнообразен. Для того чтобы разобраться в особенностях его творчества, мы будем придерживаться не хронологического, а тематического порядка, который в известной степени включает и хронологический принцип.

Гуттари начал свою поэтическую деятельность в годы социалистического преобразования нашей страны, когда старые, частные капиталистические формы хозяйства уничтожались, уступая место новым — общественным, социалистическим. На XV съезде партии было вынесено решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства. Преимущества общественных, коллективных форм жизни и производства все полнее осознавались советскими людьми.

Одно из ранних стихотворений Гуттари — «Молодые мысли» темпераментно и страстно зовет людей к объединению. Социалистические формы труда — вот о чем говорит поэт, выражая мысли и чувства, переполняющие тысячи сердец. В этом стихотворении Гуттари прославляет коммуну. Понятие «коммуна» здесь — это не сельскохозяйственная коммуна, а условное обозначение новых форм жизни, которые создаются и проникают в самые разнообразные стороны общественной деятельности. Гуттари говорит о том трудовом подъеме, который приводит людей к сознанию необходимости действовать едино.

О том же пишет Гуттари и в другом стихотворении «Miilunpolttaja», рассказывая об угольщике, который выжигает уголь в своей маленькой угольной яме, — над ним шумят ветви деревьев, а он дни и ночи просиживает над дымящей ямой. Уголь — его кормилец, его золото. Угольщик самолюбив, в разговорах с другими он пренебрежительно отзывается о крестьянском труде, прославляя свое угольное дело и тем самым несколько набивая цену и самому себе. Но не всегда оправдывает себя угольное дело, и тогда приходится угольщику обращаться к земле. Не так уж легка его жизнь. И вот приходят новые времена. Угольщик, сидя над своей ямой на опушке леса, видит «спешащих на широкие поля колхозников», видит, «как они жнут желтый овес», слышит, как «стрекочут машины» и «звонко смеется молодежь». Одиноким угольщик с завистью смотрит на колхозников и думает о том, что и ему не плохо бы перейти к ним.

«Может быть прекраснее был бы тогда шум падающих деревьев и может быть еще гуще поднимался бы дым из большой колхозной угольной ямы?»

«И тогда я тоже подбрасывал бы лопатой землю в гигантскую яму, а черные угли были бы тогда нашим общим золотом», — так мечтает угольщик.

Преимущества общественного труда становятся для угольщика очевидными. Стоя над своей угольной ямой, он клянется, что прежде чем засверкают в небе первые зимние звезды, на этом убогом месте вырастет колхоз — целый коллектив угольщиков будет трудиться там, где раньше трудился одиночка.

Поэт показывает, как в человеке растет убеждение в превосходстве

коллективных форм труда. Гуттари не говорит о том, что привело угольщика к сознанию необходимости объединиться, но то, как он рассказывает об угольщике, наблюдающем со своей опушки колхозные работы, с очевидностью доказывает, что на примере собственной горькой и тяжелой жизни убедился этот человек в превосходстве труда. Рассказывая об угольщике, Гуттари пользуется словами: дым, земля (multa), дубина, сажа, угли и т. д. И вот в труд угольщика, тяжелый и утомительный, врывается стрекот машин, подрезающих желтое зерно, и звонкий смех молодежи. Угольщик один, со своими одинокими мыслями, а там — коллективный труд, коллективное воодушевление. Угольщик видит, как колхозники выходят на работу. Не случайно у Гуттари сказано, что они «gientävät», т. е. не просто идут, а идут стремительно, одержимые сильным чувством, в данном случае несомненно радостью. Этот желтый овес и звонкий смех, противопоставленные одиноким и невеселым размышлениям угольщика, делают для читателя совершенно понятным вопрос о том, на чьей стороне счастливый труд. Не перегружая своих стихов рассуждениями, поэт умеет несколькими художественными штрихами передать читателю те мысли и чувства, которыми он хочет с ним поделиться.

В стихотворении «Kollektivisoimishehtaari», написанном 14 октября 1929 г., Гуттари обращается к крестьянству с призывом — всем выйти на поля и перекрыть все нормы, известные до сих пор. Тот, кто в этот день уклонится от работы, не заслуживает имени советского труженика, говорит поэт.

Все отрасли нашего народного хозяйства с первого дня существования советской власти приведены в состояние неуклонного роста. Из отсталой аграрной страны Россия превратилась в страну с передовой индустрией, страну с передовой культурой и передовой техникой. Естественно, что тема труда и строительства оказалась основной темой всей советской литературы. Не мог мимо нее пройти и Гуттари, и она стала в его творчестве ведущей.

Интересно эта тема представлена в его стихотворении «Строители» («Kummenen kirvesmiestä»): Ранним утром приходят на работу десять строителей. За поясами у них топоры. Приготовившись, они принимаются за работу.

Могучим отрядно трудиться
Во весь богатырский размах,
Чтоб щепки взлетали, как птицы,
Чтоб ныли суставы в плечах.

И вот воздвигается дом:

Звенела и пела работа,
Топор быстролежный сверкал.
И горячих и мокрых от пота,
Строителей вечер скрывал.
И видел я, нового дома
Смолистые стены росли,
И в полночь луна сквозь проемы
Дивилась обнове земли.

(Пер. Зотова).

Имена плотников не названы, не дано их портретов, они как бы соединены в один образ — образ народа, который во всей поэзии Гуттари представлен как богатырь, несокрушимый и всемогущий. Плотники, воздвигающие дом, — это народная сила, воздвигающая новую жизнь,

которой даже луна, зачарованная, дивится в полночь. И именно этот контекст стихотворения и определяет отсутствие в нем деталей, частности, индивидуализации лиц.

Такая трактовка стихотворения подтверждается последней его строфой. Дом закончен.

Mutta monina päivinä vielä
ajan uuden postohon saa.
— — taas vyöstänsä vetäen kirvehet,
ja kourihin sylkien, — — tuhannet.
Heidän työllänsä nousevi maa.¹

(«Но вот пройдут многие дни, и уже не десятки, а тысячи, тоже взявшись за топоры, станут строить новую жизнь. Их трудами поднимается страна»).

Поэзия труда почти всегда переплетается у Гуттари с лирикой природы. К природе, особенно к северной — карельской, у него необыкновенно интенсивное отношение, сродни тому лирическому чувству, которое мы находим в песнях «Калевалы». Особенностью поэзии Гуттари является то, что лирика природы у него всегда современна, — это лирика советского человека. В лирике прошлого природа чаще всего была убежищем для поэтов, куда они уходили от истории, от современности.

Природа занимает большое место в лирике Гуттари. Ей посвящены его лучшие стихи. Она у Гуттари всегда живая, развивающаяся, динамичная.

Блеском холодным сияет равнина.
Заморозки уползают.
Звонкими гроздьями наша рябина
Осени песню играет.
Легкой каймой поредевшие чащи
Поле пустое обводят.
Гребнем серебряным север бодрящий
Вскользь по озерам проходит.
Желтые скирды у края болотца.
Кажется, ждут не дождутся,
Скоро ли стук молотыбы разнесется,
Песни опять разольются?

(«Осень», пер. Семенова).

Равнина сияет, заморозки уползают, рябина играет песню осени, чащи обводят каймой пустое поле, север проходит по озерам, скирды дремлют и думают² — все эти подробности пейзажа находятся у Гуттари в движении, охвачены активной жизнью, выражение пейзажа постоянно меняется, как выражение живого лица.

В этом стихотворении в образ природы включены темы человека и его труда: «Лето прошло, и осень оплатит старания тружеников». Природа и человек у Гуттари как бы объединены трудовым договором, действенными отношениями, между ними есть взаимность, одна сторона нуждается в другой, находит друг в друге опору.

В стихотворении «Руго» («Ручеек») поэт рассказывает о ручейке, который после весенних дней стал тихим и слабым. Но вот разверзлись небеса, дождь хлынул на землю целыми потоками, и, получив новые силы, ручеек снова расцвел. Он резвится в своем русле, омывая берега, не думая о вчерашних заботах. Его преодолевают весенние чувства

¹ Стихотворный перевод Зотова довольно отдаленно передает смысл последней строфы, поэтому она и приведена по-фински.

² Эти глаголы взяты из подлинника.

и поет он весенние песни, хотя весна уже прошла и время движется к осени.

Стихи о природе от начала до конца проникнуты у Гуттари чувством современности. Они постоянно перекликаются со стихами поэта, непосредственно направленными на злободневные политические темы, на исторические события, свидетелем и участником которых он был. Своеобразие Гуттари как советского лирического поэта состоит в том, что природа у него непосредственно переплетается с трудом. Его стихи о природе — это вместе с тем стихи о трудовой энергии человека, обращенной на природу. В живую, живущую природу, где шумят вековые деревья, ударяются о берег волны и береза по ночам шепчется с елью, — в эту природу у Гуттари врывается воля человека:

Товарищи наши сквозь дебри прошли
И силу машин за собой привели,
Вот музыка слышится где-то.
То музыка рам лесопильных звучит,
То поезд на север бежит и стучит,
Лесов тишину нарушая.

(«Медвежья гора», пер. Заводчикова).

Труд в поэзии Гуттари — это глубокое отношение человека к природе, наиподлиннейшая связь с нею. Там, где в старой поэзии было одно созерцание, любование, у Гуттари — трудовое действие. Рыбаки, лесорубы, шахтеры, разведчики недр — вот постоянные герои лирических стихов Гуттари. Поэт вживается в дела этих людей, он как бы действует с ними заодно, их руками, а через деятельность их он вживается и в природу, которая и сопротивляется человеческому воздействию, и уступает ему. Гуттари достигает во многих своих стихах ощущения своего единства с природой, гораздо более полного и действительного, чем то единство, о котором вещала старая лирическая поэзия. Труд советского человека — это борьба с природой и реальное единство с ней. Лопатой, ломом доходят как бы до самого недоступного сердца природы, оно раскрывается тому, кто мужественно и умело вышел на борьбу с силами природы, зная ее законы, ее скрытые силы. Характерно, что лирика природы у Гуттари отнюдь не является лирикой только сельской, деревенской или уже того — лирикой нетронутых человеком мест, — степей и пустошей. Чувством природы у него проникнуты и его «городские» стихи. Индустриальный приморский город ощущается у Гуттари как часть живой природы, освоенной человеком, подчиненной его технике, его техническому мастерству, к которым природа относится, как к дружелюбному ей началу. Таковы стихотворения Гуттари о городах — «Петрозаводску», «Мурманск». Столица Карелии для Гуттари — это и пейзаж («сады густые», «синие озера», «онежский ветер»), это и политика, и история. Стихотворение писалось в 1946 г. Оно полно печали из-за разрушений, нанесенных городу войной, но Гуттари твердо верит в то, что город возродится и вступит в новую славную жизнь. Мурманск у Гуттари — это сплав природы, морского пейзажа с трудом, с промышленностью, флотским делом.

Приходят и уходят корабли.
Богат улов! Сквозь пелену тумана
Сюда тепло из жарких стран земли
Несут крутые волны океана.

(Пер. М. Дудина).

Всюду в природе Гуттари видит следы труда человека, преодолевающего природу. Пейзаж естественным образом дополняется элементами культуры. Отсюда и обратное, — город не заслоняет для Гуттари сил природы, на которые он опирается, из которых он вышел. Так возникают у советского поэта его своеобразные «пейзажи города».

У Гуттари очень развито чувство родной карельской земли, карельской природы. Эта северная природа — суровая, мало поддающаяся человеку. Тем глубже переживает Гуттари происходящее у него на глазах освоение человеком этой природы — дикой и недоступной до недавних пор. Пейзаж советской Карелии — это новый пейзаж. Появились колхозы, стройки, заводы там, где раньше были глухие места. Исчезла пропасть между угрюмой природой и человеком, прежде бессильным перед ней. Как участник великих строек, великих работ, Гуттари по-новому переживает родную природу, — человек приблизил ее к себе, к своим потребностям, союз с ней стал более тесным, более кровным.

В стихах Гуттари ощущение сопротивления дикой природы соединяется с мыслью о все возрастающей ее доступности человеческому труду, а значит и уму, и сердцу человека.

Переплетение природы с трудом дает еще и другое качество поэзии Гуттари. Его поэзия природы не остается местной, ограниченной поэзией. Пейзаж Карелии иной, чем пейзаж юга. В стихах Гуттари даны пейзажи Черного моря, приморских городов: Батуми, Гурзуфа, Алушты, они подчеркивают своеобразие северного края; и советский юг, и советский север в поэзии Гуттари — это одна, неделимая территория единой страны единого великого советского народа, имеющего единые интересы и цели. Пейзаж разный, всюду со своеобразными особенностями, но все это территории, спаянные общим делом, всюду советский народ, строящий социализм, восстанавливающий разрушения, нанесенные войной. Общий труд советского человека, управляемый единым Советским государством, связанный общим планом, соединяет у Гуттари местность с местностью, пейзаж с пейзажем. Труд в изображении Гуттари преодолевает местную ограниченность. Описывая карельские леса или карельские горы, труд, который совершается здесь, Гуттари всегда чувствует себя гражданином Советского Союза. Свои местные дела и впечатления он ощущает как живую часть общесоветской жизни.

Вот стихотворение, полностью характерное для лирики природы у Гуттари, — «В горах ломают руду».

Здесь недра гор берут в упор,
Здесь пламя кружит каруселью.
Трясутся стены старых гор,
И эхо рвется по ущелью.

Здесь на горах породу рвут,
Летят по скатам вагонетки.
Здесь дождь идет, ветра режут,
Здесь скуп и слаб луч солнца редкий.

Так город Кирова встает
В дыму заводов, в желтой пыли,
Огнями новыми работ,
Бессмертьем нашей новой были.

В горах здесь спали долгим сном
Богатства, скрытые глубоко.
Здесь только снег лежал кругом,
Петляла лыжня одиноко.

Но вот на озеро пришли
Отважно женщины, мужчины,
Разбили лагерь, привезли,
С собою мудрые машины.

И изменились берега,
Смотри: огнями город резов,
И перечеркнуты снега
Железной лыжной паровозов.

Руду в долину с гор везут
И, на платформы нагружая,
В далекие колхозы шлют —
Залог большого урожая.

Здесь недра гор берут в упор,
И горы грохнут от удара,
И наша слава эхом с гор
Летит вокруг земного шара.

(Пер. М. Дудина).

В этом стихотворении и дано то слияние поэзии природы с поэзией труда, которое так знаменательно для творчества Гуттари и которое он передает с большой силой и поэтическим талантом. Взрывы горных пород, бег вагонеток представлены наравне с дождями и ветрами, с блеском солнца, как части единого целого. Труд — это борьба с природой: «здесь недра гор берут в упор», но это и овладение богатствами природы; Гуттари описывает строительство нового города — советского Кировска, — и возникновение города у Гуттари — продолжение природы. Люди как бы «добывают» город из глубины природы. И даже самая техника со всеми ее подробностями для Гуттари глубоко поэтична, вопреки предрассудкам старой поэзии, боявшейся подробностей технического, технологического порядка, считавшей, что они всегда и всюду прозаичны.

Строфа о руде (апатитах), которую развозят в дальние колхозы, — это строфа очень значительная в стихотворении. Здесь-то Гуттари и говорит об этой великой связи через труд, через произведения труда между городами и селами Советского Союза. Смысл стихотворения о северной природе, о новом городе, возникшем в ней, в этой строфе расширяется до смысла общесоюзного, общесоветского.

Лирическая тема, связанная с природой, тоже трактуется у Гуттари в плане единения, содружества человека с природой. Природа часто настраивает поэта, вызывает в нем ощущения, и чувствования, ей соответствующие, окрашивает его настроения. Это снова подчеркивает активное начало природы: не только человек воздействует на природу, но и природа воздействует на человека.

Стихотворение «Осенний лунный вечер в Беломорске» дает лунный пейзаж этого города:

Рассекает гладь залива
Лунная дорога,
Издали слышен ропот
Бурного порога.

Море дышит полной грудью,
Море молчаливо,
Звезды трепетно мерцают
В глубине залива.

В конце стихотворения появляется человек:

Звезды частые нависли
Над водою черной.
Тихо, тихо... Словно в сердце
Зреют счастья зерна.

(Пер. В. Потаповой).

В стихотворении «Весна идет» поэт говорит о весеннем тепле, которое ласкает щеки, и стихотворение кончается опять-таки перекличкой с внутренней настроенностью поэта:

Хрустят шаги. Идет весна сама.
И для нее душа моя открыта.
Ручьем весенним мерзлая зима
С груди моей совсем сегодня смыта.

(Пер. М. Дудина).

Природа дружелюбна человеку, если человек умеет понять ее, если он умеет к ней подойти. А подойти к ней и понять ее сумел только человек социалистического общества. В нашей стране строится счастье для всех, и природа помогает этому грандиозному благороднейшему делу.

В советской стране труд стал «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства», он стал радостью для людей, потому Гуттари, как и все советские поэты и писатели, как и все советское искусство, повествует о радостном существовании советского человека.

Неслучайно в поэзии Гуттари одним из самых распространенных мотивов оказывается мотив весны. Уже одно только перечисление названий его стихов говорит об этом: «Дальний гость на весенней демонстрации», «Весной 1942 г.», «Песнь военной весны», «Весенние строки», «Мирный май», «Весна 1946 года», «Предвесенние вечера», «Март», «Весенний ветер», «Песнь весне», «Весна идет», и т. д. Один из сборников стихов Гуттари называется «Песнь весне». Мы не найдем у Гуттари простого любованья просыпающейся природой, веселой и нежной. Весна — это те огромные возможности, которые стоят перед советским человеком, это те начинания, которыми полна наша страна.

Сегодня счастье юное вблизи:
Быть может, это девушка простая,
Иль вдохновенный труд твой впереди —
Люби, дерзай, твори, не уставая!

(Пер. М. Дудина и Б. Коковкина).

В 1946 г. поэт пишет о весне с ее послевоенным посевом — символом нового возрождения страны, новых бесконечных возможностей, которые таит в себе Советская страна.

В одном из стихотворений поэт рассказывает о ветре, который прибыл к нам в гости из-за границы. Он попал на весеннюю демонстрацию, он приветствует нашу страну и наших людей. Вот речь, которую держит ветер:

Здесь дышу и вею, здесь цветет весна,
Радостно сияет глаз голубизна.
Тени мрачной ночи в край ваш не придут,
Где не меркнет счастье, где свободен труд.

(Пер. Н. Чуковского).

В другом стихотворении («Моя страна») поэт говорит о родной стране:

Страна лесов бескрайних и полей
И сказочных щедрот природы,
Страна шумящих травами степей,
Великих рек, бушующих морей,
Страна простора, родина свободы,

Где труд возвышен славою стократ
И где любой народ народу — брат,
Страна доверья, дружбы и привета.

(Пер. Н. Семьиной).

Совсем не то по ту сторону границы:

Ветер к нам доносит стоны
Через дальние кордоны
Из тюрьмы, из черной тьмы...

«Мы в неволе, мы в борьбе.
Тут награды нет труду,
Тут весна еще во льду,
И в тюрьму заключены
Те, кто пел приход весны».

(Пер. Л. Длигача).

Не забывает Гуттари и о происках врагов советского народа, пытающихся помешать победоносному строительству социализма в нашей стране. О вредителях, врагах, нарушителях счастья советского человека поэт говорит со всей силой гражданского гнева. Памяти Сергея Мироновича Кирова Гуттари посвящает стихотворение, полное острой ненависти к врагам советской страны, к презренным убийцам:

Убили Кирова... Подкупленный убийца
Подослан вражеским презренным сбродом —
И перестало ты, большое сердце, биться,
И ранены сердца всего народа.

(«В дни печали», пер. Н. Миловановой).

В другом стихотворении («Kansan viha» — «Гнев народа») поэт клеймит врагов народа, осмелившихся поднять руку на вождей нашей партии. Поэт уверен в непобедимости советского народа.

В том же стихотворении, посвященном памяти Кирова, читаем:

Но мы — большевики — вовек неистребимы,
Несем твоё, Сергей Миронович, знамя,
Враг злобен и хитёр — но мы неодолимы.
Победа за тобой, за партией, за нами!

(Пер. Н. Миловановой).

В 1935 г. Гуттари пишет стихи о Красной Армии — «Танки идут» и «Мы шагаем под блеск штыков». Стихи эти говорят о мощи нашей страны, о мощи нашей армии, охраняющей Родину и готовой вступить в бой с любым врагом. Красная Армия предстает как надежная защитница трудящихся, строящих социализм. Ритм, которым пользуется в этих стихах Гуттари, соответствует их содержанию — это ритм, напоминающий твердую поступь колонны.

В стихотворении «Ночной город» поэт рассказывает о том, как к ночи замирает шум машин на улицах, гаснут огни в окнах, но город продолжает жить — работают заводы, стоит на страже Красная Армия,

Даже ночью страна бодрствует, она ведет бессонную, безостановочную жизнь, нет такого часа, когда бы можно было застать ее врасплох.

В годы Великой Отечественной войны вместе с миллионами советских людей Тобиас Осипович Гуттари стал на защиту Отечества. Выполняя свой долг воина и защитника Родины, поэт не оставлял и свое искусство. В годы войны он написал цикл стихотворений на военные темы, печатавшихся во фронтовых газетах и других изданиях. Значительная часть этих стихов вошла в изданный в 1945 г. в Петрозаводске стихотворный сборник карело-финских поэтов «Песни любви и ненависти». Затем почти все эти стихи были перепечатаны в сборнике «Моя страна». Поэт пишет о том, каким тяжелым испытаниям подвергалась родная страна в годы войны:

Весь мир в небывалом огне,
Гуляют враги, и руины
Дымятся еще по стране.
Еще полыхают деревни,
И слышатся стоны детей,
И старые матери наши
Томятся в руках палачей.

(«Письмо на фронт», пер. Л. Хаустова).

Но ни ужасы войны, ни угрозы врага не сломили уверенности советского человека в победе. Даже в самые тяжелые дни, когда враг стоял под Москвой, когда он подбирался к Волге, советские люди не пали духом. В каждом советском человеке нерушима была вера в непобедимость правого дела. Товарищ И. В. Сталин пишет: «Советские люди отказывали себе во многом необходимом, шли сознательно на серьезные материальные лишения, чтобы больше дать фронту. Беспремерные трудности нынешней войны не сломили, а еще более закалили железную волю и мужественный дух советского народа. Наш народ по праву стяжал себе славу героического народа».¹

Об этой нерушимой вере в победу говорят и стихи Гуттари военных лет. Уже в стихах 1941 г. («Ночь в землянке») поэт мечтает о том, как отшумят грозные бои, победа будет одержана и любимая встретит на старом, хорошо знакомом крыльце воина, вернувшегося домой. Основным мотивом всех военных стихов поэта является мотив победы. Поэт и военную тему связывает с темой природы:

Летят на север птицы косяком,
И воды рек спешат в седое море.
У нас свой путь, и мы его пройдем,
Хоть он исполнен трудностей и горя.
Как неизменен птиц прилет весной,
Как верно то, что реки рвутся в море,
Победы солнце встанет над страной,
Мир засияет на ее просторе.

(«Весна 1942 г.», пер. В. Шефнера).

Эту же параллель — весна и победа — мы находим во многих стихах Гуттари военных лет. Пробуждающаяся природа вызывает желание добиться скорейшей победы, чтобы можно было снова приняться за мирный созидательный труд:

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948, стр. 159.

Мы хотим, чтобы край наш любимый, родной
Стал, как прежде, счастливым, свободным.
Чтобы мирно трудился народ наш — герой,
Чтобы лебеди плыли вечерней порой
По озерам лесным, полноводным.

Мы хотим, чтоб вернулся наш радостный май
И поля по весне зеленели,
Звонкий смех раздавался везде незначай,
Чтобы радостно пенилась жизнь через край
И счастливые песни звенели.

(«Песня военной весны», пер. Вл. Заводчикова).

И поэт заверяет нас в том, что победа придет. Мечь народа грозна, она сметет с лица земли фашизм, который не может быть не побежден, потому что

Против двуногого зверя
Прекрасный идет Человек.

Гуттари прославляет бессмертный подвиг двух дочерей Карелии — партизанок Анны Лисицной и Марии Мелентьевой, героически погибших в дни Великой Отечественной войны и посмертно награжденных званием Героя Советского Союза. Гуттари в своих стихах говорит о том, что пройдут годы, но подвиг девушек будет жить в памяти народа:

Мать карельская расскажет детям,
Как Мария, не жалея жизни,
В бой пошла — чтоб никогда на свете
Враг не угрожал ее отчизне.
Как в реке, среди мрака и тумана,
В час ночной, осенний и холодный,
За родной народ погибла Анна,
За страну свою, за труд свободный.

(«Геронням», пер. В. Шефнера).

Наступает 1943 г. Советские войска одерживают одну победу за другой. В Москве гремят салюты в честь новых и новых побед.

Войска подходят к Днепру, но за Днепром — не освобожденная еще земля. Война еще не кончена, войска идут все вперед и вперед. Природные силы и здесь дружественны советским людям, даже природа как бы ополчилась на врагов. Бои идут у Днепра:

Немцы закрепиться здесь мечтают,
Бога призывают, — но врага
Русская река не защищает,
Только топит русская река.
Рек родимых пройдено немало,
И была нам каждая сестрой:
Та волна, что русского держала,
Немца покрывала с головой.

(«На берегах Днепра», пер. Гл. Семенова).

9 мая 1945 г., в день, памятный всему миру, товарищ И. В. Сталин сказал: «Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом».¹

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948, стр. 193.

Гуттари посвящает этому великому дню стихотворение «9-е мая 1945 года», которое входит в группу его стихов, посвященных «Победе и жизни» («Voitolle ja elämälle»). Этот цикл написан в 1946 г. и напoминает своей формой кантату в честь победы Великой Отечественной войны. Цикл начинается со вступления, в котором говорится о нашей великой победе, о том, как уверенно строим мы новую жизнь, глядя в будущее, но как при этом не забываем и о прошлых испытаниях. Затем идут стихи о трудных годах — 1941-м и 1942-м. Эти годы и эти дни еще больше сплотили народ — и он отбросил врагов от Москвы, подготовился к наступлению под Сталинградом и к прорыву блокады Ленинграда.

«Год 1943-й». Вся Европа оказалась бессильной перед фашистскими ордами, одна наша страна сумела оказать сопротивление коричневой чуме и одержать блестящую победу под Сталинградом и погнать немецкие войска на Запад.

«Годы 1944—1945-й». Просторы наших степей еще сочатся кровью, но воздух уже дышит свежестью. Еще с оружием в руках и с повязками на ранах страна стояла на пороге мира. Советские войска гнали врага по его собственной территории. Шум битвы звучал победно, гром орудий превращался в гимн, — и осталось только «добить фашистского зверя в его собственном логове».

«9 мая 1945 г.». Победа. Ликует наша страна, льются песни, взвизывают флаги, и трубы славят нашу правду.

Мы не ведали сомнений,
Нас не испугали беды,
Наша партия и Сталин
Нас вели путем победы.

(Пер. Н. Чуковского).

«Весна 1946 г.». Из кузницы слышатся удары молота, с полей доносятся песни сеятеля. Страна восстанавливается, залечивает свои раны, закладывает новые грандиозные стройки.

Гуттари подчеркивает любовь и стремление нашего народа к миру. Наши люди — мирные люди, которые пошли на войну ради защиты своей мирной жизни, своего мирного труда. Теперь, когда кончилась война, каждый из них вернулся к тому труду, по которому тосковал в то время, когда сжимал в руках автомат и гранату. Этот цикл стихов, как было сказано, напоминает кантату, он как бы рассчитан на музыку и хоры, и самые ритмы отдельных стихов цикла меняются соответственно содержанию и общему настроению.

К военным же относится и другой цикл стихов Гуттари, называющийся «Разговор через линию фронта». Это стихи, обращенные к вражеским солдатам. Финские правители, как известно, втянули Финляндию в войну с Советским Союзом против воли народа. Как рассказывает в своих стихах Гуттари, финские захватчики встретили в Карелии жестокий отпор. Народы Карелии вместе с великим русским народом стали на защиту своего социалистического отечества. Товарищ И. В. Сталин писал в годы войны: «Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предубеждения, а глубокую преданность и верность народов своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные тради-

ции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза, советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью».¹

В целом ряде стихотворений Гуттари зло высмеивает ложные расчеты и бредовые мечты немецких фашистов. Они увидели Москву в бинокль и вообразили, что Москва у них в руках. Они хотели взять Москву, а отдали Берлин:

Шли на Москву из дальней дали —
Не попали! Ни один!
Но зато вот увидели
Свой пылающий Берлин.

И Гуттари заканчивает этот цикл так:

Тот, кто воеет «юбер аллес!»
И во сне и наяву,
Пусть запомнит — так кончались
Все походы на Москву!

(«Простым глазом», пер. А. Шпирта).

Как советский поэт, как советский патриот Гуттари напоминает в этом стихотворении всем тем, кто хочет навязать народам мира новую войну, о бесславном конце немецкого фашизма.

Общий характер поэзии Гуттари таков, что виден поэт — человек сталинской эпохи, эпохи великих достижений, действий большого размаха, крутых и решительных переломов в жизни страны и народа. В поэзии Гуттари, который всегда и всюду остается лириком, мы не наблюдаем пристрастия к мелочам, к маленьким темам, к чему нередко тяготеют лирические поэты прошлого. Лирическая поэзия в прошлом часто исходила из представления об узко личном «я» автора, а этому скромному ограниченному «я» соответствовали во внешнем мире мелочи, ограниченные явления, вещи карманного формата. Как у лучших советских поэтов, так и у Гуттари его лирическое «я» — нечто гораздо большее, чем его интимное личное сознание. В этом «я» живет воля и энергия не одного лишь поэта, а сотен, тысяч его друзей, его товарищей по труду, по строительству советской жизни. Поэтому стихотворения Гуттари, чрезвычайно эмоциональные, лично окрашенные, в то же время ни в какой степени не страдают субъективизмом. Лирика Гуттари ни сколько не чуждается вещей серьезных, даже грандиозных, и открыто, уверенно идет им навстречу.

Эти качества Гуттари как поэта определяют и характер его любовной лирики. Любовь сама по себе, любовь как нечто не связанное с вопросами современности, уводящее от них, для поэта не существует. Любовь, личные отношения всегда у поэта включены в общую жизнь советских людей, в их общее дело — служение Родине. Родина — вот что прежде всего соединяет любящих, что сильнее самой любви.

Любовная лирика Гуттари оптимистична, так как она есть часть советского мировоззрения, оптимистического по своей природе. Любящие у Гуттари полны веры в свою любовь, в ее счастливую судьбу. Над советскими людьми не тяготеют те низменные обстоятельства, те материальные расчеты, которые губят любовь в буржуазном мире.

В стихотворении «Когда страна позовет нас» («Две лыжни» в пер. Л. Хаустова) рассказывается о радости совместной жизни, о делах и

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1948, стр. 160—161.

трудах, которые разъединяют любящих на день, но которые и соединяют их; и когда по заданию партии любимая уезжает, разлука не вызывает ни единой жалобы, любящие уверены в новой счастливой встрече, в будущем совместном счастье.

Любовная лирика военных лет проникнута теми же чувствами. Горе страны, опасность, которая нависла над Родиной, — неперенный фон этих стихов. Любовь, как и все личное, должна теперь отступить перед главной задачей — задачей освобождения страны от фашистских захватчиков. Поэт говорит своей любимой, что вернется к ней лишь вместе с победой, ибо иначе он не будет достоин любви. Выполнить свой долг перед Родиной — это значит вместе с тем заслужить и право на любовь.

Я знаю путь к тебе. Победный этот путь
Ведет через страну, сожженную войной.
Я этот путь пройду! С него мне не свернуть,
Клянусь грядущим днем, что будешь ты со мной!

(Пер. Л. Мартынова).

Любовь всегда представлена у поэта как чувство, основанное на великой дружбе, преданности. Любящий в самые трудные минуты ощущает присутствие своей любимой, потому что он знает — она так же всегда с ним мысленно, как и он с ней, на каких бы постах они ни стояли:

... когда в наступленье
Ведет нас приказ боевой,
Мне кажется: ты по снегу
Шагаешь рядом со мной.

(Пер. Н. Чуковского).

В 1934 г. Гуттари пишет «Песню поисков», которая по сути является выражением тех требований, с которыми поэт обращается и к самому себе, и к поэту вообще.

Советская поэзия должна быть поэзией боевой, могучей и злободневной. Она должна разить врагов, она должна быть наполнена тем огромным содержанием, каким полна наша великая эпоха. Вся наша действительность, все наши труды и дни должны найти отражение в поэзии:

Пиши о том, кто мерил моря снью,
Чей шаг звучал в забое, в гулком штреке,
Кто рыл каналы в глубине пустынь, —
Пиши о победившем человеке.
Раскрой тетрадь. Взгляни, как ночь тиха.
Полей и звезд ты не воспел ни разу.
Мне кажется, достойного стиха
Никто не посвятил и водолазу.
Ищи созвучья, краски и слова,
Следи за тем, чтоб мир твой не был тесен.
Простор полей и неба синева,
И все, чем наша Родина жива,
Заслуживает самых звонких песен.

(Пер. Потаповой).

Гуттари как бы переключается здесь с Маяковским, который писал:

И я,
как весну человечества,
рожденную
пою в трудах и в бою,
мое отечество,
республику мою!

Требования, высказанные здесь Гуттари, — требования справедливые и правомерные. Именно такой и должна быть советская поэзия.

Оценивая творчество Гуттари с позиций этих требований, им же самим выставленных, и особенно помня о тех предостережениях против идеологических извращений в литературе, которые мы постоянно находим в постановлениях ЦК ВКП(б) и в нашей центральной печати, приходится сказать, что и у Гуттари есть отдельные стихи, заслуживающие упрека в недостаточной идейной продуманности.

В стихотворении «Наша Армия» (написанном в 1935 г. и включенном в сборник «Родина, тебя пою!») Гуттари прославляет Советскую Армию, её стойкость, героизм, непобедимость. Эти качества её неоспоримы, и тем не менее общее впечатление, создаваемое стихотворением, заставляет насторожиться. Вместо того, чтобы подчеркнуть мирный характер нашей страны и её готовность к обороне, к защите своих границ и своих достижений, Гуттари на протяжении шести строф рассказывает о воинственности нашей армии и только в последней строфе говорит:

Кто тронет родные границы,
Тот нашей отведает стали!

Эти последние строчки должны были стать идейным стержнем всего стихотворения. В более поздних стихах таких ошибок поэт уже не повторяет. Стихотворение «В осенний день» в противоположность стихотворению «Наша Армия» подчеркивает стремление нашей страны, наших людей к миру. Едва только отгремели залпы войны, как народ наш взялся за строительство, за восстановление хозяйства.

Пахарем стал вчерашний солдат,
Что в битву ходил не раз,
И партизан вчерашний ведёт
Груженный рыбой баркас.
Трактор ведёт вчерашний танкист...

(Пер. В. Шефнера).

Задуматься заставляют и такие стихи Гуттари, как «Рыбак» и «Лунный осенний вечер в Беломорске». Рыбак, смелый и мужественный, прославляет свой суровый северный край, бурное море и полный опасности и риска труд. Стихотворение не имеет никакой временной и общественной окраски. Может быть, это рыбак из Карелии, может быть, из Финляндии, а, может быть, и из Норвегии. Он, может быть, наш современник, а, может быть, современник наших прадедов.

Примерно то же и в стихотворении «Лунный осенний вечер в Беломорске». Стихотворение было написано в 1943 г., когда наша страна успешно проходила сквозь суровые испытания войны, но не только состояние дел на фронте, а и сама война в стихотворении не чувствуются. Оно становится красивой пейзажной зарисовкой вне времени и бытия.

Подобные стихотворения для творчества Гуттари не характерны. Его лирика в целом — лирика злободневная, полная общественных мотивов, но об этих отдельных срывах необходимо говорить, чтобы предостеречь от них поэта в его дальнейшей деятельности.

Как правило, поэзия Гуттари связана с интересами нашей великой советской современности: он пишет о коллективизации, о социалистическом соревновании, о Сталинской конституции, о Великой Отечественной войне, о выборах в Советы, о борьбе за мир.

Борьбу за мир ведут свободолюбивые народы всего мира, во главе с Советским Союзом. Гуттари напоминает поджигателям войны о том, что народы мира не хотят войны. Уолл-стрит угрожает атомной энергией, пишет Гуттари, но рабочие не хотят подвергать огню войны свои жилища, матери не хотят посылать на смерть своих детей. Поджигателям войны не удастся осуществить их безумные планы, говорит поэт, и вместо мирового господства они заработают смиренную рубашку:

Гуттари посвятил свое слово великому человеку нашего времени, гениальному вождю — Иосифу Виссарионовичу Сталину. Для Гуттари, как для всех советских поэтов, дело поэтической чести сложить стихи, достойные этого великого имени.

Имя Сталина постоянно встречается в стихах Гуттари, потому что о чем бы он ни писал — о карельском лесе, о войне, о восстановлении Сталинграда или о тысяче других деяний, трудов и подвигов, совершающихся в нашей стране, — все это всегда связывается с именем товарища Сталина, инициатора и вдохновителя всех наших побед и достижений:

В стремительном гуле заводов,
В согласном биении сердец
Ты — с нами, учитель народов,
Великого плана творец.

(«Утро», пер. В. Потаповой).

В стихотворении «Мирный май» читаем:

И по зову Сталина родного
План великий выполнит народ,
И в труде перед Отчизной снова
Светлое грядущее встает.

(Пер. В. Шефнера).

С именем Сталина для каждого советского человека связана вера в будущее, в победу коммунизма. Выражая мысли и чувства всего советского народа, Гуттари пишет в день выборов:

Кто голос за Сталина подает,
Тот светлую строит жизнь,
Тот в будущее пролагает путь —
К победам, вперед, в коммунизм!

(«Голосу за Сталина», пер. А. Шпирта).

К. В. ЧИСТОВ

ТВОРЧЕСТВО ИВАНА ГРИГОРЬЕВИЧА КУТАСОВА

(1910—1941 гг.)

Иван Григорьевич Кутасов, один из крупнейших русских поэтов К-ФССР второй половины 30-х годов, родился в 1910 г. в Смоленской области. Годы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны застали Кутасова в Рабочееостровске (ныне Кемский р-н К-ФССР), где его отец работал на местном лесозаводе.

Детство, проведенное в кемском порту, наложило определенный отпечаток на все творчество Кутасова. Поэт всегда чувствовал себя помощником, многие стихи его связаны с морем, воспевают поэзию труда рыбака и матроса, щедро используют морскую символику. Целый цикл стихотворений первой половины 30-х годов рисует жизнь кемского порта.

Шестнадцать лет будущий поэт приезжает в Петрозаводск для поступления в Лесной техникум. С 1928 г. он начинает принимать участие в деятельности литературной группы при Карельской ассоциации пролетарских писателей.

После окончания Лесного техникума И. Г. Кутасов некоторое время работает на лесной опытной станции, а затем приглашается в редакцию республиканской газеты «Красная Карелия» в качестве литературного сотрудника промышленного отдела. С 1937 г. он переходит в редакцию альманаха (затем журнала) «Карелия», где работает в течение ряда лет ответственным секретарем.

Еще в 1926 г. И. Г. Кутасов становится активным комсомольцем; в Лесном техникуме он неоднократно избирается секретарем комитета комсомола. Активным общественником, писателем-большевиком был поэт и в дальнейшем.

Когда началась Великая Отечественная война, И. Г. Кутасов одним из первых пошел на фронт. В июле 1941 г. Петрозаводский истребительный батальон, бойцом которого был Кутасов, вступил в бой с врагом, рвавшимся к столице республики. Под Колатсельгой белофинская пуля оборвала жизнь бойца и поэта.

Писать стихи И. Г. Кутасов начал сравнительно рано. Уже в 1929 г. в газете «Красная Карелия» появляются первые стихотворения молодого поэта. В последующие годы его имя постоянно упоминается в статьях и

обзорах, посвященных творчеству русских поэтов К-ФССР. Таким образом, поэтическая деятельность И. Г. Кутасова длилась около 12 лет. Половина этого срока падает на годы формирования поэтической индивидуальности, годы поиска своей темы и своего поэтического почерка. В последние 4—5 лет перед войной И. Г. Кутасов становится зрелым поэтом, работает во всю силу своего своеобразного дарования. Наследство Кутасова невелико — около сотни стихотворений, очерков и рецензий и небольшой посмертный сборник «Запевы», изданный в 1943 г. Государственным издательством К-ФССР.¹

Кутасов был представителем поколения советских литераторов, пришедших в литературу в годы первой сталинской пятилетки. Его литературная деятельность развивалась в знаменательный для советской литературы период окончательной победы социалистического реализма как творческого метода советской литературы.

Поэтическая деятельность И. Г. Кутасова довольно четко делится на три периода, причем первые два (1929—1934 и 1934—1937 гг.), как говорилось выше, не имеют самостоятельного значения и могут рассматриваться лишь как подготовительные к активной поэтической деятельности И. Г. Кутасова в 1937—1941 гг. В дальнейшем мы остановимся подробно именно на этом последнем периоде, однако и о первых двух следует сказать несколько слов.

Первые стихотворения Кутасова, опубликованные им в 1929 г., оставляют совершенно определенное впечатление — это ученические опыты поэта, овладевшего минимумом поэтических приемов. Юный поэт нередко ищет поэтичности в «далеких» темах, известных ему по прочитанным книгам (например «Повесть о том, как шаман обманул самоеда»), либо с юной энергией воспеваает борьбу со злыми стихиями («Песня моряка»), тоскует по боевому коню — верному товарищу во всех битвах, в которых он мысленно принимал участие («Перед трупом коня»). Живая действительность не проникает еще в стихи Кутасова, но, конечно, совсем не потому, что он был далек от нее. Общественный облик И. Г. Кутасова уже в эти годы совершенно определился: боевой секретарь комитета комсомола Петрозаводского лесного техникума, активный участник и организатор стенной печати, он был одним из представителей передовой, преданной большевистской партии и ленинскому комсомолу молодежи, принимавшей самое активное участие в социалистическом строительстве эпохи первой сталинской пятилетки. Однако молодой поэт еще не умеет находить точное образное выражение своей юной радостной взволнованности участника великих битв за социализм. Он полон веры в силы советских людей, перед ним широко раскрывается ясный, светлый мир, ждущий его труда. Характерно в этом отношении одно из его наиболее удачных стихотворений 1929 г. — «Сын рыбака». Отец героя этого стихотворения — бедный рыбак. Буря рвет его убогие снасти, и он гибнет. Так было в прошлом. Теперь же на помощь человеку пришли моторы и

Покорила, обуздала море
Сила молодого рыбака.

В этом стихотворении многое еще неопределенно. И отец — рыбак, ходивший в море на «шняке убогой», и его сын рисуются вне конкретных социальных условий. Побеждает не вооруженный моторами возникавший

¹ И. Кутасов. Запевы. Сост. В. Базанов и С. Сулимин. Госиздат К-ФССР, Тогозеро, 1943, 50 стр. В дальнейшем обозначается «З». См. рецензию В. Базанова на книгу: И. Кутасов. «Запевы», газ. «Лен. знамя», 28 сент. 1943 г., № 199 (6818).

в то время советский колхозный строй, а просто «молодая сила», именно она и волнует автора.

В то же время следует сказать, что даже в этих, еще очень несовершенных стихах Кутасов заявляет себя представителем боевого племени комсомольцев 20-х годов. Он полон энергии, силы и выражает это в образах радостного труда. В этом смысле современность несомненно присутствует в его стихах, как бы в качестве общего эмоционального фона.

Тема радостного труда, появившаяся уже в первых стихах Кутасова, займет в дальнейшем значительное место в его творчестве, станет одной из любимых тем поэта.

В 1930—1934 гг. Кутасов пишет сравнительно мало. Написанное им в эти годы свидетельствует о зреющем в сознании поэта желании овладеть стихом, способным решить важную политическую тему («На финской границе», «Наказ пограничнику», «На Онежском — прорыв», «Песня лесорубов» и т. д.). В его стихах заметны подчас следы учебы у Маяковского, Безыменского, Асеева и других поэтов начала 30-х годов. Для стихов и отдельных очерков этих лет¹ характерно переплетение темы труда и темы борьбы. Труд повседневный — это сражение за социализм. Обращаясь к рабочим Онежского завода, призывая их ликвидировать прорыв, Кутасов вспоминает о боевых традициях онежцев, прославивших себя в годы гражданской войны, и, наоборот, обращаясь к пограничникам, он называет их «рабочими военного цеха». В этом переплетении тем, ранее существовавших в его творчестве раздельно, безусловный знак времени, отзвук боевого энтузиазма трудовых сражений за социализм эпохи первой сталинской пятилетки.

Таким образом, достижения первого периода творчества И. Г. Кутасова невелики. Поэт еще юн и неопытен.

Уже с 1931—1932 гг. И. Г. Кутасов начинает работать в редакции газеты «Красная Карелия». Работа в газете несомненно сыграла большую роль в его творческой биографии, была для него настоящей политической школой и школой литературного мастерства. Постоянные выезды в районы, встречи с передовиками социалистического строительства, нацеленность на важнейшие события в жизни республики помогли ему правильно понять важнейшие принципы деятельности советского литератора и овладеть искусством краткого, ясного, выразительного и политически острого очерка.²

В эти годы основной темой творчества Кутасова совершенно естественно становится тема социалистического преобразования республики. Гигантский размах социалистического строительства — строительство Беломорско-Балтийского канала имени И. В. Сталина, оказавшего огромное влияние на всю экономику Карелии, строительство крупнейших предприятий — Сегежского и Кондопожского целлюлозно-бумажных комбинатов, переоборудование портов, механизация коллективизированного сельского хозяйства и лесной промышленности — обязывал поэта-газетчика осмыслить происходящее, увидеть и запечатлеть то новое, что рождал в сознании советских людей победный марш в социализм, художественным словом участвовать в его строительстве. Очерки Кутасова этих

¹ См., например, «Список благодеяний», «Красная Карелия», 1932, 27 июня, № 147, стр. 3.

² См. «Лесной край — Олония», газ. «Красная Карелия», 1934; «Заводы в руках настоящих хозяев», там же; «Семья котельщика Буторина», там же, 1935; «Слесарь, музыкант, поэт», «Слюдянка», «Великое богатство», «Карельский мрамор» и др., там же.

лет близки к очеркам С. Норина, Н. Грибачева, Ф. Трофимова и других очеркистов, работавших в начале 30-х годов в газетах Карелии. Они рассказывают о людях сталинских пятилеток на новостройках Карелии, старательно разыскивают, обобщают и популяризируют новое в их отношении к труду и друг к другу, отмечают крепнущее сознание коллективизма и неизменный рост нового, советского патриотизма. Некоторые очерки написаны как будто торопливо — Кутасов воспитывает в себе умение стремительно реагировать, учиться находить в самой жизни типичное, помогающее раскрывать суть больших общественных процессов. Не случайно и многие его стихотворения этих лет напоминают очерки. За каждым таким стихотворением чувствуется наблюденный Кутасовым реальный факт, ощущается действительность, отображенная с большим или меньшим умением.

Однако в своих стихах Кутасов еще не сразу находит правильный путь. В этом отношении характерен небольшой цикл, получивший в сборнике «Запевы» название «О лесе». Отметим положительные качества этого цикла. Каждое стихотворение, входящее в этот цикл, — картина, воспроизводящая уголок леса со всеми его звуками, красками и запахами. Однако это не глухой девственный лес — глушь не вдохновляет Кутасова, он не стремится ее поэтизировать. В редких случаях, когда он рисует глухой темный бор, он делает это только для того, чтобы показать, как этот бор оживает с приходом человека.

Только деятельность человека, утверждает поэт, способна превратить лес в предмет поэзии. Так, приход советских лесорубов в лес символически совпадает с началом весны.

С треском полягут сосны и ели,
Ветви зеленые опадут...
Здесь лесорубов пройдут артели,
Длинной змеею обозы пройдут.
Лягут ледянки зеркалом ровным,
Хоботы дерриков вскинутся вверх
И аккуратно толстые бревна
Будут укладывать в мягкий снег.
Кончат гулять по лесу метели,
Станет погода тепла и ясна,
И молодые сосны и ели
К солнцу потянутся, —
Это весна!
Лед поломает на ламбах спокойных,
В пену оденется шумный порог,
И поплывут смолистые бревна
По перепутьям речных дорог.

Лес, покинутый человеком, Кутасов называет «опустевшим лесом», лес этот «притаился, угрюмо замолк», именно не молчит, а «замолк». Пейзаж опустелого бора уныл и безрадостен.

В голых кустах пробирается волк,
Виснут над лесом лохматые тучи,

туман ползет над «равнинами топких болот», «ветер качает деревья грубо», и т. д.

Такое нарочитое снижение поэтичности природы, отказ от ее поэтизации звучит как вполне сознательное стремление отказаться от приемов традиционной пейзажной лирики, ведущих свое начало от поэтов чистого искусства XIX в., против которых так горячо протестовал В. Маяковский. Таким образом, Кутасов выступает в этих стихах как поэт, уже испытыв-

ший на себе благотворное влияние советской поэзии, объявившей борьбу аполитичным традициям так называемой пейзажной лирики. Вместе с тем в стихах этих лет, особенно в названном цикле, Кутасов повторяет некоторые ошибки советских поэтов периода реконструкции (конструктивистов, поэтов «Кузницы», РАПП, вплоть до «Трагедийной ночи» Безыменского и т. п.), стремившихся к непосредственному отражению процессов труда в поэзии и насыщавших стихи специальными индустриальными терминами, описаниями машин и т. д. в ущерб изображению человека, создавшего эту технику и овладевшего ею в борьбе за социальное преобразование общества. Недаром издатели сборника «Запевы» вынуждены были комментировать почти каждую строку цикла, почувствовали необходимость объяснить специальные термины типа «стивидоры», «штабелер», «ледянка» и т. д. Механизмы живут в этих стихах самостоятельной бурной и поэтической жизнью. Только изредка слышится голос человека, мелькают человеческие фигуры:

Бревно за бревном поднимал элеватор,
Три смены работая, не уставал

или

Врезались пилы в бревно...

или

Стучали дробилки..., и т. д.

Пафос механизации и автоматизации, энтузиазм первых дней механизированного наступления на лес неизменно владеет Кутасовым в эти годы. Лесозавод видится ему огромным и чудесным механизмом, созданным трудом советских людей.

Сердце поэта наполняется патриотической гордостью, он чувствует себя представителем молодой социалистической страны, овладевшей первоклассной техникой:

Это идет по всему миру
Наш
Первосортный
Советский лес.

Творцы этой новой техники постоянно имеются в виду, но они не изображаются поэтом, не живут в его стихотворениях. Машины, созданные советскими людьми, как бы движутся сами.

Трапы ложатся на борт покатым;
В рыхлую пыль роняя мазут,
Автовозы по ровным откатам
Доски спеша к пароходу везут.

Гигантские успехи социалистического строительства, преображавшего облик Родины, рождали естественное стремление сравнить настоящее с прошлым. Этой теме посвящены такие стихи, как «Письмо тов. Калининну», «Молодая республика» и др. В первом из них поэт обращается к М. И. Калининну, который в 1904 г. был сослан царским правительством в Карелию, он хочет рассказать ему

... Чем теперь стало
Место,
Бывшее раньше ссылкой...

рисует олонецкую глушь, сторону нехоженных троп и непуганных птиц, низкие деревеньки и беспредельные леса, одинокую дорогу, по которой водят ссыльных:

И по дороге горбатой этой
Медленно Вас повели в Повенец
В тот Повенец,
В котором света,
Как говорится, был конец.

Теперь же Карелия совершенно преобразилась, от старой Олонии не осталось и следа:

Ну, а сейчас в Повенце начало
Новой,
Совсем молодой реки,
Горы прорезала лента канала,
Который сработали большевики.

Однако здесь новое противопоставляется старому только внешне. Изменилось ли сознание людей, преобразующих природу, читателю это остается неизвестным.

В «Письме к тов. Калинин» социалистическое преобразование Карелии рисовалось не только внесоциально, но и сухохато и риторично. В отличие от этого, в стихотворении того же года «Молодая республика» Кутасову удалось рассказать о великих победах первой сталинской пятилетки голосом участника социалистического строительства, превратить основную для второго периода творчества тему социалистического преобразования Карелии в большую лирическую тему. Именно поэтому стихотворение «Молодая республика» стало этапным произведением в творчестве И. Г. Кутасова:

Я молодость и веселье
Даю годам на расправу,
Я молодость и веселье
Свои в работу беру ...

Я слышу, грохочет трактор,
Зеленой равниной Олонца,
Я вижу, несут рыболовы
Ажурные невода,
Встает, разгораясь ярко,
Совсем молодое солнце,
И ноги мои ласкает
Взволнованная вода.

«Молодая республика» — это по существу маленькая поэма, близкая по замыслу к послевоенной поэме А. Титова «Обретенное счастье», емкий поэтический очерк нового, рассказ о достигнутых успехах одного из участников битвы за социализм:

Я вижу, огонь зеленый
Зажат в руке семафора...
Стоит у конца канала
Огромнейшая звезда,
И там, где паслись олени,
Глодают пространство скорые,
Грохочущие железом,
Стремительные поезда.

В этом стихотворении Кутасову впервые удалось избежать риторики. Взволнованный рассказ о новом строится на броских и точных зрительных образах, выбор и осмысление которых убедительно характери-

зуют сознание одного из участников строительства. Именно через раскрытие авторского сознания стремился Кутасов идти к широкому изображению человека эпохи социализма. Следующим шагом на этом пути явилось стихотворение «К морю». Возвратившись к излюбленной теме, такой близкой ему по воспоминаниям детства, Кутасов решает ее совершенно по-новому. Поэзия борьбы с морем понимается им теперь иначе.

Мы пройдем сквозь туман и бури,
Мы привычки знаем врага...
И окрасятся вновь лазурью
Седоватые берега.

В наши книжки запишет море
Полновесные трудодни...

Выезд рыбаков-колхозников в море рисуется как смелый и поэтический подвиг коллектива. Радостный коллективный труд рождает песню и требует песни. Поэтому не случайно Кутасов остановился здесь именно на песенной форме. Песня поется коллективом, она выражает сознание коллектива, органической частью которого становится и самое авторское сознание, поэтому «В море» было важно для Кутасова как первая его попытка создания советской массовой песни, как первая попытка решения задачи, которую поэт будет считать одной из важнейших в третий период своего творчества. Вместе с тем это стихотворение содержит элементы прямой поэтической декларации:

Бросим невод, затаедем песню
Нам работать и петь с руки,
Станет в море просторном тесно,
Когда рыбы пойдут косяки...

Для завершения беглой характеристики второго периода творчества И. Г. Кутасова следует сказать несколько слов еще об одной теме, также чрезвычайно важной для его творчества.

Противопоставляя новое старому, Кутасов пишет также о том, что это старое продолжает еще жить в странах капиталистического Запада. В «стихах о лесе» он рисует угрюмого капитана иностранного корабля, который с тревогой прислушивается к новым песням, звучащим на советском берегу. В стихотворении «Матрос» Кутасов показывает, что тревога эта имеет все основания.

Дожди задержали разгрузку иностранного парохода, пришедшего в советский порт. За простой придется платить золотом.

Тогда по порту прошел призыв:
«Нужно работать вдвойне».
Мы, в срок лесовоз нагрузив,
Окажем услугу стране.
И откликнулись все на призыв,
Работал и стар и мал...

Дружная работа коллектива советских портовых рабочих, свидетельствующая о рождении совершенно нового социалистического отношения к народному государству, к труду, к товарищам по работе, потрясает иностранного матроса, героя этого стихотворения:

Подумал матрос, рукава засучил
И... у лебедки встал.

Кутасов полон веры в революционные возможности лучших, прогрессивных людей капиталистических стран. В стихотворениях «Начало»,

«Письмо в Канаду», «Экспорт» и др. он говорит о революционизировании сознания трудового народа Запада под воздействием могучего исторического примера нашей страны, рассказывает о его стремлении к разрешению все обостряющихся противоречий капиталистического мира. Протест трудящихся Запада подчас имеет еще наивные формы, но и в них залог будущего (см. «Начало»).

Следует отметить влияние стихов Маяковского о Западе на большинство стихотворений Кутасова, связанных с интересующей нас темой.

Итак, второй период творчества Кутасова был временем овладения основами поэтического мастерства и началом серьезного осмысления важнейших принципов эстетики социалистического реализма. В эти годы (1934—1937) Кутасов изучает творчество крупнейших советских поэтов, стремясь отыскать поэтические средства, соответствующие его темам и его темпераменту.

Третий период творчества Кутасова был наиболее плодотворным и значительным. Именно в эти годы (1937—1941) Кутасов показал себя интересным и своеобразным поэтом.

Героическая гибель Кутасова-солдата оборвала жизнь Кутасова-поэта, переживавшего начальный период настоящей поэтической зрелости и далеко не исчерпавшего всех возможностей своего дарования.

Творчество И. Г. Кутасова последних лет развивалось в период завершения построения социализма и начала постепенного перехода к коммунизму.

Важнейшая тема Кутасова в эти годы — тема победившего социализма. Стихи, песни, поэмы, очерки, рассказы и статьи, которые он пишет в 1937—1941 гг., сливаются в один торжественный гимн, прославляющий народ, одержавший историческую победу.

Последние годы творчества Кутасова проходят под знаком горячего интереса к народному творчеству и активного использования его поэтических достижений. С другой стороны поэт усиленно работает над созданием массовой карело-финской песни. И первое и второе несомненно не случайно.

В 1936 г. на VIII Чрезвычайном съезде Советов была принята Сталинская конституция, которая подвела итог славным успехам социалистического строительства в нашей стране. В годы создания мощной тяжелой индустрии и крупного коллективизированного сельского хозяйства в советской стране произошла великая культурная революция, обусловившая новый подъем советского искусства, обогащенного новым социалистическим содержанием.

Для карело-финского народа предвоенные годы были годами завершения национально-государственного строительства, годами возникновения Сюзной Карело-Финской Советской Социалистической республики.

Вторая половина 30-х годов войдет в историю советского народа как эпоха небывалого расцвета народного творчества. Советский народ творит в эти годы новое искусство — искусство победившего социализма. Приобщение широких масс трудового народа к лучшим достижениям культуры, массовое художественное творчество и необыкновенная активность сказителей, донесших до эпохи социализма лучшие достижения, традиции народного творчества, прочно вставших в эти годы на путь новаторства, — с одной стороны, крупнейшие успехи советской литературы в ее борьбе за действительную народность, за овладение методом социалистического реализма, с другой стороны, обусловили неослабевающий

общественный интерес к народному творчеству и стремление многих писателей к овладению его поэтическими богатствами.

Во второй половине 30-х годов в народном творчестве получает совершенно исключительную популярность тема «найденной правды» и осуществленных «чаяний и ожиданий народных». Значительная активность бытования произведений традиционного народного творчества в эти годы, наряду с возникновением новых произведений, прямо отражающих современную жизнь советского народа, безусловно объясняется не только всеобщим вниманием к народным сказителям, но и стремлением осознать современность как воплощенные вековых надежд и идеалов народа (нашедших свое выражение в старом, традиционном народном творчестве). Советский народ осознает себя в эти годы не только законным наследником всего лучшего, что было создано в прошлом, он осознает историческое значение своих побед, открывших новую страницу мировой истории. Именно так и раскрываются в народно-поэтических произведениях тех лет темы осуществленных «чаяний и ожиданий народных» и «найденной правды».

Интерес, который проявляет И. Г. Кутасов во второй половине 30-х годов к народному творчеству, органически связан также и с важными явлениями советской литературы и литературоведения той поры.

В 1934 г. на I съезде советских писателей А. М. Горький обращал внимание наших литераторов на неисчерпаемые богатства народной поэзии. С 1935 г. под руководством редакции «Правды» издательством «Две пятилетки» была начата капитальная работа по сбору советского народного творчества, результатом которой явилось издание «золотой книги» советского фольклора — «Творчества народов СССР». Работа, сопровождавшая подготовку этой книги к печати, и затем появление ее в свет вызвали целую волну публикаций сборников, статей, материалов по советскому народному творчеству отдельных республик и областей, не ослабевавшую вплоть до начала Великой Отечественной войны. В 1936 г. на страницах «Правды» в связи с ошибочной пьесой Д. Бедного «Богатыри» были поставлены и решены основные вопросы изучения традиционного народного творчества.

Значительные события происходят в эти годы в советской поэзии. С 1934—1935 гг. обращается к народной песне и частушке и начинает активно создавать советские массовые песни М. Исаковский, по этому же пути идут А. Твардовский, А. Кулешов, А. Чуркин, Л. Ошанин, И. Френкель и другие поэты, стремящиеся к созданию нового народного искусства (особенно песни), которое впитало бы в себя лучшие элементы литературной, книжной и устной народной поэзии. В этом же направлении развиваются и поэты «старшего» поколения — А. Сурков, Н. Асеев, А. Безыменский и др.

30-е годы в истории карело-финской литературы были периодом активного и дружного сотрудничества писателей и сказителей. Молодая карело-финская литература опиралась в своем развитии на богатейшие традиции народного творчества республики, создавшего в прошлом руны «Калевалы» и русские былины, карельские сказки и поморскую лирическую песню, вошедшие в золотой фонд социалистической культуры нашей Родины.

В 1935 г. широко отмечается 100-летие первого издания «Калевалы», начинается энергичная работа по собиранию и изданию карельского и

русского народного творчества в республике¹, ежегодно собираются конференции сказителей, в которых принимают участие писатели. В ССП К-ФССР возникает фольклорная секция. В 1934—1935 гг. поэт Н. Грибачев и фольклорист А. Нечаев выступают с рядом статей, в которых пропагандируют активное обращение писателей к народному творчеству. Н. Грибачев пишет цикл стихотворений по мотивам карельских народных эпических песен, прозаики Г. Фиш, С. Норин и А. Линевский собирают и творчески обрабатывают устные народные рассказы о гражданской войне в Карелии. С. Норин активно использует народное творчество в рассказах «Медвежья гора», «Источник молодости» и др. В. Чехов в работе над романом «Возмутители» привлекает материалы русского народного творчества XVIII в. и т. д. В эти же годы развивается творчество В. П. Гудкова, энергичного собирателя и популяризатора карельской народной поэзии.

В этом движении активнейшую роль играет И. Г. Кутасов.

Как уже упоминалось, во второй половине 30-х годов он внимательно изучает и поэтически осваивает русское и карельское народное творчество республики.

Обращение к народному творчеству открыло И. Г. Кутасову новые средства поэтического изображения великих перемен, происшедших в стране. Однако к правильному пониманию и творческому использованию народной поэзии он приходит не сразу.

В 1936—1937 гг. в стихах Кутасова впервые начинает звучать тема «Калевалы», в которой он видит высокое воплощение поэтической одаренности карело-финского народа. Вначале эта тема развивается примитивно и поверхностно. Так, например, в стихотворении «Карьяла» (1937 г.) среди многочисленных бытовых деталей, при помощи которых поэт пытается воссоздать облик дореволюционной Карелии, упоминается и обычай петь печальные руны и мечтать о чудесном Сампо. В конце стихотворения безрадостной картине старой Карьялы противопоставляется время, когда

... в порыве великом
Поднялись народы свободной земли...

И вот только теперь —

Звучит наше кантеле
Радостной песней,
О Сампо, рожденном в страде боевой,
О солнце, которого нету чудесней,
Что светит для всех над моею страной.

В других стихотворениях 1937—1938 гг. (например «Кантелист» и др.) Кутасов постоянно говорит о любви карел к рунам и мастерам их исполнения, причем эта любовь обычно мотивируется чисто эмоционально.

Руны любят, потому что они поэтичны и просты, потому что красив их напев:

... их слова просты и мудры...
Вторит долгой их беседе
Буйный лес зеленокудрый.

¹ Подготавливается и выходит в свет сборник «Сказки и песни на Онежском заводе», «Сказки Карельского Беломорья» (т. 1—2), «Сказки Ф. П. Господарева», «Старая и новая Карелия в частушке», «Былины Пудожского края», «Былины П. И. Рябинина-Андреева», «Русские плачи Карелии», «Сказы и плачи о Ленине», «Сказания о героях Арктики», «Красная Армия в народном творчестве», «С. М. Киров в народном творчестве», «Творчество народов К-ФССР» и др.

Даже дети утихают —
Только кантеле услышат.
Ветер песне той внимает
И в траве цветы колышет.
Солнце в вешнем небосводе
Разгорается лучисто,
Любят все в родном народе
Рунопевца, кантелиста.

Значительно серьезнее тема народного творчества раскрывается в стихотворении «Запев» (1940 г.). В «Запеве» Кутасов говорит об исторической преемственности традиций. Советский народ наследует все лучшее, что создавали карелы в предшествующие эпохи:

Загадали мы желанье,
Дума в сердце нам запала.
В руки кантеле возьмем мы,
Чтобы спеть вам предков песни,
Вейнемейнена напевы,
Руны древней Калевалы.

Песня, которую карелы пронесли сквозь века угнетения и нищеты, только в наши дни может звучать свободно и открыто. Но советский народ не просто повторяет песни прошлого:

Только в этой песне старой
Новые звучат напевы —
Не печаль поют, а радость
Кантеле родные струны.

«Песни гнева и печали» становятся песнями радости, потому что советский народ трудится вольно и живет счастливо. Стихотворение заканчивается торжественным гимном солнцу, который заставляет вспомнить гимн солнцу из «Калевалы», пропетый Вейнемейненом (руна 49). В устах древнего песнопевца этот гимн был песней-заклинанием, страстным выражением мечты. В «Запеве» Кутасова гимн солнцу уверенно и торжественно всхваливает победу, одержанную народом.

И над нами солнце всходит
Озаряя лес и горы,
Согревая землю нашу
Материнским взором ясным,
Расходясь лучами счастья
В необъятные просторы.
И поем мы солнцу славу:
— Здравствуй солнце! Ты, сияя,
Будешь нам светить на радость
Нескончаемые годы,
Согревать леса, озера
И поля родного края,
Освещать дела и песни
Возрожденного народа.

Вместе с тем, и в этом стихотворении Кутасов проходит мимо идеологического содержания старых ру. Поэтому идея исторической преемственности не раскрывается и здесь с достаточной глубиной. И все же стихотворение «Запев» сыграло важную роль в творчестве поэта. Именно в «Запеве» со всей ясностью сказалось стремление Кутасова к выработке такого поэтического стиля, который сочетал бы в себе максимальное использование элементов фольклорной поэтики с достижениями современного книжного стиха. Однако это ему не всегда еще удается, он иногда решает свою задачу несколько упрощенно, имитируя

элементы народного стиля, вместо их органического усвоения. В «Запеве» Кутасов использует не только ритмический рисунок карельских рун, он не удерживается подчас от прямых цитат из «Калевалы», например:

Золотой мой друг и братец,
Дорогой товарищ детства,
Мы споем с тобою вместе,
Общее промолвим слово, и т. д.¹

находя в этих цитатах стилистическое выражение исторической преемственности традиции, прямо высказанной в тексте стихотворения.

Кутасов стремится овладеть не только формой народного стиха, он старается постичь самый способ поэтического видения мира, свойственный карельским эпическим песням. Поэтому он воспроизводит и характерную двухстрочную строфику со специфическими перифразами во второй строке.

Совершенно так же, как в рунах, природа у Кутасова не изображается неподвижно, она созвучна настроениям человека, сочувствует ему и органически с ним связана. Например:

День у нас трудом украшен,
И весельем вечер полон.
И шумят леса приветно,
И звенят, колышась, травы,
И в озерах серебристых
Голубые плещут волны, и т. д.²

Кутасов далеко не всегда просто повторяет поэтические приемы рун, многие из них подвергаются в его стихах решительному переосмыслению. Уже говорилось о совершенно новом звучании, которое придал он гимну солнцу. «Запев» при всем внешнем сходстве с руной никак нельзя назвать руной — спокойным эпическим повествованием, которое ведется одним рунопевцем. «Запев» — коллективная песня, песня, исполняющаяся хором, — торжественная оратория, прославляющая радость победы. Не случайно в отличие от первой руны «Калевалы», где говорится:

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу

«Запев» начинается так:

Загадали мы желанье,
Дума в сердце нам запала, и т. д.

Двухстрочные строфы, о которых говорилось выше, Кутасов спаривает перекрестной рифмовкой в многостопные торжественные четверостишья, вполне соответствующие основной идее стихотворения. Мы остановились на этом стихотворении так подробно потому, что оно кажется нам типичным для последних лет творчества Кутасова. Кроме того, многие качества стиля, ясно выраженные в «Запеве», легли в основу крупнейшего и лучшего произведения Кутасова, его поэмы «Две жизни». Прежде чем перейти к анализу этой поэмы, следует сказать, что в 1937—1940 гг. Кутасов непрерывно работает над уяснением идеологической ценности традиционного народного творчества и внимательно следит за всеми новинками советской народной поэзии. Об этом свидетельствуют такие его стихи, как «Сказка», вольный поэтический перевод с карельского руны «Смерть, спрятанная в море», написанные совместно с В. Чеховым

¹ «З», стр. 10, см. руну 1-ю «Калевалы».

² «З», стр. 11.

и переложенные для детей «Кумоха», «Как ворона лису обманула», а также рецензии на новые издания по народному творчеству К-ФССР, очерк о сказочнике-орденоносце М. М. Коргуеве и т. д.

Любопытно параллельное создание очерка о М. М. Коргуеве и стихотворения о нем же — «Сказка». Сказка, рассказанная Коргуевым, совершенно правильно раскрывается в этом стихотворении как поэтическое выражение мечты народа о свободной и радостной жизни:

Перестанут слезы литься,
Солнце красное взойдет,
Как добудем мы Жар-птицу
И ковер тот самолет.
И тогда ковер крылатый
Нас умчит в далекий путь,
Где свободно и богато
Люди в радости живут...

Таким образом, в «Сказке» Кутасов преодолевает основной недостаток, свойственный другим его произведениям интересующего нас тематического круга. Следует отметить, что в «Сказке» поэт преодолел и риторичность — другой существенный недостаток многих его стихотворений. «Сказка» — эпизод из быта поморов, характеризующий место и значение народной поэзии в жизни народа:

Целый день мы были в море.
Путь не легок и далек.
Замаячил на просторе
Одинокий островок.
Пал обедник нам попутный,
Лодка лёгкая быстра...
Как тепло и как уютно
Темной ночью у костра!
Сели в круг.
— Матвей Михалыч!
Ты нам сказку расскажи.
— Чай, вы эту не слышали:
«Жил да был один мужик»... и т. д.

Кстати говоря, в «Сказке» очень точно передана особенность исполнительского мастерства М. М. Коргуева — простота и душевная непосредственность. Герои сказок Коргуева, как правило — люди, живущие на море и связанные с морем. Очень часто это не «герои вообще», действующие в некоем сказочном мире, а люди поэтизированного карельского Беломорья. Именно так и говорит Кутасов —

«Жил да был один мужик»...
Хороша ты, сказка-складка,
Сказка — небыль, сказка — был.
«... И однажды, вот, ребята,
Вышел из дому бобыль,
Подошел ко Белу морю,
Видит, лодочка плывет, и т. д.

В стихотворении не говорится прямо о воздействии сказки на слушателей, однако раскрытие смысла сказки, о которой мы говорим, вполне гармонирует с общим лирическим строем стихотворения и особенно с заключительной строфой, как бы зовущей в морскую даль.

И пошли мы снова в море, —
Путь не легок и далек...
Затерялся на просторе
Одинокий островок.

«Запев» и «Сказка», написанные Кутасовым почти одновременно, отражают равный интерес поэта и к карельскому и русскому народному творчеству. Такое сочетание двух национальных традиций вообще характерно для всей истории карело-финской культуры, в основе которой лежала и лежит многовековая исторически сложившаяся дружба карельского народа с великим русским народом. Поэтому нельзя не признать правильным путь овладения народным творчеством республики, избранный И. Г. Кутасовым.

В 1938—1939 гг. И. Г. Кутасов написал поэму «Две жизни». Эта поэма безусловно принадлежит к числу лучших произведений довоенной карело-финской литературы. Вместе с тем она явилась центральным произведением третьего периода творчества И. Г. Кутасова.

Основная тема поэмы — тема «найденной правды», осуществленных «чаяний и ожиданий народных». Эта тема была, как уже говорилось, одной из важнейших тем советского народного творчества эпохи завершения построения социализма. Эта тема нашла свое претворение и во многих произведениях, созданных русскими и карельскими сказителями К-ФССР второй половины 30-х годов. Достаточно напомнить письмо карельских сказителей Сталину, сказы Пашковой «По твоим заветам», А. Н. Корешковой «Как услышали мы весточку безрадостную», вепсский сказ М. А. Мелькиной «Раньше дни-то были длинные, длинные...», Н. Г. Гречневой «Спасибо, отец Сталин» и мн. др. В основе большинства названных произведений — контрастное противопоставление старого новому и осмысление нового как воплощения вековых идеалов народа.

Мы уже говорили о том, что в творчестве Кутасова противопоставление старого новому в ряде стихотворений 1934—1937 гг. носило несколько внешний характер; сравнивался лишь старый пейзаж Карелии с современным, глушь и дикость с современным индустриальным развитием страны, без показа того, насколько изменились и жизнь, и сознание людей. Неподвижное старое сравнивалось с неподвижным новым, и жизнь изображалась вне ее развития, т. е. не получал применения один из важнейших принципов реализма.

Основная же идея поэмы «Две жизни» состоит именно в изображении развития и революционизирования сознания героя поэмы — «карела», олицетворяющего дореволюционный карело-финский народ. Сюжет поэмы прост: карел, жизнь которого тяжела и безрадостна, мечтает о радости и счастье:

Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлебом,
Чтоб злодей нас не коснулся,
Враг плодов бы не похитил,
Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц.

Как видно из приведенных строк, мечты карела, его мировоззрение характеризуются прямой цитатой из «Калевалы», впитавшей в себя отстававшие веками мечты карело-финского народа. «Карел» не знает причин своего тяжкого положения, его социальное сознание не пробуждено:

Исходил земли он много,
Но добра нигде не видел,
Лишь встречал он по дороге
Гнет, и злобу, и обиду.

«Карел» обращается к ветру, месяцу и звездам, черной туче с одним вопросом — как избавиться от постылой жизни? Но ответа не получает:

Дальше он пошел унылый.
Песню пел. И в песне — горе:
«Для меня земля постыла,
Для меня постыло море...»
Так ходил он бесконечно,
Много бед встречал на свете,
Но вопрос его извечный
Оставался без ответа.

Песенная композиция — троекратное повторение сходного действия — создает впечатление усиления недовольства и постепенной подготовки прояснения социального сознания карела. Во второй части поэмы карел, продолжающий искать правду, слышит издали песню —

Он прислушался сначала:
О борьбе и о свободе
Песня громкая звучала,
Столь желанная народу.

Эту песню поют политические ссыльные, большевики, сосланные царским правительством за революционную деятельность в Карелию. Карел обращается к ним, он слышал о том, что они борются за свободу народа:

Чтобы лучше и вольнее
Жизнь была бы у народа:
Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлебом,
Чтоб злодей нас не коснулся,
Враг плодов бы не похитил,
Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц.

«Карел» рассказывает ссыльным о том, как он искал правду и как «вопрос его извечный оставался без ответа». Среди ссыльных — большевиков — Михаил Иванович Калинин. По мере беседы с ним и с другими ссыльными все больше и больше проясняется классовое сознание «карела». Если в начале поэмы «гнет и горе» казались народу стихийными силами, от которых нет освобождения, то теперь, под влиянием беседы с большевиками, он преодолевает фаталистические воззрения, столь ясно выраженные в ряде произведений традиционного народного творчества:

И теперь леса богаты,
Не скудеют наши горы,
Но беднеют наши хаты,
От налогов, от поборов.
Не погнили сети наши,
Ламбы рыбою богаты,
Но детей уведят наших
В службу царскую, в солдаты,¹ и т. д.

«Карел» начинает осознавать, что только сам народ, руководимый большевиками, сумеет добиться той правды, которую он искал, о которой веками мечтали его предки, сложившие руны «Калевалы». Заключительные строки 3-й части поэмы, вложенные в уста М. И. Калинина,

¹ «З», стр. 45—46.

звучат пророчеством, которое претворилось в жизнь в эпоху социализма. Именно к этой мысли и приводит поэт читателя всем развитием поэмы — от ее заглавия до последних строк:

Царь силен, но мы не стали
Перед силой на колени.
Наша сила — крепче стали:
Нас ведет к победе Ленин.
Хоть сейчас лихое время,
Но живет в мечтах свобода
И недолго будет бремя
Тяготеть над всем народом.
Вспыхнет пламенем пожара
Свет свободы в черной ночи, —
Тяжким молотом удары
Нанесет врагам рабочий.
И тогда другое солнце
Засияет в нашем небе,
Зацветет земля Олонца,
Край ваш будет полон хлеба,
И в народе вдруг проснется
Неизведанная сила, —
И злодей нас не коснется,
И плодов враг не похитит,
И рассеется ненастье,
Как одержим мы победу —
Вот тогда узнаешь счастье,
О котором пели деды!
Это счастье возродится, —
Будешь жить ты без печали,
Как об этом говорится
В мудрых рунах «Калевалы».

Таково основное идейное содержание поэмы И. Г. Кутасова «Две жизни». В этой поэме в наибольшей степени сказались результаты раздумий Кутасова над смыслом традиционного народного творчества. Кутасов правильно выделяет в эпической традиции карел самое ценное и самое прогрессивное: он трактует народную поэзию как поэтическое выражение мировоззрения народа, веками искавшего правду. В этом смысле «Две жизни» предшествуют послевоенным поэмам А. Титова «Обретенное счастье» и Б. Шмидта «Здесь будет город».

Вслед за народными сказителями, Кутасов видит в нашей современности завершение поисков правды, воплощение вековой мечты народа в действительность. Следовательно, Кутасов не просто обращался к старому народному творчеству, он ориентировался на современное народное творчество 30-х годов, переосмыслившее традицию в свете завоеваний эпохи победившего социализма.

Следует напомнить такие сказительские произведения второй половины 30-х годов, как сказки Господарева «Как рабочий и мужик правду искали», «Как Марья с Иваном сравнялась», Конашкова «Самое дорогое», и др.

«Две жизни» естественно сопоставить с известной поэмой А. Твардовского «Страна Муравия», основная идея которой вполне совпадает с идеей поэмы Кутасова. Твардовский своей поэмой разрешил проблему, поставленную в русской литературе Некрасовым, прекрасным знатоком русского народного творчества XIX в. Как известно, в «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов гениально обобщил золотые крупницы правдоискательства, рассыпанные по строкам русских песен, былин и сказок.

Никита Моргунок Твардовского исторически продолжил и завершил поиски правды «семи временно обязанных» Некрасова. Он, подобно «карелу» Кутасова, нашел эту правду в советской действительности. Несмотря на то, что поэма Твардовского написана двумя годами раньше «Двух жизней», нет никаких оснований говорить о влиянии Твардовского на Кутасова. Движимые патриотическим стремлением к созданию искусства, близкого народу, оба поэта, при всем различии дарований, правильно уловили основную идею советского народного творчества второй половины 30-х годов. Кутасов выразил ее средствами карельской народной поэзии, Твардовский — русской. Нет необходимости говорить о том, что поэма Кутасова во многом слабее, чем поэма Твардовского. Правильно уловив важный для карельской народной песни мотив обращения к стихиям, Кутасов не учел того, что обращение к стихиям свойственно, в основном, карельским лирическим песням. Герой или героиня такой песни поверяет свои любовные чувства солнцу, месяцу, звездам, ветру, тучам и т. д. Герой же поэмы Кутасова обращает к стихиям вопрос, полный общественного и политического содержания. Поэтому это обращение к стихиям приобретает не столько лирический, сколько отвлеченный и символический характер. Столь же символически и сам герой поэмы — карел, олицетворяющий весь карельский народ, как его поиски правды олицетворяют историческую судьбу карельского народа. Символичность основного образа и самого сюжета первой части затруднила Кутасову переход ко второй части поэмы, в которой изображается вполне реальный эпизод встречи карела с партией ссыльных большевиков, среди которых был и М. И. Калинин. Следует признать, что Кутасов не отступил от исторической правды. Вполне правдивы порознь и символически изображенный путь поисков правды карельским народом с постепенным прояснением социального сознания, и влияние на этот процесс великого русского народа, руководимого большевиками, чье учение воплотило в себе вековые чаяния народа. Однако приходится констатировать, что поэту не вполне удалось соблюсти художественную правду, не удалось создать вполне гармоничное целое. Отсюда целый ряд противоречий — мировоззрение карельского народа в прошлом удачно характеризуется — в первой части — средствами старой эпической традиции, однако средства эти явно недостаточны для выражения идеологии большевиков, высказывать которую автор поручил М. И. Калинин, недостаточны они и для выражения авторского сознания, постоянно присутствующего в поэме. Во второй части поэмы стилистический замысел ограничивает поэтические возможности Кутасова, сковывает развитие основной идеи поэмы. Поэт как бы повторяет ту ошибку, в которую впадали и некоторые сказители второй половины 30-х годов, не ощущавшие недостаточности старых поэтических средств для выражения нового содержания. Думается, что именно этим и объясняется сравнительно скромная роль, которую сыграла при всех своих достоинствах поэма Кутасова в истории советской поэзии 30-х годов.

Нет сомнения в том, что Кутасов преодолел бы со временем эти противоречия. Об этом свидетельствует настойчивое стремление Кутасова к созданию карело-финской массовой советской песни. В 1937—1941 гг., за исключением стихотворений, связанных с темой народного творчества, поэт пишет в основном песни. В эти годы им написаны: «Песня бригадира», «Песня кантелистов», «Поморская песенка», «Песня пограничных пионеров», «Возвращение с путины», «Песня карельской девушкишки», «Звени, наша песня», «У залива», «Песня кировцев», «Сплав».

ная стахановская», «Песня юных туристов», «Песня карело-финской молодежи», и др.

Как видно из простого перечисления названий, И. Г. Кутасов стремился к широкому песенному творчеству, к созданию массовых песен, рассчитанных прежде всего на потребности молодежи республики. Многие его песни действительно были положены на музыку (В. Гудковым, Н. Леви, Гр. Чеховым и др.). Однако широкой популярности они не приобрели. Кутасову не удалось еще найти путь к созданию простой, содержательной и широкой массовой песни. Песни его суховаты и риторичны, и в них никак не сказывается прекрасная осведомленность поэта в русском и карельском народном творчестве. Песни Кутасова и стихотворения его по мотивам народного творчества кажутся написанными двумя разными поэтами. Некоторое исключение составляет, быть может, только «Песня карельской девушки», опубликованная в 1938 г. в журнале «Литературный современник». Она написана именно как песня и, в то же время, использует мотив, популярный в советском народном творчестве этих лет (милая уезжает на лесозаготовки, девушка, не отстающая от него ни в чем, стремится за ним). Однако Кутасов не смог удержаться от прямой стилизации — от простого подражания народной частушке:

Ой, не мня мне дом родной
С маменькой хорошею,
В лес уехал милый мой
С первою порошею...
.....
Ой, зима, моя зима,
Ой, снега пушистые...
Встретит миленький меня
Под сосной ветвистою.

Совершенно ясно, что такие стихи еще не давали решения основной задачи, стоявшей перед поэтом, — задачи создания поэзии, опирающейся на национальные поэтические традиции и в то же время не повторяющей уже созданное народной поэзией, а идущей впереди ее развития.

Свести и спаять воедино два потока — литературную песню и народную традицию, — Кутасову так и не довелось. Смерть вырвала его из рядов советских поэтов.

Таков вкратце творческий путь И. Г. Кутасова, талантливого поэта-большевика, поэта-патриота, отдавшего все свои силы делу развития карело-финской советской поэзии.

БИБЛИОГРАФИЯ *

I. Стихи

1. Сын рыбака, газ. «Кр. Карелия», 1929, 3 марта, № 51, стр. 3.
2. Песня моряка, там же.
3. Перед трупом коня, там же, 1929, 10 марта, № 57, стр. 3.
4. Повесть о том, как шаман обманул самоеда, там же, 1929, 12 мая, № 105.
5. На финской границе, там же, 1931, 4 февр., № 28, стр. 3.
6. Наказ пограничнику, там же, 1931, 28 февр., № 44, стр. 1.
7. На Онежском — прорыв, там же, 17 апр. № 88, стр. 3.
8. Экспорт, ж. «Ударник слова», 1931, № 1, стр. 7.
9. Песня лесорубов, там же, 1932, № 1—2, стр. 16.

* Публикуемая библиография не является исчерпывающей. В нашем списке стихотворений, очерков и статей И. Г. Кутасова включены только первые публикации. Повторные публикации (напр. в ж. «Карелия» после газеты «Красная Карелия») не учитываются.

10. Матрос, там же, 1932, № 3—4, стр. 10.
11. Письмо в Канаду, там же, 1932, № 3—4, стр. 10.
12. Начало, газ. «Кр. Карелия», 1934, 23 марта, № 68, стр. 3.
13. Письмо товарищу Калинин, там же, 1934, 30 марта, № 74, стр. 3.
14. На бирже, там же.
15. В море, там же, 1934, 8 августа, № 181, стр. 3.
16. Молодая республика, там же, 1934, 15 августа, № 187, стр. 2.
17. Сильнее смерти, там же, 1934, 6 декабря, № 281, стр. 2.
18. Карьяла, альманах «Карелия», 1937, стр. 78—106.
19. Твоих стихов не гаснет пламя, а. «Карелия», 1937, № 2, стр. 77—82.
20. Стихи о лесе, там же.
21. Песня кантелистов, там же.
22. Памяти Кирова, а. «Карелия», 1937, № 3, стр. 158—161.
23. Из поэмы «Тойво Антикайнен», там же.
24. Песня бригадира, там же.
25. Летчику, а. «Карелия», 1938, № 3, стр. 55—57.
26. Морская песенка, там же.
27. Перевод с карельского стих. А. Койвуне «Старушка», а. «Карелия», 1938, № 2, стр. 140.
28. Приветствуем Джамбула, а. «Карелия», 1938, № 2, стр. 49.
29. Возвращение с путины, а. «Карелия», 1938, № 2, стр. 48—49.
30. Миша, а. «Карелия», 1938, № 2, стр. 47—48.
31. Перевод с карельского стих. А. Койвуне «Четверке отважных», а. «Карелия», 1938, № 1, стр. 152—154.
32. Перевод с финского стих. Т. Вятайнен «Тюремный круг», там же.
33. Песня пограничных пионеров, а. «Карелия», 1938, № 1, стр. 75, повторная публикация с музыкальным переложением Гр. Чехова, см. а. «Карелия», 1938, № 1, стр. 75.
34. В избирательном участке, а. «Карелия», 1938, № 1, стр. 76.
35. Беседа, а. «Карелия», 1938, № 1, стр. 71.
36. Папанину, «Карелия», 1938, № 1, стр. 70.
37. Покорителям полюса, «Карелия», 1938, № 1, стр. 69.
38. Памяти Горького, «Карелия», 1938, № 1, стр. 17.
39. Песенка карельской девушки, ж. «Лит. современник», 1938, № 9.
40. Звучи, наша песня, «Кр. Карелия», 1939, 1 января, № 1, стр. 1.
41. Две жизни (поэма), отд. изд., Петрозаводск., 1939.
42. Песня кировцев (для хорового ансамбля рабочих и служащих ст. Петрозаводск), «Карелия», 1939, № 2.
43. Сплавная стахановская (для сюиты Р. Пергамента), «Карелия», 1939, № 2.
44. Песня юных туристов (из текста музыкального спектакля, написанного совместно с В. Г. Чеховым для Петрозаводского Дворца пионеров), «Карелия», 1949, № 2.
45. Перевод с карельского стих. Н. Гиппиева — «Шевченко», «Карелия», 1939, № 2, стр. 103.
46. Смерть, спрятанная в море (вольный перевод карельской эпической песни, записанной от И. Д. Александрова), «Карелия», 1939, № 2, стр. 100—102.
47. Сталину, ж. «На рубеже», 1940, № 1, стр. 3.
48. Запев, «На рубеже», 1940, № 4, стр. 1.
49. Сказка (из цикла «Беломорские стихи»), «Карелия», 1940, № 4, стр. 92—93.
50. Как ворона лису обманула (детская музыкальная пьеса по мотивам карельской сказки), «На рубеже», 1940, № 5—6, стр. 37—47. Совместно с В. Г. Чеховым.
51. Бессмертие. Светлой памяти С. М. Кирова, «На рубеже», 1940, № 5, стр. 13.
52. Перевод с финского стих. Крамсу «Песня порога», «На рубеже», 1941, № 4, стр. 38.
53. Песня карело-финской молодежи, «На рубеже», 1941, № 4, стр. 8.
54. Запевы (сборник стихов), отд. изд. Гос. Изд. К-ФССР. Беломорск, 1943, стр. 50. Вошли стихотворения: «Кантелист», «Запев», «Смерть, спрятанная в море», «Карьяла», «Кудекуш», «Сказка», «У залива», «Первомайская площадь», «Покорителям полюса», «Стихи о лесе» (I—III), «Песня кантелистов» и поэма «Две жизни».

II. Очерки и статьи

1. Список благодетелей (очерк), газ. «Кр. Карелия», 1932, 27 июня, № 147, стр. 3.
2. Лесной край — Олония, там же, 1934, 24 дек., № 296, стр. 2—3.
3. Заводы в руках настоящих хозяев (очерк), там же, 27 декабря, № 299, стр. 2.
4. Семья котельщика Буторина (очерк), там же, 1935, 1 янв., № 1, стр. 2.
5. Слесарь, музыкант, поэт (очерк), там же, 1935, 29 апр., № 99, стр. 3.

6. Путь восстановления и подъема (счерк), ж. «Карело-Мурманский край», 1935, № 5—6, стр. 38—41.
7. Карельский мрамор (очерк), газ. «Кр. Карелия», 1935, 3 сент., № 202, стр. 3.
8. Слюдянка (очерк), там же, 1935, 28 сент. № 223, стр. 2.
9. Великое богатство, там же, 1935, 30 сентября, № 225, стр. 2.
10. Творчество начинающих поэтов, «Карелия», 1937, № 2, стр. 135—141.
11. «Сказы и плачи о Ленине» (рец.), там же, 1936, 2 апр., № 75, стр. 3.
12. «Старая и новая Карелия в частушке» (рец.), там же, 1938, 16 апр., № 87, стр. 3.
13. О книге С. Норина «На рубеже» (рец.), а. «Карелия», 1938, № 2, стр. 152—157. Совместно с В. Г. Базановым.
14. Классики о стихах Александра Ивацова, «Карелия», 1939, № 3, стр. 138.
15. Прошлое и настоящее Петрозаводска, отд. изд. Петрозаводск, 1939, 87 стр. Совместно с Ф. А. Трофимовым.
16. Матвей Михайлович Коргуев (очерк), «Карелия», 1940, № 6, стр. 92—108.
17. «Былины П. И. Рябинина-Андреева» (рец.), ж. «На рубеже», 1940, № 1, стр. 39—40.

III. О Кутасове

1. Кучепатов Н., Под знаком творческого роста, газ. «Кр. Карелия», 1934, 23 апреля, № 34, стр. 3—4.
2. Саянов В., По пути побед. Доклад на Всекарельской конференции писателей, там же, 1934 г., 16 июня, № 137, стр. 3.
3. Грибачев Н., Чему нужно учиться, там же, 1934, 12 июня, № 134, стр. 3.
4. Грибачев Н., Вокруг темы (обзор), там же, 1934, 14 сент., № 212, стр. 3.
5. Кучепатов Н., За 30 лет (1904—1934), альманах «Начало», 1934, стр. 48—56.
6. Грибачев Н., Критику на уровень советской литературы, газ. «Кр. Карелия», 1935, 28 февр., № 49, стр. 4.
7. О работе карельских писателей, там же, 1937, 30 мая, № 122, стр. 1.
8. Базанов-Унжак В., Карельская литература сегодня, там же, 1935, 27 июня, № 170, стр. 3.
9. Грибачев Н. О работе карельских писателей, там же, 1937, 3 мая, № 122, стр. 1.
10. Базанов В., Литература Советской Карелии, а. «Карелия», 1937, № 3, стр. 229—243.
11. Колосенок С., Накануне съезда писателей, газ. «Лен. знамя», 1940, 13 декабря, № 285, стр. 3.
12. Сюкияйнен И. И., Роль писателей в развитии культуры карело-финского народа, там же, 1940, 22 дек., № 293, стр. 3.
13. Первый съезд писателей Карелии, там же, 1940, 28 дек., № 296 и др.
14. Колосенок С., Первый съезд писателей К-ФССР, ж. «На рубеже», 1940, № 5—6, стр. 6—10.
15. Базанов В. Г., «Карелия в художественной литературе», в кн. того же названия, Петрозаводск, 1940, стр. 32—34.
16. Базанов В., И. Кутасов, «Запевы» (рецензия), там же, 1943, 28 сент., № 199, стр. 2.
17. За дальнейший подъем литературы, там же, 1943, 11 июля, № 143, стр. 1.
18. Чехов В. и Тимонен А., На обновленной земле, газ. «Лит. газета», 1948, 24 июля.

Е. М. ЭПШТЕЙН и М. В. ТЕПЛИНСКИЙ

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ О ПРЕБЫВАНИИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА В КАРЕЛИИ

Одна из наиболее интересных страниц истории Карелии второй половины XVIII века связана с именем великого русского поэта Г. Р. Державина, бывшего в 1784—1785 гг. олонеким губернатором.

Исследование многообразной деятельности Державина представляет двойной интерес, как для собственно биографии поэта, так и для изучения истории Карелии в 80-е годы XVIII века. К этому следует добавить, что Державин собрал большой и интересный материал по истории Олонецкой губернии, включающий статистические, этнографические и исторические сведения.

Значительный материал о пребывании Державина в Карелии содержится в собрании сочинений поэта, которое издавалось в 1864—1883 гг. под редакцией акад. Я. К. Грота. Здесь на первое место следует поставить автобиографические «Записки» Державина, помещенные в томе VI. Специальная глава «Записок» посвящена пребыванию поэта в Карелии:

«Записки» интересны не только содержащимся в них материалом, но и тем, что они выражают личное отношение Державина к происшедшим событиям. Вместе с тем следует отметить необходимость критического отношения к этому документу. Державин писал свои воспоминания уже в начале XIX века и, естественно, многие подробности в его памяти стерлись, что приводило к фактическим неточностям. Нельзя, наконец, не учитывать и известный субъективизм автора.

Большое значение имеет переписка Державина, относящаяся к периоду его пребывания в Карелии. Она помещена, в основном, в томе V, частично в тт. VI и VII. Письма поэта дают возможность уточнить ряд вопросов, недостаточно освещенных в «Записках».

Наконец, т. IX занимает обстоятельная биография Державина. Работая над этой биографией, Грот собрал большое количество рукописей Державина, в том числе и материалы, относящиеся к пребыванию поэта в Карелии. С этой целью в 1863 г. он приехал в Петрозаводск, где обследовал местные архивы. В Петрозаводске он пробыл недолго и

дальнейшие розыски материалов поручил чиновникам местного архива.¹

Однако, судя по документам, приведенным Гротом в биографии Державина, эта его просьба выполнена не была. Следует отметить, что даже известные Гроту материалы были использованы им далеко не полностью, о чем свидетельствует архив Державина, собранный Гротом и переданный позднее (в 1892 г.) в Публичную библиотеку в Петербурге.² Грот интересовался, преимущественно, теми документами, которые были связаны с служебной полемикой Державина с генерал-губернатором Т. И. Тутолминым. Поэтому и в биографии Державина глава о пребывании поэта в Карелии сведена, по существу, к той же проблеме взаимоотношений губернатора и генерал-губернатора.

Между тем в руках Грота были интересные материалы, дающие возможность более всесторонне осветить вопрос об этом периоде жизни поэта.

Архив Державина, ныне находящийся в рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, содержит 40 объемистых томов. Основные материалы, касающиеся жизни и деятельности Державина в Карелии, сконцентрированы в XXI томе; кроме того отдельные документы находятся в XII, XVII, XX и XIV томах.

XXI том, общее название которого «Топографическое описание Олонецкой губернии и прочие сведения», содержит ряд важных материалов, почти не использованных Гротом, среди которых следует отметить, в первую очередь, «Поденную записку, учиненную во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным», из которой Грот напечатал всего два небольших отрывка.

Отметим, попутно, что в этом томе содержится ряд документов, представляющих известный интерес для общей истории Карелии — описание городов Петрозаводска, Каргополя, Олонца и Повенца за 1783 г., «Краткое описание образа жизни и свойств живущих в смежности с карелами шведских лапландцев», составленное по поручению Г. Р. Державина Н. Ф. Эминым, и некоторые другие.

Ряд материалов, связанных с деятельностью Державина в Карелии, находился в составе архива А. Р. Воронцова. Они были переданы ему самим Державиным в начале 1786 года. К этому времени Державин в результате разногласий с Тутолминым был вынужден покинуть Карелию и, желая подтвердить свою правоту, передал своему «благодетелю», как часто именует он Воронцова в письмах, целый ряд служебных бумаг и других материалов, вывезенных поэтом из Петрозаводска. В XXI томе державинского архива сохранился черновой реестр этим документам, «относящимся к сведениям Олонецкой губернии и дел в ней в прошлом (1785, — Т. Э.) произведенных», написанный рукой Державина. Всего в реестре 14 названий дел. Некоторые из них Державин снабжал примечаниями, характеризующими его отношение к этим материалам. Так, например, по поводу дела № 1 «Копия с предложения Ти. Ива:

¹ Собственноручная записка Грота, в которой он просит доставить ему сведения «о городских школах и учреждении в Петрозаводске больницы», «сделать выписки, могущие способствовать к разъяснению характера отношений Державина и Тутолмина, вообще тогдашних нравов и состоянии губернии». См. ЦГА К-ФССР, фонд Олон. Губ. Стат. Комитета, оп. 2, д. 3/51, л. 47 и об.

См. также статью Я. К. Грота «Поздка в Петрозаводск и на Кивач». Записки имп. Ак. Наук, т. IV, кн. 1. СПб., 1863.

² Отчет императорской Публичн. библиотеки за 1892 г. СПб., 1895.

(Т. И. Тутолмина, — Т. Э.) при коем прислан обряд его», Державин пишет:

«При том приметить должно, что она не в исполнение указа 1784 года сентября 27 дня делано».

Дело № 4 «Журналы о свидетельстве моем присутственных мест» Державин сопровождает следующим примечанием:

«Из оных усмотреть можно, что в котором присутственном месте в несогласие законов учинено, а так же то примечания достойно... что от него (Тутолмина, — Т. Э.) по тому рапорту никакого исправления в бытность мою делано не было».

Относительно дела № 7, заключающего в себе «Изготовленные мои рапорты в Сенат», Державин замечает:

«Я не подал (рапорты, — Т. Э.) для того, чтобы с моей стороны не сделать оному (сенату, — Т. Э.) обременения. Но ежели бы не был переведен в другую губернию, то бы должен был подать для утверждения своего права»¹.

Не все дела, перечисленные в этом реестре, были переданы Воронцову.² К сожалению, даже переданные материалы дошли до нас не полностью, но и то, что сохранилось, представляет весьма значительный интерес, особенно если учесть, что дела эти были отобраны самим Державиным и, следовательно, с его точки зрения, представляли наибольшую важность.

После Великой Октябрьской социалистической революции архив Воронцовых был передан в рукописный отдел библиотеки Академии Наук. В 1930 г., после реорганизации отдела, там были оставлены лишь старинные рукописи и материалы по истории литературы, а остальные документы были переданы в Историко-Археологический институт АН СССР.

В 1932 г. часть материалов Воронцовского архива, имеющая непосредственное отношение к Державину, была передана в рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, другая же часть осталась в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Из материалов, находящихся в архиве ЛОИИ, наибольший интерес представляют собственноручные примечания Державина на «камеральное описание» Тутолмина (88 примечаний), из которых Гротом использовано только несколько.³ Описание Тутолмина было специально перечислено для Державина его секретарем А. М. Грибовским. На полях этой рукописи, начиная с л. 13, следуют «мои примечания при объезде губернии», написанные Державиным летом 1785 года.

В этой связи необходимо указать на ошибочность широко распространенной версии о том, что, якобы, Державину принадлежит «Историческое описание о древности Олонецкого края и о народах, прежде там обитавших, и топографическое описание о городах и уездах Олонецкого наместничества». Так, проф. А. И. Андреев в статье «Некоторые итоги изучения истории Карелии» пишет, что описание Олонецкого наместничества «было сочинено, несомненно, под руководством Г. Р. Державина,

¹ Рукоп. отдел Г.П.Б. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Архив Г. Р. Державина, т. XXI.

² Рукоп. отдел Г.П.Б. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Архив Г. Р. Державина т. XXI.

³ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, кн. собрание № 519. См. также соч. Державина, т. VIII, стр. 394—396.

проявлявшего в бытность его олонекским губернатором большой интерес к прошлому края, которым ему пришлось руководить несколько лет».¹

Не говоря уже о том, что Державин пробыл в Карелии всего 13 месяцев (сентябрь 1784 — октябрь 1785 г.), а не несколько лет, утверждение проф. Андреева о том, что описание Олонекского наместничества составлено под руководством Державина, ничем не подтверждается.

В феврале 1785 г. Тутолмин составил свое «Историческое описание о древности Олонекского края», на которое написал Державин свои «примечания» и, характеризуя которое в письме к своему другу Н. А. Львову, писал, что там о многом «и наврано и солгано».²

Описание Тутолмина было размножено в большом количестве экземпляров, три из которых содержится в архиве ЛОИИ, причем одно, упомянутое выше, с примечаниями Державина. Два других текста, хотя несколько и отличаются один от другого, в основном в цифровых данных, несомненно, восходят к тому же описанию Тутолмина, текстуально совпадая с тем экземпляром, на котором сделаны державинские примечания.³

Два текста тутолминского описания находятся в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (они не входят в состав упомянутого державинского фонда).

Как и экземпляры, хранящиеся в архиве ЛОИИ АН СССР, они отличаются друг от друга только названиями и тем, что один из текстов был написан несколько позднее и в нем учтены некоторые изменения, происшедшие в Олонекской губернии (открытие двух новых городов, увеличение числа жителей). В остальном же обе рукописи совершенно идентичны.⁴ Следует прибавить, что ко второй, более поздней рукописи (Q IV, 325) приложены карты губернии и планы городов.

Таким образом, несмотря на самые тщательные поиски, никаких следов составленного Державиным или под его руководством описания Олонекской губернии нами не обнаружено. К этому следует заметить, что даже в полном собрании сочинений Державина нет никаких указаний на существование подобного описания.

В архиве ЛОИИ, кроме упомянутых материалов, имеется именной список Олонекского наместничества, дело об установлении больницы в губернском городе Петрозаводске с собственноручной припиской Державина, «генеральный табель уездов Олонекского наместничества... со означением числа душ, получаемого с них дохода и принадлежащей к ним земли» и другие материалы.

Державинские материалы, связанные с его пребыванием в Карелии, составляют в рукописном отделе Института русской литературы АН СССР особый фонд, состоящий из 15 дел.

В материалах этих дел находится ряд документов, не опубликованных Гротом и, вероятно, даже не известных ему.

¹ Материалы юбилейной сессии ученого совета. (Научно-исследоват. ин-тут культуры К-ФССР). Петрозаводск, 1947, стр. 52.

² Соч. Державина, т. V, стр. 845.

³ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, кн. собрание, №№ 518, 520.

⁴ Рукоп. отдел Г. П. Б. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, IV, 269 «Исторические примечания о древности Олонекского края и о народах, прежде там обитавших, и топографическое описание о городах и уездах Олонекского наместничества». Q IV, 325 «Историческое и топографическое описание Олонекской губернии».

Большой интерес представляют неотправленные рапорты Державина в Сенат и Екатерине II, написанные им в последние дни пребывания в Карелии. Они собраны в деле № 6.

Неизвестной Гроту осталась написанная Державиным «записка о разделе земель между государственными крестьянами в Олонекской губернии по приказам экономии директора и о происшедших от того расходах». Эта записка составляет особое дело (№ 10) из 16 листов.

Весь текст переписан рукой писца; на полях рукописи содержится ряд дополнений, сделанных самим Державиным.

Записка предназначена для Воронцова и составлена Державиным уже в Петербурге в начале 1786 г.

Интересны рапорты чиновников Державину (д. № 7) и предложения, рапорты и ордера самого Державина (д. № 8), из которых многие не опубликованы. Так, рапорт № 1, направленный Державиным Тутолмину по поводу рекрутского набора, дает возможность точнее установить дату приезда Державина в Петрозаводск. Указание Я. К. Грота о том, что Державин приехал в Петрозаводск в октябре 1784 г. опровергается датой рапорта № 1 — 24 сентября 1784 г. Следовательно, Державин приехал в Петрозаводск не в октябре, а, повидимому, в середине сентября.

Последний рапорт за № 477 датирован 9 декабря 1785 г. Многие документы свидетельствуют об интересе Державина к историческому прошлому края. При отправлении губернских чиновников в различные города Олонекского наместничества Державин приказывал им:

«Ежели от кого что узнаете, или сами заметите, касательно до исторического известия о происхождении того края народов, о древних приключениях, о обычаях и нравах, или любопытные какие краткие и справедливые повести или редкости, во всех царствах природы, то все не оставьте любопытством вашим собрать и доставить ко мне при возвращении вашем в губернский город Петрозаводск».¹

Когда Державин летом 1785 г. уехал для обозрения губернии, то он велел наместническому правлению рапортовать ему о всех более или менее важных вещах. Эти рапорты Олонекского наместнического правления к Державину собраны в деле № 12.

В фонде имеются статистические материалы, касающиеся Карелии середины 80-х годов. Среди них обращают внимание «Статистическое описание селений Олонекского наместничества с указанием количества мужского пола душ в каждом селении» (дело № 9) и генеральная ведомость об урожае хлеба в текущем 1785 г. в четырех уездах Олонекской губернии (дело № 13).

Ряд документов о пребывании Державина в Карелии содержится в Центральном Государственном архиве К-ФССР. Они представляют интерес для исследователя не только потому, что существенно дополняют материалы, упомянутые выше, но и наличием в них ряда сведений, касающихся общего положения Карелии и дающих представление о деятельности тех учреждений, с которыми непосредственно был связан Державин.

К сожалению, далеко не все материалы 80-х годов XVIII века сохранились; так, например, отсутствуют журналы Олонекского наме-

¹ Рукопись, отдел ИРЛИ АН СССР, ф. 96, оп. 3.

стнического правления, представляющие значительный интерес. Этот пробел только частично восполняется теми выписками из журналов, которые содержатся в фонде Статистического комитета.¹

В архиве нет особого державинского фонда, и интересующие нас документы рассредоточены в делах тех палат, приказов и присутственных мест, с которыми был связан Державин.

Наибольший интерес представляют фонды Олонецкого Губернского правления, приказа общественного призрения и верхнего земского суда.

Среди материалов фонда Олонецкого Губернского правления обращают внимание указания, данные Державиным Н. Эмину, отправившемуся к шведской границе. Державин предлагал:

«чтоб он (Эмин, — Т. Э.) вносил в свои записки, все, что только жителями тех мест объявлено будет касательно истории и тамошних обитателей... Обстоятельно описать настоящее жителей той страны состояние, образ жизни, нравы, обычаи, исповедания веры, язык, промыслы, хозяйство, садоводство, земледельство и все народные избытки и недостатки равномерно же. Стараться всячески проникнуть и разведать древнее их народов происшествие, переселение и случай начального их поселения с объяснением всех в последующие времена случившихся приключений и знаменитых перемен».²

В фонде приказа общественного призрения сохранился журнал заседаний, содержащий интересные подробности об учреждении больницы и о попытках Державина учредить в Петрозаводске «нормальные училища».³

Среди материалов фонда верхнего земского суда находится особое дело с документами, посвященными известной в державинской литературе истории с медведем. Показания заседателя верхнего земского суда Я. Молчина, до сих пор в литературе не использованные, позволяют установить ряд весьма существенных подробностей.⁴

Отдельные документы содержатся также в фонде Петрозаводского Городового Магистрата, уголовного и гражданского суда и др.

Несколько донесений Державина и Олонецкого наместнического правления хранятся в Гос. архиве Архангельской области (в Архангельске находилась резиденция Т. И. Тутолмина). Из них наиболее важен рапорт наместнического правления Тутолмину, в котором изложены причины, побудившие Державина прервать свое путешествие по Карелии летом 1785 года (рапорт 19 сентября 1785 г., № 7637).

Перечисленные материалы свидетельствуют о том, насколько может быть расширена документальная база при исследовании деятельности Державина в Карелии.

¹ ЦГА К-ФССР, ф. Статкомитета, оп. 2, д. 3/51.

² ЦГА К-ФССР, ф. Олон. Губ. правл. (внеструктурный), д. 1/12, л. 16—17.

³ Там же, фонд приказа обществ. призрения, д. 1/1.

⁴ ЦГА К-ФССР, ф. 644, оп. 1, д. 2/9.

СОДЕРЖАНИЕ

И. П. Шаскольский. Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в.	3
Н. И. Богданов. К истории вепсов	24
И. Г. Спасский. Винницкий клад	32
К. В. Чистов. Устные рассказы о Героях Советского Союза М. В. Мелентьевой и А. М. Лисичиной	41
Л. А. Виролайнен. Тобиас Гуттари	67
К. В. Чистов. Творчество Ивана Григорьевича Кутасова (1910—1941 гг.)	83
Е. М. Эпштейн и М. В. Теплинский. Обзор материалов о пребывании Г. Р. Державина в Карелии	103

SISÄLTÖ

I. P. Shaskolski. Novgorodin ja karjalaisten taistelu Ruotsin valtauspoliittikkaa vastaan XII vuosisadalla	3
N. I. Bogdanov. Lislä vepsäläisten historiaan	24
I. G. Spasski. Vinitsan aarrelöydyt	32
K. V. Tshistov. Kansan keskuudessa kulkevia kertomuksia Neuvostoliiton sankareista M. V. Melentjevasta ja A. M. Lisitsinasta	41
L. A. Virolainen. Tobias Huttari	67
K. V. Tshistov. I. G. Kutasovin Kirjallinen tuotanto (vuosina 1910—1941)	83
E. M. Epshtein ja M. V. Tepilinski. G. R. Derzhavinin Karjalassa oloajolta	103